

Сакрытина Мария

*Там тебя никто
не ждёт*

Студентка ин. яза Катя — ветер в голове, мальчишки-романтика-косметика. Эдвард — опальный принц, проклятый собственным отцом, мечтающий только, чтобы ему позволили просто жить. Она не волшебница с палочкой-выручалочкой, а он не принц из сказки. Но если сказка сходит с ума, приходится бежать. А если не получается — сражаться, даже если надежды больше не осталось.

Глава 1

— И запомните: вас там никто не ждёт! — потрясая указкой, повторил профессор. — Никто!

— Заладил! — простонала Таня, отбрасывая ручку.

Я зевнула и врубила музыку погромче. Плеер голосом Мари из Roxette советовал слушать своё сердце. Я прислушалась. Сердце желало поездку в Париж и новый айфон. Мда.

А ещё сердце страдало от жуткого, кошмарного предательства Никиты из Бауманки. Не то чтобы нас связывала большая любовь, но у него был такой симпатичный Ниссан... А теперь он катает какую-то рыжую заучку. "Ты блондинка, а она — умная", — заявил на прощание Никита, прежде чем получил сумкой по лбу. Блондинка!..

И потому сердце жаждало мести. Немедленной и жестокой. Симпатичной такой мести, непременно при деньгах и на машине. А то вторую неделю на метро езжу! Предки почему-то на машину не раскошеляются...

— Представьте: когда вы вступите во взрослый мир, — пробился сквозь музыку голос препода, — и будете искать работу...

Да кому нужна его работа!.. На втором-то курсе.

Зевая, я в который раз оглядела плавающую в сонном мареве аудиторию. Впереди, рядом пониже, Никита — наш отличник — всё-таки рухнул на парту. Понимаю: когда ещё спать ботанику, как не во время таких вот рассуждений "за жизнь"?

Слева Алиса с Таней склонились над свежим номером "Космополитена" и дружно что-то обсуждают, закатывая глаза и вздыхая.

Я придвинулась ближе.

— Что там у вас?

Таня повела плечом, открывая обзор.

О-о-о, блин, снова французский! Да-да, мы учимся в ин. язе, на французском факультете, и любая литература у нас обязательно на французском, и все препода непременно его знают. А уж как модно говорить на "языке любви" во время перерывов... Бр!

Да, у меня с французским не очень. Ну, не то, чтобы совсем не очень, но... Обязательный для поступления английский я знаю лучше. Хотя статью в журнале с горем пополам, конечно, пойму — основную мысль, точнее. Здесь, в графе что-то вроде "холостяк месяца" рассказывали про некоего Эдмунда, двадцати лет, младшего сына известного во Франции бизнесмена. Из очевидных достоинств выше упомянутый Эдмунд имел... так-так-так... виллу в Ницце, гоночную машину (и вроде бы не одну), кучу денег и пачку телохранителей, почему-то запрещающих "холостяка" фотографировать. Из-за этого на странице напротив красовалось нечто размытое, сильно смахивающее на фоторобота. Хм. Ну и что? Уж с виллой в Ницце и гоночными машинами он просто обязан быть красавчиком!

Я со вздохом отвернулась.

— Ну как? — хихикнула Алиса, поднимая голову от журнала.

Я выключила плеер и пожала плечами с видом "где он, а где мы".

Алиса хмыкнула и хитро прищурилась.

— А ты в курсе, что он через месяц к нам приедет?

Плеер довольно громко грохнулся о парту. Я скорчила умильную рожицу поморщившемуся преподу ("Так о чём я? А, так вот, чтобы подняться по карьерной лестнице мне потребовалось...").

— Шутишь?

— Да ладно, Кать, ты что, правда, не знала? — прощепетала Таня, тоже отрываясь от журнала. — К нам посол из Франции снова с визитом заедет. Точнее, не к нам, а к ректору, но нам его, конечно, тоже покажут.

У-у-у! Покажут? В прошлые разы по целых три часа показывали! Насмотрелись до отвала — я даже поспать в кресле успела, пока он с "приветственной речью дорогому университету" выступал.

— И Э-э-эдмунд тоже... будет, — мечтательно улыбаясь, протянула подруга. — Представляешь, раньше он вообще никуда не ездил, а тут к нам... впервые... м-м-м!

М-м-м! Учиться он у нас, что ли, решил? Или — ха-ха! — невесту высматривает?

Я перевела взгляд на Алису. Та пожала плечами.

— А что? Правда. Не заметила, у нас охрану увеличили?

— Юные леди, у вас тоже есть, что сказать? — вклинился в беседу препод.

Алиса фыркнула и как ни в чём не бывало уткнулась в журнал. Я врубила плеер. Таня, самая серьёзная из нас, улыбаясь, приготовилась записывать.

Вздохнув, профессор продолжил — на этот раз, для разнообразия, лекцию.

Покачиваясь над тетрадкой от недосыпа, я смотрела на расплывчатые нестройные буквы.

Через месяц, значит?

— Вам, девчонкам, только принца подавай, — обиженно буркнул Ромка, пытаясь вклиниться между мной и Таней.

Я открыла пудреницу, в который раз скептически поглядела на отражение. Нет, а что? Симпатичная я, да! Все говорят: "Миловидная". Ну, когда я спрашиваю. А со специально наведённым макияжем так и вовсе хороша! Что, зря всё утро в салоне сидела? Лекции прогуляла.

Впрочем, не я одна. По всему университету царил просто небывалое оживление. Никогда ещё посла так тепло у нас не ждали. Причём одни девочки. Мальчиков, как обычно, наблюдался недобор — в основном все с нашего факультета, да переводчики. Ну, с этими всё понятно, завкафы пригнали. Социологов, вон, их дядя Образец и вовсе взащей притащил — сама видела.

Зато девочки — отовсюду. И что-то мне подсказывает: рассчитанного на сто с лишним мест актового зала всем не хватит. И именно поэтому мы с Таней дежури́м здесь уже час — у окошечка, на подоконнике. Удобно. Жарко только — в нашем универе вечно летом духота. Напротив Алиса с кем-то из немок мается. Девочки — в боевой окраске на тропе войны — вооружились телефонами. Ой, чувствую, Ютюб после этого приёма взорвётся.

А, самое забавное: девочки осаждают актовый зал, а универ осаждают журналисты. С камерами, фотоаппаратами, блокнотами и криками. Из окна куда ни глянь — армия

штурмует родной ин. яз. И наша охрана — цари и боги, студенческая притча во языцех — возвышается над всем этим столпотворением. Кого хочу — пропускаю, а ты рожей не вышел — не пропущу... Я после обеда внутрь с трудом попала, прямо-таки с боем. Еле доказала, что студак у меня не поддельный и я честное слово тут учусь. Вообще, ничего удивительного — журналисты пробовали нагло лгать, что они тоже местные студенты. Ну-ну. Я себя просто королевой почувствовала, когда один из преподав меня через пропускной пункт проводил, а журналюги снаружи остались. (Преподу я потом врала, что с утра стою, в универ попасть не могу).

Занятия сегодня, считай, отменили. Парни и так редко ходят, а тут все девчонки побежали краситься-причёсываться, соседние салоны красоты взяли штурмом, в "Кофе-хаусе" через дорогу и вовсе студенческое столпотворение. (Ну да там привыкли. Я на секунду заглянула — чизкейк купить, ко мне нервный официант тут же подлетел: "У вас что, уже сессия?") В общем, в аудиториях почти никого, а главное — и преподы сбежать порываются. Таня рассказала, что англичанка включила очень странное кино (но на английском) и сбежала. Подозреваю, в тот салон, что через дорогу. Очень зря — туда за две недели все наши записались. С француженкой две пары обсуждали Э-э-эдмунда. Периодически по-русски — дублировали, если кто не понимает. Только на истории языка преподша как ни в чём не бывало выдавала упражнения и заставила делать. Бр! В такой-то день! Таня меня потом нашла и мы вместе к актовому залу помчались — окно отвоёвывать. Я с подругой чизкейком поделилась, она со мной — кофе. Мда, знаменитости стоят жертв. Например, пропуска обеда.

— А чем тебе принц не нравится? — буркнула Таня, глядя в зеркальце.

— Угу, — Ромка со вздохом уселся на пол. — Богатый, француз. Блин, девчонки, да вы его даже не видели!

— И что? — фыркнула я.

Нет, серьёзно! Видели, не видели — что такого? Я, может, с детства принцессой быть хочу! А замуж за богача — вообще мечта любой девушки. Ой, вот не надо носом крутить "не в деньгах счастье". Не лицемерьте. Мечта, мечта. Я, конечно, понимаю, что вряд ли мне повезёт и всё такое. Но надеяться-то можно? А мечтать как сладко!

Ромка приуныл.

— А если я тебя в субботу на свидание позову, пойдёшь? — буркнул он какое-то время спустя.

Таня только носик сморщила. Я закрыла пудреницу.

Хм, на безрыбье оно, как говорится, и рак рыба. Но... Не настолько.

— Не-а.

— Я ж говорю — глупые, — ничуть не обидевшись, фыркнул Ромка. — А Лена, вон, пойдёт.

— Так ты тут гарем собираешь?! — воскликнула Таня. — А ну... пшёл отсюда, султан недоделанный!

— Если б я был султан, я б имел трёх жён! — завопил Ромка, отбиваясь сумкой с единственной тетрадкой-блоком. — И тройной красотой...

— Я тебе покажу красоту! — пыхла Таня, вертясь вокруг парня, но не отходя, впрочем, от окна.

А я выглянула наружу. Толпа журналистов росла как на дрожжах. Они уже заполнили весь дворик перед университетом и теперь кучковались в переулке.

Бедный посол.

Кстати, по Остоженке выруливал целый картеж иномарок.

— Тань! Иди сюда! Быстро!

Подруга бросилась к окну, таща за собой Ромку на буксире.

— Чего? Чего там?!

Я потянулась показать и — звяк! — пудреница от Герлен (моя мечта целых две недели!) красиво полетела в открытое окно.

— Кать, ты чего? — изумилась подруга, когда я, выдав забористый мат (ой, извините, общенную лексику), метнулась к выходу из коридора. — Катя!

Да я на эту пудреницу у отца целую неделю деньги выпрашивала! А потом искала во всех Рив Гошах и Летуалях! Это же лимитированная коллекция! Да я же себя не прощу, если кто-то из этих, с микрофонами, её сейчас растопчет. Или хуже того — присвоит! Мою! Пудреницу! От Герлен! Не-е-ет!

В общем, я понимаю, что это было глупо. Но это я сейчас понимаю. А тогда — летела, как оглашённая. У главного входа был ад, так что я бросилась к курилке во внутреннем дворике, а оттуда к калитке, обычно закрытой. Но сейчас через неё кто-то из преподав проводил парочку журналистов. Я со свистом пролетела мимо и, лихо расталкивая всех, кто попадался под руку, кинулась к переулку — окно туда выходит.

И самое интересное: я нашла пудреницу. Да, у кого-то под ногами поползала (прощай чулки, и мини-юбка... хотя нет, мини-юбке-то что?). И увидела: моя малышка от Герлен прямо на оцепленной проезжей части, куда я, не замечая никого, и пролезла.

Ну конечно же, где-то в этот момент ко мне кинулась охрана, а в переулок вылетела белая Ломбарджини. Я, точно заяц перед удавом, застыла, глядя, как красиво (в моём восприятии — жутко медленно, с громким "хрясь!") колёса переехали... мою пудреницу. Я, можно сказать, остолбенела от такого варварства и несправедливости!

А очнулась, когда колёса непосредственно приблизились.

Завизжали тормоза, завизжала я, ещё разок "хрякнула" пудреница (наверное, под задними колёсами), на меня дохнуло жаром, перед глазами потемнело. А в голове мелькнуло жутко обидное: "Я ещё слишком молода, чтобы умирать!". Нет, серьёзно — восемнадцать лет! Да это ж не возраст! У меня же ещё вся жизнь впереди.

Была.

А вообще, это довольно иронично — умирать под колёсами белого Ломбарджини. Всё равно, что под копытами белого коня того самого принца.

Впрочем, со сказками мне всегда не везло.

Глава 2

Сначала был холод. Затем — сырость. Даже нет: сы-ы-ырость! После — запах. Помоечный. Или туалетный. А может, всё вместе. Дальше — мысль: "Так вот он какой — тот свет". И, наконец: "А как там моя пудреница?".

Наверное, пудреницы попадают в рай, потому что рядом моей малышки не обнаружилось, а Небесами я назвать это не смогла бы, даже очень сильно стукнувшись головой. Впрочем, на ад в моём представлении это тоже не походило. Больше на подворотню какого-то европейского города. Да хоть Стокгольма — там у них тоже есть такие узенькие улочки с теснящимися невысокими домами. Правда, в Стокгольме чисто. А тут — ма-а-амочки...

Лужа расплылась, куда хватало глаз (недалеко, пока я голову не подняла). И в ней этак красиво плавало... всё. Мусор, помои пенились, доски какие-то гнили (наверное, мостки). Пахло всё это оду... оше... кошмарно.

Что ж они в аду-то не убираются?

А самое главное: я в этом уже вся. Наверное, достаточно сказать, что стоило с грехом пополам подняться, и с меня потекло: с волос, розовой мини-юбки (уже цвета детской неожиданности), вышитых рукавов платья...

...! (цензура)...! (снова цензура)...! (ну, вы поняли?) Я вчера пол маминой зарплаты в салоне оставила! Чтобы угодить в лужу?!

И пахла я совсем не духами от Герлен.

А уж какие ошеломительные впечатления испытала!

Нет, серьёзно, зачем делать тривиальные котлы с чертями? Дайте моднице лужу, вываляйте её там, как свинюшку, и отправьте к честному народу хрюкать! Куда уж хуже-то?

Я как раз вытаскивала из волос остатки чьего-то обеда (супа, судя по обилию зелени), когда мне на голову вылили ещё... хотя, кажется, это был ночной горшок.

Это точно ад. Определённо.

А пока я растерянно пыталась утереться, ещё и визгливо что-то крикнули. Три раза. Я замерла, чувствуя, как по телу побежали мурашки. (Посидите в мокром платье на ветру, у вас и не то побегит. Учитывая помои-то.)

Язык.

Язык не был русским.

Медленно, не особенно хорошо соображая и только трясаясь от холода, я поплелась по луже (прощайте алые туфельки на шпильке) к просвету между домами.

Зря я это сделала. Лучше бы в подворотне сидела, честное слово. И лучше бы мне и правда всего не видеть.

Площадь, показавшаяся громадной, кучки навоза кое-где, собственно, лошади, его оставляющие, телеги и морозящее дождём серое небо.

Что это?!

Не в силах больше стоять, я упала на колени.

Люди в маскарадных костюмах. Лошади. Певучий язык, абсолютно — абсолютно, чёрт возьми! — мне непонятный.

Господи... Где я?

Одна из проходящих мимо женщин — тоже в маскарадном платье — вдруг споткнулась и, резко побледнев, обернулась. Практически сразу же её окружили четверо мужчин в чём-то похожем на латы. Только не с ног до головы, как у нас рыцарей рисует, а в этих... э-э-э... кирасах? Ну, пластины такие на груди. И... ну... как каски. Зелёные.

Женщина завопила.

Я непроизвольно сжалась, скорчившись у стены.

А мужчины, выдав пару фраз — довольно грубо — попытались женщину поднять. Та заорала, как резаная и... мамочки... вдруг начала с остервенением биться головой о землю. То есть о камни — площадь именно ими (в отличие от мостовой) была выложена.

Вокруг стали собираться зеваки. Ни один не попытался остановить женщину или помочь мужчинам. Они просто смотрели, периодически обмениваясь репликами.

Мужчины между тем всё-таки схватили голосащую, рвущуюся женщину и потащили к моей подворотне. Дело у них плохо продвигалось — женщина не просто вопила, она то и

дело порывалась врезать "каскам", вырывалась, дёргалась, точно муха в паутине. Странно, но у "мухи" получилось, она бросилась к моей подворотне, когда оттуда, обдав грязью из знакомой лужи, вылетела телега. Мужчины, кинувшиеся было за женщиной, успели шарахнуться в сторону. Зеваки тоже. А вот женщина угодила прямо под колёса-копыта.

Я судорожно прижала руки к ушам, заглушая крик. А когда осмелилась посмотреть, увидела, как женщина, с окровавленными ногами, на локтях ползёт прочь от бросившихся к ней "касок".

Наверное, в этот момент я и завопила.

Не знаю. Не помню. Может, я и вовсе не кричала. Только вся эта толпа зевак вдруг повернулась ко мне и перебросилась парой реплик. В их центре вдруг возникли двое этих... в латах и касках.

Один из них указал на меня.

С трудом помню, что происходило потом — но, кажется, я оббегала весь город (если это мерзкое, грязное, серое поселение можно назвать таким громким словом). Знакомиться поближе с местными стражами порядка (или местной мафией — здесь, похоже, один чёрт) не хотелось совершенно. Мне хватило зрелища несчастной, которую двое из них куда-то всё-таки утащили.

Я спряталась за грудой отбросов где-то очень далеко от той злополучной площади и боялась вдохнуть. За мной давно никто не гнался, но даже выползти наружу было страшно. Хотя куча смердела — и ещё как.

Ноги представляли собой синяк, сочащийся кровью — бежала я босиком, скинув шпильки ещё в самом начале. А вы побегайте на шпильках! Надолго вас хватит, ну-ну. Эх, жаль не догадалась бросить их в этих... с касками. Глядишь, может, попала бы?

Я действительно с трудом помню, что было дальше. Память — забавная штука, всё очень страшное отсекает. А мне было страшно. Холодно — до полной бесчувственности, мокро, голодно (несмотря на мерзкий запах гниющего мусора). Помню, с неба всё время моросил дождь — прямо как у нас в Москве осенью. Я вжималась в сырую грязную стену, а мимо постоянно кто-то шлёпал по склизкой дороге (здесь она в отличие от площади камнями покрыта не была).

Наверное, я забрела в трущобы. Ну, мне так казалось. Дома здесь стояли не те каменные, не те деревянные, а местами и то и другое, покосившиеся, с дырами в стенах (щелями, что ли, для кондиционирования?). А жители — всё те же странно одетые мужчины и женщины — не имели привычки закрывать двери. При желании можно было рассмотреть, как они обедают (ужинают?), молятся (не уверена, но очень похоже), готовятся ко сну.

К вечеру улочку, где я спряталась, буквально заполонили компании пьянчужек, горланящих песни, выясняющих отношения (поверьте, не нужно знание языка, чтобы понять их крики), валяющихся в помоях, не дойдя каких-то пять шагов до дома...

Я тряслась от страха быть замеченной. И от холода. Не уверена, от чего больше.

А ещё это саднящее чувство пустоты, когда не знаешь, ни куда идти, ни где переночевать. Господи, а я-то воображала, что представляю, каково это — быть несчастной! Фиг! Несчастье — это куча мусора, я в ней, и ни-че-го впереди. В лучшем случае. В худшем... ладно, не буду.

Мой случай оказался средним.

Посреди ночи меня вырвал из полудрёмы лай.

Не знаю, так или нет, но эта собака, на мой предвзятый взгляд могла посоперничать с приснопамятной рода Баскервилей. Глаза у неё горели, шерсть дыбилась и ростом она точно превышала среднестатистического ротвейлера.

А за ней этак ещё десяток таких же. И все ко мне. Точнее, кажется, к моей куче мусора, потому что догонять они меня почти не стали. Так, ещё только улочек пять.

А вот где я свалилась в следующий раз, точно не скажу. Здесь в воспоминаниях очередной провал — помню только, как привидением скиталась по городу, кутаясь в найденный где-то дырявый платок (сильно дырявый, ага), не чувствовала себя от холода, боролась с головной болью, ноющими болячками на ногах и руках, першением в горле и начавшимся насморком. Дико хотелось есть. Ещё сильнее — выпить чашку горячего молока с мёдом. Я мечтала о ней, как о манне небесной — кто бы подал.

Ага, дождевой водой, оказывается, тоже можно напиться...

Не знаю, прошёл день, или два, а может и месяц... или даже год.

Помню, как упала в руинах какого-то пересохшего фонтанчика. А ещё помню, как вдрут стих шум на улочке, в которой я оказалась. И такие же бродяжки поплелись-поползли прятаться. Помню, тоже пыталась (инстинкт самосохранения ещё работал), но места мне, конечно, не нашлось. Из подворотни я вылетела как раз обратно к фонтанчику.

А потом началось это.

Это сначала слышалось как перестук копыт. Потом как их же чваканье. А после появился ужас. Нет, вот так — Ужас.

Я всё никак не понимала, чего ещё-то боюсь, но тряслась, как проклятая, и на этот раз вовсе не от холода. Скорчилась на дне фонтанчика, прилипла к остаткам стенок, сжалась, почти не дыша.

А они ехали мимо, эти, на вороных конях. Чвакали. Высокие фигуры в плащах и надвинутых на лица капюшонах. Ну вылитые ролевики, честное слово! Вот только Ужас исходил от них — и я закрыла глаза, стараясь сделаться незаметней, вообще исчезнуть, если только возможно.

Ха-ха. Копыта зачавкали рядом с моим убежищем. Остановились. Я ясно понимала, что открой сейчас глаза — увижу этого, под капюшоном, в деталях.

Что-то не хотелось.

Ужас достиг апогея, когда копыта зачавкали снова — в обратную сторону. Скоро затихли совсем, а я всё продолжала, скорчившись, лежать, обнимая колени руками и тихонько поскуливая от страха. Сколько так провалялась — не знаю, но звук приближающихся на этот раз шагов чуть не свёл с ума окончательно. Правда, вместо того, чтобы вскочить и бежать, я только сильнее сжалась. В голове билась мысль: "Ну и пусть. Не могу больше. Хватит".

Шаги замерли. Какое-то время единственным звуком был шум дождя, тихо шелестящего по камням бывшей фонтанной чаши.

И я чуть не пропустила миг, когда раздался голос. Приятный мужской голос с вопросительной интонацией:

— Ki es toue?

Для меня он прозвучал музыкой.

Голос продолжал говорить, что-то спрашивать — знать бы, что. Я же, наконец, осмелилась повернуть голову.

Сквозь слёзы (или дождевые капли?) на ресницах проступал медленно, очень медленно,

невыносимо медленно образ...

Кажется, я всё-таки свихнулась от страха. А может, давно уже свихнулась — ещё там, под колёсами?

Или это и правда ад?

Тогда что здесь делает ангел?

Странно одетый, без крыльев, с лицом того принца, о котором я грезил по ночам. И застывшей в зелёных, красивых глазах жалостью.

Я сразу же вспомнила, как выгляжу. И возжелала, по крайней мере, провалиться сквозь землю.

Как обычно кто-то сверху пропустил желание мимо ушей.

Золотоволосый "принц" снова что-то спросил. Опять не дождался ответа. И, поколебавшись, протянул мне руку.

Вот этот момент запечатлелся в моей памяти очень отчётливо. Рука в тёмно-бордовой перчатке, украшенной золотистыми узорами у запястья. Замысловатая вышивка — тоже золотом, — в которой я не сразу узнала гарцующих единорогов (таких, как на гербах рисуют), и каёмочка самых настоящих французских лилий на швах.

Мои руки были по локоть в грязи — остальное закрывали обрывки рукавов, которые тоже впору было выжимать. Причём отнюдь не от дождевой водички. И я даже представить не могла, как коснусь в ответ этой перчатки и — о, боже мой — оставлю на ней жирные серые следы.

Юноша снова что-то сказал — на этот раз тоном понастойчивее:

— N'aOe reog.

Я приподнялась на локтях, вглядываясь в его лицо.

Надо же — несколько дней в скотском состоянии ещё не вышибли из меня стыд и желание сгинуть подальше, лишь бы меня такой не видели. Особенно он. Такой красивый и холёный.

Поймав мой взгляд, юноша на мгновение замер. Потом улыбнулся — красивейшая из всех улыбок, какие я когда-либо видела. У меня даже дыхание перехватило, пока сидела и, как дура, пялилась на это золотоволосое чудо — ну просто... нет, правда... принц из сказки.

А ещё помню: теряя, наконец, сознание (кажется, больше от голода, чем-таки от страха), думала, что вот такое — принц, спасающий нищенку — бывает только в сказках.

Нет, серьёзно — я на его месте ни за что бы не стала себе такой помогать.

А значит, он мне всё-таки мерещится.

Рука в тёмно-бордовой, богато украшенной перчатке сжала мою ладонь, серую от грязи. И потянула вверх.

Глава 3

Просыпалась я долго и мучительно. Балансировала между туманной дремой и серо-красным забытьём. Очень болела голова — я даже сквозь сон её чувствовала. А ещё — горло, и что-то в груди безумно мешало дышать.

Мне постоянно слышались голоса: визгливые женские и уже знакомый мужской, после которого, точно по заказу, появлялся мой "принц", красивый, как картинка. Снова и снова я окуналась в его изумрудные глаза — и всё это, конечно, сильно смахивало на сон.

А ещё были колокола — чистый серебряный перезвон и гулкий, монументальный "бом" намертво врезались в память. Наверное, я бредила. И треск костра — его не должно же

быть? А ещё — непонятный язык, звучащий на удивление знакомо. Я различала отдельные слова, и они напоминали латынь.

Зачем кому-то разговаривать на латыни рядом со мной?

— ...In nomine Patris, et Filii, et Spiritus sancti...

Голос тоже был знакомым. Я уже слышала его, тогда, у фонтана. Тот светловолосый юноша-видение. Наверное, я окончательно помешалась, если моё видение заговорило на латыни. Да как бегло!

— ... Misereatur tui omnimipotens Deus...

И свет, странно колеблющийся, точно от свечи.

Отвернувшись, я уткнулась носом в подушку и заснула снова — по-настоящему, без всякой латыни и колоколов.

Я надеялась, что проснусь дома. Пусть даже мама и станет сердиться, что я сняла с карточки пол её зарплаты. Плевать. Зато дома — и не надо больше скитаться невесть где в грязи и холоде.

Я ворочалась на мягких простынях и опять не могла вынырнуть из сна.

Иногда мне почему-то чудилась музыка. Кажется, флейта.

Голоса, мелодия, образ принца — всё это красиво переплеталось, путалось в моём сне, точно в паутине. Так что, наконец, очнувшись, я ничуть не удивилась окружающей обстановке, не вполне уверенная, что всё это — реально.

Сумрак. Причём сумрак необычный, а какой-то просвечивающий, что ли? Точно туман, когда глаза протрёшь и...

Я протёрла.

Мда... Так вот он какой — балдахин изнутри! Я его видела как-то в музее. В Лувре, если ничего не путаю. Там есть покои этого... Наполеона Третьего? Неважно — кровать с балдахином там имеется, правда, лежать на ней нельзя. А ещё она богаче. У моей же кровати не имелось никаких золотых кисточек и финтифлюшек вроде резьбы и позолоты. Внутри, по крайней мере.

С любопытством естествоиспытателя, дорвавшегося до музейной ценности, я подёрнула занавески (что за ткань такая мягонькая?) и осторожно выглянула в комнату.

Первым в глаза бросился камин. Не мог не броситься — очень большой. Чуть не в полстены высотой — точно дыра с огнём. Ага, вход в ад. Но краси-и-ивый — как на картинках, где всякие штуки под готику.

И неподалеку этак величественно — ворох соломы. Блин, ну нельзя же так, а? Вся эстетика насмарку.

Я огляделась. Так... И куда я, спрашивается, попала?

Пол щедро усыпан засохшими (или засушенными?) цветами. Очень щедро. Я бы ещё могла решить, что тут букет рассыпали или, там, гербарий, но не с таким количеством "сена". При этом запах в комнате стоял настолько пряный, что в носу тут же засвербело. Чёрт возьми, у меня же аллергия на сушёную траву!

Я наморщила нос и, шмыгая, продолжила осмотр.

Из мебели в комнате больше ничего не нашлось. Ну, не считать же мебелью громадный сундук и охапку соломы, застеленной тканью типа коврик?

В довершение — стены здесь были каменные. Местами — сырые и зелёные.

И окно с другой стороны кровати (когда я, наконец, туда перекатилась — громадная!). Без стёкол. Зато с решёткой.

Мда... Между прочим, дует. Хоть бы чем занавесили, что ли?

Скрипнула дверь. Нет, не так — скри-и-ипнула. Тут такая дверь — будто это замок и местные к осаде готовятся. Так сказать, последнее убежище короля, хе-хе.

Я поскорее задёрнула занавески и улеглась. Но сквозь щель всё же разглядела, как в комнату вошёл мой давешний "принц".

И сразу же почувствовала, что на мне ну абсолютно, вообще ничего не надето.

Мамочки!

Ага... Пустая комната (давайте называть вещи своими именами), громадная кровать, я без одежды. Связь я уловила мгновенно, и золотоволосый красавчик из категории "принц" немедленно переместился в категорию "извращенец".

Натянув одеяло чуть не на нос, я настороженно наблюдала за незнакомцем в щёлочку. А он, глянув мимоходом в мою сторону (я затаила дыхание), подошёл к сундуку, открыл и принялся... раздеваться.

Та-а-ак... Куда я там попала-то?

Первыми в недра сундука полетели перчатки. Не знакомые тёмно-бордовые, а зелёные, под цвет его глаз, наверное. Но тоже с золотой каймой и вышивкой. Дальше — весьма странного (я бы даже сказала — смешного) вида шапочка. Ну, вроде той, которую понтифики носят. Ни тогда, ни сейчас не вспомню, как называется — но этот золотоволосый на понтифика был похож, как я на... архиерея, ха-ха!

Шапочка, кстати, не белая и не красная, а, как и перчатки, зелёная. И тоже с золотой каёмочкой. Предназначена, наверное, чтобы греть самое ценное — мозг. А ещё точнее — макушку, потому что ни на что больше она бы не натянулась.

Дальше юноша через голову стащил... э-э-э... ну, такая штука, которую в моём любимом "Ромео и Джульетте" восьмидесятого года выпуска все мужчины носят. Ну, вроде короткой туники, только эта была длиннее. Получилось вроде платья с поясом. Ага, и с рукавами, узкими и длинными.

На юноше остались неширокие (красные, ха-ха!) брюки и рубашка, а я мысленно сравнила его с капустой. Ну в самом деле, не удивлюсь, если под костюмчиком у него ещё одно платьишко прячется. Или даже два.

На этом бесплатный стриптиз не закончился, а как-то... прервался. Только я приникла к щёлочке, сделав её чуть-чуть пошире... и облом.

В общем, юноша вдруг замер. А потом медленно обернулся.

А тут я, приподнявшись, на локтях, у щёлочки.

Смех у золотоволосого незнакомца оказался таким же красивым, как и голос. Я их тут же и сравнила, стоило ему что-то произнести-пробормотать, всё ещё улыбаясь.

Зато когда он отдёрнул занавеску (полог?), стало не до романтики. Я чуть не с головой нырнула под одеяло. Только тронь, чудо симпатичное, я тебе... я...

А трогать меня, судя по всему, никто не собирался. Высказавшись (не понимаю я, не понимаю — слишком быстро и, кажется, снова по латыни), юноша прошуршал к двери. Та скрипнула... и стало тихо.

Я осторожно высунула нос, огляделась.

Что происходит? Не по-ни-маю...

Оставшись одна, я уселась на кровати и снова принялась осматриваться. В комнате ничего не изменилось — кроме открытой крышки сундука.

Тогда я уставилась в окно.

За окном покачивали ветвями деревья. Где-то в их кронах купалось закатное солнце, расцвечивая небо золотом. Ещё приятно пахло не то жасмином, не то розой, и тихо вздыхал где-то неподалёку ручеёк.

Ничего такой садик, в общем.

Так... А что если этот "принц"... взаправду принц? Комнатка у него, честно говоря, так себе, но если вдуматься... Нет, я помню-помню, это всё мой бред, может, даже предсмертный. Но! А ну как это сказка, а я у принца в гостях? Мой же бред, в конце концов. А в сказке героиня всегда помучаться вначале должна. Вон, Золушка сколько страдала! И заслужила же... Чем я хуже?

Дверь снова скрипнула, я на всякий случай зарылась в одеяло. Только вместо золотоволосого юноши в комнату ввалилась (точно, именно так) орава полуголых девиц болезненно-не выспавшегося вида. Вся эта орава замерла перед кроватью — только чтобы обменяться шепотками и смешками... кажется, по поводу меня.

На принцесс дамочки что-то не катили.

— Привет, — протянула я. Ну и что если не поймут. По тону разберутся! — Что-то потеряли?

Дамочки зашептались оживлённее. А одна, наверное, самая смелая, шагнула к кровати.

Нет, я не буйная. Просто денька два (или три?) провела в трущобах. Нет, я приёмами борьбы не владею. Но если кто-то сейчас же, сию минуту не прекратит теребить мои волосы — своих у этой дуры вовсе не останется!

Девицы восхищённо глазели на мои пряди.

Да, я наследственная блондинка в третьем поколении. Ну и что?

Смелая дамочка, получив (пока) шлепок по руке, замерла... и уставилась на мои ногти.

Что? Ну, французский маникюр. Классический. Ну, Шеллак — сел намертво, не скитания в подворотнях ему плевать. И?

Схватив меня за пальцы, дамочка заверещала. Не то восторженно, не то испуганно — так сразу и не поймёшь. Мгновение спустя ей вторили остальные. Учитывая их количество, гомон поднялся — уши заложило.

Вот в разгар этой суматохи и появился мой герой, точнее "принц". Красавчик нёс поднос и очень удивился, увидев в комнате этих. А вот эти не удивились нисколько. Более того — поменяли тональность криков, пристав к моему (моему!) "принцу", точно курицы к единственному на весь курятник петуху.

Надо сказать "петух" справился. Спокойным голосом, в котором слышалась немалая доля привычки, утомил девочек, и те гуськом, зачарованно оглядываясь на меня, потянулись из комнаты.

Я выдохнула, стоило двери закрыться.

Уф. Дурдом какой-то. Тоже мне, гурии.

Гурии. В мыслях зашевелился червячок подозрения — но быстренько успокоился, когда "принц", забрав с пола поднос, поставил его мне на колени. Что-то тихо сказал, кивая на еду.

Я изучила содержимое. В чашке, больше напоминающей большую кружку, кажется, суп. Пахнет, во всяком случае, приятно. А рядом лежит нечто, напоминающее бутерброд — громадный ломоть хлеба с зёрнышками и шмат не то солёного, не то копчёного мяса с зеленью.

Кажется съедобным. Только где столовые приборы?

Я недоумённо покосилась на юношу. Тот ответил таким же недоумённым взглядом.

Я показала на чашку и честно попыталась изобразить ложку.

Кажется, моя пантомима повергла золотого красавчика в крайнюю степень изумления. Поколебавшись и что-то переспросив, он взял чашку, поднёс ко рту...

А-а-а, так вот как это у вас делается, да?

Мда. Точно скажу: выпивание супа из чашки (даже напоминающей кружку) требует бо-о-ольшой сноровки. У юноши на раз получилось. У меня... ну... не облилась — уже хорошо. Но на суп ушли все силы.

Голова закружилась, когда я примеривалась к бутерброду. В глазах потемнело, грудь сдавило — не вздохнуть. Очнулась я, полулёжа на кровати, а юноша, поддерживая меня за шею одной рукой, другой настойчиво прижимал к моим губам кружку. Почти "уплывая" от слабости, я выпила (что-то пряное) — и сразу же провалилась в сон.

Ну, почти сразу. Взмолвленное выражение в зелёных глазах мне, надеюсь, не приснилось.

А он за меня уже волнуется, да?

Из следующего сна я выпутывалась, точно муха из паутины. Песок в глазах, горьком-матный привкус во рту, потрескавшиеся от жажды губы... Прелесть!

Я привычно потянулась посмотреть который час. Рука всё щупала и щупала бесконечные подушки, простынь и шерстяное одеяло на необъятной кровати.

Что?..

Рука нащупала занавеску.

Я задержала дыхание, сжимая полог. Нет, ну хватит, это уже, в конце концов, не смешно! Когда я уже проснусь?!

Сквозь щели полога проникал свет. Неяркий, даже какой-то испуганный, но уютный. Электрический таким не бывает.

Я села на кровати, замотавшись в одеяло. Голова немного кружилась, горло словно плёнкой покрылось, но грудь отпустило. Уже хорошо.

Сощурившись со сна, я отодвинула занавеску.

Золотоволосый юноша сидел на охапке сена у камина, вполоборота ко мне, странно (молитвенно?) сложив руки и закрыв глаза. Какое-то время я, не шевелясь, смотрела на него, размышляя.

Нет, в конце концов, язык жестов ещё никто не отменял. Надо же хоть как-то познакомиться да выпросить, где я, чёрт возьми, оказалась. Заодно, может, и пойму, брежу или... Или.

Надо. Не отрывая взгляда от юноши и придерживая одеяло, я свесила ноги на пол, красочно представляя, сколько в сушёных цветочках, его покрывающих, спряталось жуков по мою душу.

Юноша, не шевелясь, продолжал молиться. Я поколебалась с минуту. Вряд ли сейчас подходящий момент для выяснения отношений, но...

Треснуло и со свистом выпустило воздух полено. Юноша не пошевелился, а я медленно встала, кутаясь в одеяло, и, стараясь шуршать по сильнее, подошла к камину.

Забавно, меня не услышали и не заметили, хотя простояла я для острастки минуту точно. Кто-то здесь слишком много думает...

Я зашуршала активнее, устраиваясь на соломе рядом, и осторожно коснулась плеча золотоволосого.

Обычно, если я кого-то трогаю, он или спрашивает, что мне нужно, или жмурится от удовольствия, или кричит: "Отстань!". Зависит от того, как трогать (правда, глубокая мысль?). А вот реакцию в виде шараханья от меня точно от привидения что-то не припоминаю.

Юноша содрогнулся всем телом, отпрянул. И только потом посмотрел в мою сторону. У него вырвался вздох и пара очень-очень тихих слов. Хм, может, правда не стоило его беспокоить? Я пожала плечами и попыталась обезоруживающе улыбнуться. Поёрзала на солومه — ничего так, удобненько — устроилась и уставилась на золотоволосого: вроде как "я готова к переговорам и вся внимание". Юноша в ответ абсолютно точно повторил мой взгляд и, чуть погодя, добавил несколько слов — громче и отчётливее:

— Qu'est si aveni?

Я нахмурилась. "Кес"... чего?

— Est-toue enferme?

"Э-ту"... Эту, эту, эту... что-то мне это напоминает. Ой, что-то мне это напоминает...

Поймав мой взгляд, юноша вздохнул и, кивнув на кровать, добавил:

— Dormi un pou.

И вот тут настала моя очередь шарахаться.

Я узнала слова. Почти все, и... мамочки, я их узнала!

Для верности я их даже повторила — с тем самым проносом, на который потратила целый семестр, цистерну воды и три зеркальца. Боже мой, как мне это г'аси'ованное "р" не давалось! Как вспомню — вздрогну, честное слово.

Теперь уже на меня уставились, как на чудо света. И выдали та-а-акую тираду... Я сходу, чувствуя себя попугаем, повторила половину.

Мгновение мы молча пялились друг на друга — я не выдержала первой. Старательно выговаривая звуки (где этот чёртов автоматизм в речи, когда уже придёт?), попыталась спросить:

— Qui es tu? — Кто ты?

"Как тебя зовут?" могло не прокатить, сложнее, а так...

Теперь повторил он, по-своему: "Ki es toue?" Наклонил голову, с интересом и удивлением глянул на меня.

Я указала на грудь и ответила:

— Катя... э-э-э, — пауза, — Катерина.

Если я права, то сейчас он скажет...

И он сказал, указывая на меня:

— Catherine?

Ну что ж, теперь я точно знаю, что брежу. "Катрин" — так зовут меня на занятиях французского. И этот странный, поющий язык очень, очень похож на тот французский (смесь латыни), который мы учили на уроках истории языка.

Господи, неужели в универе мне его не хватило? За что здесь-то?! Я же не знаю его ничерта. Я же в прошлом семестре дифзачёт еле-еле сдала, и то с пересдачей!

Жизнь ужасна и несправедлива.

Я повторила вопрос и указала на юношу. Тот слабо улыбнулся и чётко произнёс:

— idouard.

В таком антураже имя даже не удивило.

— EnchantИ, — "приятно познакомиться", — машинально отозвалась я, чувствуя, как с

непривычки начинает неметь "нижнее нёбо".

Юноша... Эдвард мгновение смотрел на меня — потом расхохотался, громко и беззаботно.

Хм. Я что-то не то сказала?

Вот так потихонечку я и начала учить язык. Очень потихонечку, потому как большинство знакомых французских слов здесь мистическим образом изменилось, превратившись чёрт знает во что. Зато всегда срабатывали немногие слова и выражения, с трудом зазубренные для дифа по истории языка.

И латынь, которая у нас полгода на первом курсе и я её ни черта, ну вот совсем уже не помню.

Знала бы — вызубрила весь учебник заранее.

Да и грамматические конструкции тут просто рок-н-ролл отплясывали. Времена такое творили — мамочки! От порядка слов я за голову хваталась — говори, что называется, как хочешь, никаких правил. Я говорила, и меня не понимали. Мы полвечера с Эдом проболтали, пока он всё на пальцах объяснял (а вы пытались учить язык на пальцах?). Заодно я слова зубрила. Латинские. А ещё у меня акцент прорезался, потому что здесь было меньше носовых гласных — ура, и почему-то межзубные согласные, и нет таких смягчений... В общем, я банально не узнавала произнесённые, особенно быстро, слова, хотя наверняка бы поняла и значение, если бы увидела написанными. Или не поняла?

Но, честно говоря, это был самый интересный урок языка, который мне когда-либо давали.

Наутро меня снова свалила простуда, и ещё дня три пришлось проваляться в постели. Я молчу про ссадины, шишки и ушибы, которые раздулись, воспалились и изрядно меня мучали.

Странные девицы — по одной, по две или скопом — пытались зайти "в гости" ещё несколько раз, так что я заметила: Эдвард стал запираť дверь. На вопрос: "А это вообще кто?" юноша ответил что-то невразумительное и объяснять, как обычно делал, не стал.

Может, я просто не так спросила? Наверняка.

Язык, хоть и улучшался за эти дни, но всё же не семимильными шагами.

Разговаривать мы с Эдом могли в основном по ночам. Днём и вечером он вечно куда-то исчезал. Куда — тоже пока оставалось секретом.

Я скучала, в одиночестве катаясь по широченной кровати, повторяла слова и фразы, стараясь освежить в голове ну хоть что-нибудь.

Из странного — колокола тут, кажется, звонили постоянно. Ну, почти постоянно — очень часто. Они как-то отмеряют время, что ли, но я с ним ещё не разобралась. И сделала мысленно заметку — спросить у Эда.

А из страшного — в сене были насекомые. Я их видела. А ещё там были мыши. Их я тоже видела. Нет, я мышей не боюсь (в отличие от насекомых). Но есть что-то неправильное в бегающих туда-сюда по комнате мышах. А ещё я пару раз слышала, как они копошатся где-то под кроватью. Было очень страшно.

Кстати о кровати. Ночными рубашками и пижамами здесь, похоже, не пользовались, а в кроватях спали не в одиночку. По крайней мере, Эд без зазрения совести улёгся рядом со мной утром, после той ночи у камина, и безумно удивился, получив подушкой по лбу.

Моего французского (или как этот язык у них называется?) не хватило ни его понять, ни

самой объяснить, что, собственно, меня не устраивает. Жесты оказались бессильны. В итоге Эд, приняв это за... хм... забавную странность, принёс откуда-то второе одеяло и преспокойно устроился на другой стороне (учитывая размер кровати — на другой стороне комнаты). Правда, в одежде, хотя здесь это, похоже, не принято.

Всё это не помешало мне проснуться где-то в районе полудня, обнимая его плечи и прижимаясь грудью к спине.

Опять же Эд несколько не удивился. Пробормотав, что-то про "холод с улицы", он оставил краснеющую меня дожидаться завтрака.

А ещё Эдвард не знал слов "ложка" и "вилка". Заинтересовавшись моими сумбурными объяснениями, принёс порядком исписанную бумагу и... (чёрт, каменный век какой-то!) перо с чернильницей. Попросил нарисовать.

Я и перо оказались несовместимы, и наше жалкое сотрудничество в результате выдало только проколотую в нескольких местах бумагу да пару клякс.

Эд с интересом смотрел на мои попытки совладать с "доисторической ручкой" и сначала молчал. Потом осторожно спросил, умею ли я писать. Я обиделась, сказав, что, естественно, умею, только не этим.

Надо ли говорить, что рассказ о ручке или хотя бы карандаше не прокатил. Хотя я в доказательство устроила "наскальную" живопись угольком на стене. Вывела своё имя по-французски. Эд, склонив голову, постоял, посмотрел. И, забрав у меня уголь, исправил две буквы, а одну добавил.

Так стыдно мне не было даже на пересдаче.

Спустя три дня мне полегчало: горло успокоилось, кашель больше не мучал и даже многочисленные синяки и ссадины перестали отзываться ноющей болью — но, конечно, выглядели всё ещё неаппетитно. Посовещавшись с Эдом, мы решили, что пора бы мне вставать.

В честь этого Эдвард принёс мне охапку одежды. Те самые разноцветные капустные костюмы. Разложил на кровати и, оценив мою перекошенную физиономию, предложил помочь.

Проблема усугублялась тем, что я абсолютно не понимала назначения все этих платьев — штуки три, между прочим — и не хотела отказываться от одеяла, в которое куталась в присутствии Эда.

На первых порах ограничились устными объяснениями. Спокойный, как удав, Эд разобрал платья, разложил их в рядок и, указывая на каждое, сосчитал: "Первое, второе, третье...". Потом покорно отвернулся.

На белом и тонком возникли некоторые проблемы — но! — я его натянула. Напоминало оно сорочку, только присборенную, с рукавами, воротничками и манжетами.

Я крутила в руках нечто широкое и тряпкоподобное, но жёсткое, когда Эд (наверное, не выдержав), обернулся. Посмотрел на меня с тряпкой, улыбнулся. И в следующую минуту уже оборачивал тряпку вокруг моей груди и талии, сноровисто шнуруя. Я обалдело втянула животик, сзади Эд затянул — получилось что-то вроде корсета.

Какая жалость, что здесь нет зеркала!

Следующим шло платье, украшенное вышивкой, с подолом до середины икры. Что-то вроде туники только с широкой лентой-поясом и широкой же горловиной, в которую вытащились воротнички из "сорочки".

— Симпатичное платье, — озвучила я, поправляя юбку и рассматривая вышивку на рукавах.

— Блио, — улыбнулся Эд, указав на моё платье и на...хм... его. (У Эдварда — короче, темнее и без ленты. Вот и всё отличие).

Блио, так блио.

А вот дальше шли... хм... чулки. С подвязками. Нет, не ажурными. И не капроновыми. Вообще, бред какой-то — не то чулки, не то панталончики. Эд обозвал их шоссами. Гадость.

Ну хоть туфли оказались привычными. Только каблук маленький. Зато удобный!

Порывшись в сундуке, Эд извлёк гребень и золотой (или золотистый?) обруч. Усадил меня на кровать и спокойно, ни слова не говоря, принялся расчёсывать мне волосы.

Я удивлялась минуту, потом не выдержала и спросила, зачем он здесь-то помогает. Не прерываясь, Эд усмехнулся, осторожно приглаживая мне чёлку. И сказал что-то вроде:

— Если уж ты с одеждой не справилась...

Я проглотила язвительную реплику, чувствуя, как его пальцы осторожно перебирают мои пряди. Несмотря на комизм ситуации это оказалось безумно приятно. Особенно когда Эдвард вдруг задержал локон в руке.

Я обернулась, когда пауза затянулась — осторожно, чтобы он не сжал ладонь и не дёрнул.

Медленно, как-то до странности медленно, Эдвард поднял голову. Наши взгляды встретились — на мгновение.

Я вздрогнула, чувствуя странную лёгкость — почему-то в животе. Эти... как их... бабочки?

По губам Эда скользнула и исчезла улыбка.

— У тебя красивые волосы, — вернувшись к расчёсыванию, буднично произнёс он. — Ты знаешь? Только очень короткие.

Я моргнула, ошалело глядя на мягко скользящий по прядям гребень.

Это что сейчас, комплимент случился?

— И очень странные руки. Мягкие и..., - дальше я не поняла. И потому на всякий случай промолчала.

Закончив, Эдвард выдал мне перчатки — алые, под цвет платья... тьфу ты, блио. И красивые — тоже с вышивкой.

Я встала, пытаюсь привыкнуть к новому образу. Покружилась по комнате. Эх, мне безумно, дико нужно зеркало! Можно сказать, смертельно. И фотоаппарат. Когда ещё в таком маскараде поучаствую?

А вообще удобно. Жаль, что вместо нижнего белья тут какие-то — прости господи! — панталончики, а корсет (и то доисторический) заменяет бюстгальтер. Но, в общем... Неплохо. Особенно туфли. Чувствую себя почти принцессой!

Я повернулась к "принцу" и замерла.

Эдвард всё ещё сидел на кровати и во все глаза смотрел на меня... Да ещё и с таким выражением, что в пору вешаться. Будто вместо красивого пла... блио (ага! выучила!) я облачилась в чёрный балахон с капюшоном и стою тут, потрясая серпом... э-э-э... косой, то есть.

— Эдвард? Со мной что-то не так?

Он вздрогнул, и тут же потрясённо-тоскливое выражение исчезло, сменившись вежливой улыбкой.

— Ты отлично выглядишь.

Я усмехнулась, проводя рукой по волосам, некстати вспоминая, как он меня расчёсывал. В комнате на минуту повисла неудобная тишина.

— Ты давно не была на улице, Катрин? — с видом человека, который думает совершенно о другом, произнёс Эд. — Хочешь прогуляться?

— Э-э-э... Д-д-да..., - отгоняя мысль, что так иногда свидание предлагают, пробормотала я. — Конечно.

Садик мне понравился. Большой, красивый. Без глупых клумб с цветочками — так сказать, дикая красота.

Хотя, честно, я больше думала о странном, если не сказать чудном, доме. Оказался он трёхэтажным (наша комната на самом верху), круглым — этакая башня. Винтовая лестница, по которой мы спускались, сильно напоминала такую же в главном здании нашего универа. Сколько я на её ступенях шишек набила — не счесть. Да там все бьют.

Но здесь ступеньки были не такими обкатанными. Поколения студентов, наверное, не бегали.

Больше удивляло, что, судя по планировке — это не единственная лестница и, получается, вышли мы отнюдь не через парадный вход. Почему?

А ещё по дороге встретила парочка полуголых девиц, которые так на меня и Эда посмотрели... Я чуть сквозь землю не провалилась и тут же принялась проверять юбки — не зацепились ли. Вроде не пышные, но... чего они тогда так пелятся?

А ещё у всех девиц темнели мешки под глазами, и вид был исключительно потрёпанный. Это днём-то, считай, в полдень? Болеют? Только проснулись, а легли поздно? Чем занимались?

Эдварда я даже спрашивать не стала. Но он заметил мою задумчивость и предложил выйти в город. Наверное, ему просто надоело сидеть со мной молча в беседке.

Не скажу, что я очень рвалась в город, помня все эти грязные вонючие улочки, страх и мерзость, и собственное бессилие. Но, честно, зря боялась. Забавно: теперь этот же город виделся совершенно в ином свете. Гуляя с Эдом по тем же — или нет? — улочкам и площадям, я замечала грубую красоту странных зданий — мелких, точно деревенские домишки. Яркие цветы и флюгеры, красивые ограды, фонтаны. А ещё в этот раз сияло солнце, и мне было совсем не холодно. И почему-то становилось очень спокойно на душе в присутствии Эда. Я не вздрогнула даже, когда мимо прошли эти... в зелёных касках. Впрочем, меня они и не заметили.

Странно: на улицах было совершенно нелюдно. Впрочем, вскоре стало понятно, почему: все собрались на площади, куда мы с Эдом вышли совершенно случайно. Горожане столпились, предвкушающе глядя куда-то в центр и увлечённо что-то обсуждая.

Грянул колокол, и Эд, вздрогнув, сразу же попытался меня увести, но это оказалось практически невозможно: народ всё прибывал, и живым течением нёс нас к центру площади.

В общем, скоро и я это увидела: помост, костёр... и женщина, та, что несколько дней назад ползла от "касок".

Всё, что я видела в первый вечер, резко всплыло в голове. Резко и отчётливо. Сердце ухнуло в пятки, я поскорее отвела взгляд и вцепилась в Эдварда.

Мы всё-таки нашли свободную дорожку среди людского моря и выскользнули на край

площади. Странно бледный Эд (хотя вряд ли и я сейчас алела майской розой) прислонился к стене, обессиленно закрыв глаза.

— Эдвард? — шепнула я, беря его за руку.

Вопрос "что это?" застыл на губах.

Позади, с помоста, перебивая гомон толпы, прозвучал громкий, леденящий душу крик.

Я застыла. Эдвард, содрогнувшись всем телом, прижал ладони к ушам.

Ещё один вопль.

Красивое лицо юноши жалко исказилось.

Господи, что с ним? Да, мне тоже страшно, но как-то... отвлеченно, что ли? Я же знаю, со мной такого никогда не случится!

Ещё один крик, протяжный и резко оборвавшийся.

Я, задыхаясь от странного запаха (думала, всего уже нанюхалась), схватила Эда под руку и потащила в первый же переулок.

Какое-то время мы шли молча — Эд, глядя в одну точку, я — пытаюсь вспомнить дорогу. Потом, словно встряхнувшись, юноша вздохнул, расправил плечи, искоса глянул на меня и сам свернул на ближайшей развилке.

Мы молчали до самого дома... то есть парка. Усевшись на скамейку в беседке, Эд стащил свою забавную клириковскую шапочку и, принявшись обмахиваться ею, как веером, улыбнулся, глядя на меня.

А я — как дура, ну правда! — зачем-то выдала:

— Это ведьму там... жгли? Да?

Сначала он меня не понял ("ведьму" по-французски я не помнила, нашла английский эквивалент). Потом, потемнев лицом — точно облако солнышко закрыло, — помотал головой.

— Нет, это не ведьма...

Я напряглась, но облако уже исчезло — Эд снова улыбнулся и весело спросил:

— А почему ведьму?

— Ну, ведьм же обычно сжигают, — пробормотала я, чувствуя себя... не очень умной, в общем.

Эдвард снова (и уже привычно) уставился на меня как на восьмое чудо света.

— У вас ведьм... сжигают? — выдохнул он таким тоном, будто я говорила про убийство младенцев. Мы ещё во время первой беседы, когда я не смогла внятно объяснить, откуда такая взялась, решили, что я из другой страны... земли... города? Иностранка, в общем. Эд, по-моему, не очень-то в это верил, но почему-то решил подыграть.

— Сжигали, — осторожно поправила я, раздумывая, можно уже снимать ту штуку на голове — кусок белой тонкой ткани вроде платка, который Эдвард зачем-то надел мне под обруч, стоило выйти в город. — Только это были не настоящие ведьмы.

Эдвард задумался. Я подёргала платок, стащила вместе с обручем. Эд машинально потянулся помочь, поправил пряди, снова уложил их под обруч. Потом, серьёзно глядя на меня, спросил:

— А зачем же их тогда сжигали?

— Э-э-э, — хороший вопрос. — Ну... не знаю... раньше в колдовство верили... э-э-э... суеверие, в общем...

Эд моргнул.

— Раньше?

— Ну да, — что его так удивляет? — Раньше. Теперь все знают, что колдовства не бывает...

— Не бывает? — переспросил Эд.

— А что, — заподозрила неладное я, — бывает?

— Конечно! — рассмеялся юноша.

С минуту мы недоверчиво таращились друг на друга. Я не выдержала первой.

— Только не говори, что ты умеешь колдовать!

— Нет, конечно, — рассмеялся Эд. — Но ведьмы точно умеют.

Я хихикнула. Ага. Ведьмы. Колдуют. Ну-ну. А у кого-то здесь крыша едет...

— И король, — со странным выражением добавил Эдвард.

— Король? — переспросила я. Та-а-ак, у них тут ещё и монархия. И ведьмы. Ха-ха.

Вот я попала-то, а!

— Верховный правитель, — машинально пояснил юноша, глядя куда-то вглубь парка. — Ты видела его Тёмных посланцев.

Час от часу не легче. Теперь ещё Тёмные посланцы какие-то появились.

— А где я их видела? — осторожно поинтересовалась я, отодвигая ветвь винограда и делая в беседке окошко. На что он там так пристально смотрит?

Эдвард снова моргнул, быстро перевёл взгляд на меня и тут же отвернулся.

— Вряд ли ты забыла. В..., - он выдал странную фразу, оглянулся на меня и тут же исправился. — В тёмном. И на конях.

В тёмном и на конях. Я помнила — ещё бы. И безотчётный ужас тоже помнила.

Эдвард снова обернулся и, мягко улыбнувшись, сжал мою ладонь.

— Их все боятся. Это нормально. Они же мёртвые.

— Кто мёртвый?! — ахнула я, но Эд вдруг вскочил и торопливо вышел из беседки — к высокой полной женщине, которую я разглядела в "окошко".

Кто-то из нас явно "того". Причём сильно. Магия. Ведьмы. Разъезжающие на конях трупы.

А у моего "принца" с головой точно всё... в порядке?

Толстуха, возвышающаяся над Эдвардом, точно башня, и что-то ему втолковывающая, вдруг посмотрела на беседку. Не знаю, как именно (не рентгеновское же у неё зрение, да? Сквозь ветви и листву смотреть), но я почувствовала, что её взгляд прошёлся по мне — изучающе, оценивающе.

Я отвернулась и зачем-то принялась одевать обратно тот платок, что на волосы.

И почему-то сильно захотелось натянуть его ещё и на лицо, как паранджу.

— Катрин, — произнёс чуть погодя голос Эдварда. Сам юноша стоял у входа в беседку и с весёлым изумлением смотрел на меня. — Нам пора возвращаться. И... зачем ты спрятала все волосы? Я правильно понял, ты ведь ещё не замужем?

Я помотала головой. Эд, улыбнувшись, подошёл ближе, поправил платок со словами:

— Тебе незачем их полностью скрывать, они для этого слишком красивы, — что прозвучало слишком буднично для комплимента.

Возвращались мы снова через чёрный ход.

И мне всё чудился тяжёлый взгляд башни-толстухи.

А ещё — вопль той несчастной "не-ведьмы" на площади.

Я сидела на кровати, глядя, как гаснут на небе последние алые всполохи. Эдварда всё не

было. Давно уже колокол прозвонил эту... э-э-э... чёрт, я же учила... по-ве-че-рию, вот! Если я всё-всё правильно поняла и проверила, то, получается, местный колокол звонит примерно (ну очень примерно) через каждые три наши часа. Пока мои собственные наручные часы не приказали долго жить, я это ещё в подворотне проверяла (а чем ещё было заниматься?). Эдвард потом объяснял, что колокол (который просто "бом", а не "тили-тили" — тут колокола, похоже, на все случаи жизни имеются) звонит восемь раз в сутки, и каждый звонок называется по-разному. В основном, отмеряет он время молитвы.

Какие тут у местных отношения к церкви я не понимала. Но они кому-то молятся. Эдвард, вот, периодически молился. Особенно перед сном.

Так вот, их повечерие соответствует нашим девяти часам вечера. Но о-о-очень примерно.

Обычно Эдвард возвращался после неё. Иногда — после полунощницы (полуночи, да). Так что он и сегодня, в принципе, не опаздывает. Но ушёл Эд раньше, так что... Да, я волновалась.

Очень хотелось спать. Я уже дремала пару раз, но всё время просыпалась — от привидившегося взгляда этой пухлой тётки. Ух, уже во сне мерещится. Чем он меня так напугал — не понимаю.

Может от него разило подворотней, которую я благодаря Эду уже умудрилась забыть?

Огонь в камине давно погас, и я не знала, как его разжечь. Холодало.

Я завернулась в одеяло и всё равно заснула, слушая колокол на полунощницу. Помню, как ветер перебирал мои волосы, без труда проникая в комнату через оконную решётку.

А внизу знакомо пела флейта.

— Катрин?

Я вздрогнула, просыпаясь.

Эдвард сидел у камина с кружкой в руках и, как обычно, улыбался. Я заметила, он часто улыбается. Похоже, этакая маска, скрывающая волнение, печаль, или горе.

Юноша указал на вторую кружку — рядом, на полу.

— Я принёс шахматы. Ты играешь?

Я на всякий случай пожала плечами — а правильно ли его поняла? Ну, я в принципе, умею... в шахматы... только... Я всё-таки привыкла к чёрно-белым шахматам, а не однотонно-белым.

Эдвард положил на солому шкатулку с плоской крышкой, где клетки не выделялись, а еле-еле виднелись. Фигурки тоже удивляли. Костяные, небольшие по размеру и очень красивые. Король в виде старичка с короной, ферзь — дама (намёк на королеву?), слон (Эд упорно звал его альфином) представлял собой клирика (ну, вроде епископа, что ли?), а ладью я вообще не узнала — рыцарь, пронзающий копьём дракона.

А ещё одни фигурки были белыми (как и привычно), но вот другие не чёрными, а красными. Забавно смотрелось на однотонной доске.

В процессе ещё выяснилось, что дама-ферзь почему-то ходит только по диагонали и, как пешка, лишь на одну клетку за раз.

В общем, вы уже поняли, что я проиграла?

И весьма быстро.

И во второй раз тоже — пусть не так скоро.

Эдвард же управлялся с фигурками играючи, искоса поглядывая на доску и думая о чём-то своём.

Зато я злилась. Ненавижу проигрывать. Да ещё и так обидно.

— Катрин, — улыбнулся Эдвард после второй партии, протягивая мне кружку с каминной полки. — Извини, я не подумал, у вас эта игра, наверное, не так популярна? Я просто хотел время скоротать.

Я хмуро уставилась в кружку.

— А ты давно играешь?

— Как и все, — недоумённо откликнулся юноша. — С шести лет.

Я играю с девяти — в школе факультатив по шахматам обязательным был. И да, я знаю, что выигрывала в основном благодаря моей неземной красоте, подвешенному языку и угрозе смахнуть нафиг эти чёртовы фигурки, если соперник не согласится на ничью. Обычно все соглашались, но проворачивать такой номер с Эдом почему-то не хотелось.

— Скучаешь, Катрин? — сказал вдруг юноша, глядя на меня исподлобья. Сам смахнул фигурки, молча убрал их в шкатулку и убрал в сундук. — Музыка?

Я промолчала — в сон клонило нещадно. Да и вообще всё это — шахматы, вчерашние кости (на мой взгляд, сильно смахивают на "камень-ножницы-бумага", хотя вариантов и побольше) — очень похоже на попытку занять руки и отвлечься от тяжёлых мыслей, потому что иначе не получается. А что — я, вот, когда с парнями ссорюсь, полы мою во всей квартире. Очень помогает. А особенно сильный терапевтический эффект получается, если рядом скачет кто-нибудь из подружек или мама, уверяя, что "он тебя не стоит", ну и дальше в том же духе. Со зрителями-то оно всегда веселее.

Почему-то чувствую себя сейчас именно зрительницей.

Эдвард тем временем достал... кажется, флейту, посмотрел на неё с секунду. Почему-то поёжился. И поднёс к губам.

Мелодию я сразу узнала — слушала, пока ждала его сегодня. Интересно кому он тогда играл?

Где-то далеко колокол пробил эту... хвалитню... хвалитну... как-то так. Три часа ночи, в общем.

Я повернулась, удобней устраиваясь на соломе. Эх, а первое время аллергия мучила на пару с простудой. Ничего, привыкаю...

Эдвард играл, внимательно смотря на меня — странный взгляд. Пугающе серьёзный. Я поёжилась.

А если подумать, мне ещё никогда никто из парней не играл. Даже на гитаре. И волосы не расчёсывал. И в шахматы никому и мысли не возникало предложить...

Отчего тогда здесь и налёта романтики не чувствуется?

— Эдвард? — тихо позвала я. — У тебя что-то случилось?

Музыка на время смолкла, а я поймала странно-настороженный, грустный взгляд.

Потом Эдвард снова заиграл — немного другую мелодию, но тоже красивую.

Я так и заснула под неё, как под колыбельную.

Следующим утром (по ощущениям — сильно после полудня или шестого часа, как здесь говорят) я проснулась, нашла на кровати со стороны Эдварда сменную одежду, у камина — завтрак-обед... А вот самого Эда, конечно, уже не было.

Сидеть в комнате одной не хотелось.

Через чёрный ход — а как ещё? — я проскользнула в парк. И тут же услышала флейту.

Ага! Сейчас-то я узнаю, чем ты днём занимаешься...

Мелодия — не та, что прошлой ночью, повеселее — лилась ручейком со стороны беседки.

Я проверила на всякий случай, хорошо ли держится на волосах обруч и в порядке ли пла... блию. И поспешила на звук.

Вообще, по сторонам, конечно, стоит иногда смотреть. Так, может, и не налетела бы на эту страшную толстуху-башню... Я шарахнулась от неё, как от чумной и, честно говоря, совсем не ожидала, что тётка протянет руку, схватит меня чуть не за шиворот — а точнее за шею. Лапища у неё — зубы ротвейлера отдыхают.

Что-то тётка шипела, не знаю, не расслышала. Помню только, что флейта вдруг смолкла, эта... толстуха, наконец, отодвинулась, и мне открылся отличный обзор на беседку.

Эдвард целовался. С какой-то дамочкой. Разодетой в пух и прах. С колпаком, как у фей в сказке про Золушку.

Бр-р-р!

Меня толкнули назад, резко повернули, чего-то снова зашипели. Я уловила только последнюю фразу, сказанную чуть громче и понятнее:

— ... и если ты ещё раз... Поняла?

— Поняла, — машинально отозвалась я. "Поняла" — самая ходовая фраза на уроках французского. Впрочем, и тут сработало. Тётка отпустила, снова зыркнула и встала живым знаком "проезд запрещён".

Пришлось вернуться в комнату.

Но ждала я Эда на этот раз с больши-и-им нетерпением.

И конечно он пришёл ещё позже, чем обычно — в третьем часу ночи, в эту, которая хвалитны (господи, напридумывали!). Усталый и ещё более задумчивый.

Не замечая мой нетерпеливый взгляд, прошёл в комнату, стукнул засовом, свалился на кровать и с тяжёлым вздохом закрыл глаза.

А я впервые решила: хорошо, что стёкол в окнах здесь нет. От Эда стойко и очень странно, точнее непривычно, несло женскими духами. Противный такой аромат розы и чего-то... фрезии? Чего-то резкого.

Моя аллергия очень "вовремя" решила напомнить о себе.

Я всхлипнула-хлюпнула, отодвигаясь к окну, к свежему ветерку, со всей силы зажала нос. Эд повернул голову, посмотрел на меня сквозь ресницы.

— Катрин? — измученный голос. — Как ты?

Хреново! Особенно сейчас.

Я отдышалась и с трудом выдавила:

— Чьи это... духи... запах (в оригинале "тяжёлый аромат" получился)? С кем ты...

— Графиня де Лиакруа, — пробормотал Эд, не дослушав, и снова обессиленно закрыл глаза.

Графиня. Угу. Это, конечно, многое объясняет.

— Ты её любишь? — вспомнилась сцена в саду. — Эту... графиню.

Я тут же пожалела о вопросе — ну в самом деле, как ревнивая девчонка: "Ты её любишь? А меня?" Бред!

— Что? — выдохнул Эд, снова открывая глаза и с удивлением смотря на меня. — Конечно, нет!

Э-э-э... А меня?

— Но ты с ней целовался! — выпалила я, отодвигаясь ещё дальше к стене.

— Ты видела? — устало шепнул Эдвард. И замолчал.

— Ну... я... просто..., - а пусть не думает, что подглядываю! Я не такая! — Ну... А зачем тогда, если ты её не любишь?

И почему я чувствую себя теперь полной идиоткой?

Пока Эд молчал, в голове пронеслось сразу много всего: от коварного соблазнения до поругания женской чести.

Только Эд в роли коварного соблазнителя как-то... не представлялся.

— Катрин, — глядя в потолок, произнёс, наконец, юноша. — Ты знаешь, где сейчас находишься?

Ну-у-у... А что?

Поймав мой взгляд, Эд вздохнул и выдал:

— В доме терпимости.

Э-э-э... Это в дурдоме, что ли? Нет, я, конечно, подозревала, что с катушек съехала ещё там, у универа, но... но...

Зелёные глаза пристально смотрели на меня, не отпуская.

— В борделе, Катрин.

Глава 4

Уф... Не в дурдоме. Уже хорошо. Всего лишь... Где?!

Эдвард устало закрыл глаза и отвернулся.

Т-т-то есть к-к-как в борделе? Почему в борделе? В каком... в каком ещё борделе?!

— Эдвард, — тихо позвала я. — Пожалуйста... скажи, что ты не сутенёр.

Мне пришлось раза три объяснить значение слова, прежде чем Эдвард понял и, глядя на меня с каким-то болезненным изумлением, рассмеялся — по-моему, истерически.

— Что?! Ну конечно, нет, Катрин! Что ты... Господи, Катрин, ну ты и придумала!

А мне вот совсем не весело.

— В таком случае, — медленно произнесла я, — что ты тогда здесь делаешь?

Смех резко оборвался.

Какое-то время Эдвард пристально смотрел на меня. Потом спросил:

— Катрин, сколько тебе лет?

Я опешила.

— Восемнадцать.

Эд кивнул. И невыразительным, тусклым голосом (каким у нас обычно лекции читаются) продолжил, тщательно подбирая слова:

— В восемнадцать благородные дамы обычно уже давно замужем. Но их мужья часто старше их — намного. И больше увлечены управлением и войнами.

Да-да, я в курсе, пояса верности и всё такое...

— Но юным дамам, — продолжил Эд, — необходимо развлечение... и подходящий эскорт...

— И их мужья не против? — усмехнулась я.

Эд тоже улыбнулся — как обычно фальшиво.

— Только за. Такое... общение не приводит к дуэлям и войнам. Они... не чувствуют себя оскорблёнными.

Мда. Если мой будущий муж будет ходить по проституткам, очень сомневаюсь, что дома его встретит нечто кроме сковородки... или скалки...

Стоп.

— То есть ты, — выдавила я. — Ты...

Я не могла его произнести. Очень французское слово — все слова этой категории насквозь французские.

Но губы просто не слушались.

— Ты...

— Да, — спокойно отозвался Эдвард, отворачиваясь.

Я стиснула оконную решётку, та, кажется, даже задрожала.

Нет. Не может быть. Не может... Он же "принц"!

— Катрин, ложись спать, — минуту спустя позвал Эд. Как ни в чём не бывало.

Забавно — я машинально послушалась.

— Эдвард, — он в который раз повернулся ко мне, посмотрел выжидающе. — Скажи, зачем я здесь? Зачем ты меня... забрал?

"Ты решил и меня сделать...", — не было произнесено, но Эдвард понял.

Юноша приподнялся на локтях, зелёные глаза глянули в упор... Я оцепенела. Почему никогда раньше я не замечала, какие выразительные у Эдварда глаза? И каким тяжёлым может быть взгляд.

Я почти ожидала, что он сейчас закричит или ударит.

Но Эдвард просто лёг и отвернулся.

Молча.

На душе скребли кошки.

Я промаялась всю ночь, то и дело прислушиваясь к дыханию юноши рядом.

Стойкое чувство гадливости и отвращения царапало, не давая расслабиться. Я чувствовала себя обманутой, преданной и... бессильной. Снова.

Мерзкое ощущение.

"Принц" из борделя... Да что же мне так не везёт-то?

Я даже всплакнула в подушку, но, против обыкновения, это не очень-то помогло. Под утро, к их первому часу, а нашему — шестому, провалилась в сон, как в омут.

Слава богу, мне ничего не снилось.

Зато после пробуждения раскалывалась голова, а стоило подняться — атаковала слабость.

Чёрт возьми!

Я буквально вытолкнула себя из постели. Огляделась. Конечно, Эдварда не было. Интересно, он сейчас с кем-нибудь...

Я поморщилась и мысленно запретила себе об этом думать. Вообще не думать про Эда. Совсем.

Учитывая головную боль, получалось неплохо.

У камина стыл обед (судя по солнцу сейчас около полудня), на сене лежала одежда. Всё как обычно.

Я сжала виски, села, покачиваясь из стороны в сторону. Наконец, придя к выводу, что голая и голодная я нафиг никому не нужна — в том числе и себе, — переоделась и пообедала.

И кой чёрт меня понёс потом в парк?

Эдвард методично обрывал с куста светло-розовые и жемчужные хризантемы. Только-

только распустившиеся цветы...

Поди, для очередной... клиентки.

Я резко развернулась и решительно направилась было в противоположную сторону, но...

— Катрин?

Я остановилась. Обернулась.

Непринуждённо улыбаясь, Эдвард протягивал мне букет.

— Я всё ждал, когда ты проснёшься, — сверкая, точно солнышко, произнёс он. —

Катрин, ты не заболела? С тобой всё хорошо?

Я внимательно изучала хризантемы, пытаюсь сосчитать до десяти.

Как он может делать вид, что ничего не произошло?!

В зелёных глазах, там, за налётом спокойствия и уверенности, промелькнула обречённость.

Я зажмурилась. В конце концов!

— Катрин?

— Да, Эдвард, мне восемнадцать. Но я не графиня. И даже не замужем. Так что оставь это, — я кивнула на букет, — для кого-нибудь другого.

Почему-то отвернуться и уйти прочь было очень тяжело. Я знала, что всё делаю правильно, надо сразу... обезопасить себя, а не лицемерить. Просто дать понять, что он не сможет мной пользоваться. Никогда. Что между нами... никогда...

Я всё-таки обернулась, когда дошла до рожицы.

Цветы валялись на земле — шёрсткой брошенного котёнка трепетали пушистые лепестки.

Эдвард исчез.

Я со вздохом повернулась... и с вскриком схватилась за щеку.

Одна из тех полуголых девиц — высокая, статная, рыжая — размахнулась снова, но, точно передумав, схватила меня за руку. Зашипела рассерженной кошкой:

— Дура!

Я дёрнулась — вырваться.

— Что ты о себе возомнила, принцесска? — тряхнув мной, точно половой тряпкой, выдавила девушка (с переводом тут возникли проблемы, половину слов я ещё не знала, но оставшуюся часть поняла). — Думаешь, чем-то от нас отличаешься? Думаешь, ты лучше нас?

— Пусти! — пискнула я.

Щас! Девица только сильнее сжала пальцы. И, дёрнув, зачем-то потащила меня обратно к дому.

— Хочешь, я докажу, что ты ошибаешься?

— Пусти! Эд... М-м-м! — девица с силой зажала мне рот, заставив прикусить губу. — М-м-м!

— Ты имени его произносить не достойна! — с глубоким убеждением прошипела рыжая, втаскивая меня на ступени. — Глупая, высокомерная девка... (далее мои познания во французском кончились. Но очень сомневаюсь, что мне говорили комплименты).

Лестница, ещё одна, но прямая, незнакомая — и меня втолкнули в комнату. Мраморный пол, гобелены, громадная роскошная кровать, камин, аж три окна (правда, узеньких, точно бойницы).

— Видишь? — прошипела девица, хватая меня за подбородок и вынуждая смотреть. —

Запомнила? А теперь пошли!

Уже знакомым манёвром меня втащили на два этажа выше — кажется, под самую крышу. Распахнули низенькую дощатую дверцу.

— Ну, смотри, — мрачно произнесла девица, стоя позади и крепко держа меня за плечи. — Смотри!

И я смотрела.

Больше всего это напоминало казарму — как про неё в газетах и книгах пишут. Маленькая, в сущности, комнатка. И кровати, кровати, кровати. Около тридцати штук. Вполовину не такие большие, как у нас с Эдом, но и не узенькие. В остальном — вылитые больничные койки. Большинство оказались пусты, на остальных по двое лежали встрёпанного, больного вида девушки. Одни переговаривались между собой, другие спали... наверное. На спинках висели эти... их... типа пеньюаров, в общем. На полу, ближе к единственному окошку (расщелине в стене) — тазики с водой. Я даже от двери видела, насколько она мутная и жирная.

А хуже всего был запах, какой бывает в маленькой аудитории после двух мужских групп и трёх лекций безвылазно. Хотя нет, этот был хуже. В комнате царила невероятная духота, о вентиляции здесь, наверное, отродясь не слыхали. Я задыхалась, даже стоя в дверях.

— Нравится? — холодно произнесла девица и чуть отодвинулась. — Наш курятник.

Я вздрогнула, обернулась.

Девица хмыкнула.

— Хотела бы здесь жить? Нет? Комната Эдварда лучше, не правда ли?

— Почему? — выдохнула я, отступая и прижимаясь к стене. Сырой и пахнущей...

Боже...

— Почему лучше? — хмыкнула девица. — Посмотри на меня. И на него. Таких, как он очень мало. Хозяйка на него не надышится. Любой каприз исполнить готова. Даже когда он девку притащил, — она сделал паузу, бросив красноречивый взгляд на меня, — смолчала. Но это пока. У тебя, милочка, есть все шансы оказаться здесь же, — девица кивнула на дощатую дверь. — Хозяйка давно к тебе присматривается. Ты молода, невинна и красива. Поначалу будешь стоять дорого.

— Нет, — прошептала я, цепляясь за каменные выступы.

Девица фыркнула.

— Нет? Куда ты денешься! Идти тебе, как я понимаю, некуда. Я же помню, какой ты была — нищенка с улицы! Ты останешься. Как и все мы. Или подохнешь в подворотне. Что, милочка, не думала об этом? Решила, мы все здесь по доброй воле оказались?

Я зажмурилась и мотнула головой.

Неправда. Этого со мной никогда не случится. Никогда. Нет!

— Катрин? — голос Эдварда раздался громом среди ясного неба. — Что ты здесь делаешь? Катрин!

Я буквально рухнула ему на плечо, плохо соображая, что вообще происходит. Голова взорвалась, алые всполохи затанцевали перед глазами, постепенно разрастаясь и заполняя собой всё пространство.

Кажется, Эд, что-то говорил этой... девице. Я слышала голоса, но не понимала, господи, ничего не понимала...

Потом снова была лестница, знакомая комната и не менее знакомая кровать.

И красные всполохи отступили перед ароматом глинтвейна. А вкус и тёплая, пряная

горечь напитка их доби́ли совершенно.

После глинтвейна жизнь ощу́тимо пошла на лад. Но не сильно. Как говорится, не всё сразу.

Не, ну правда — а то всё пиво, да пиво! Представляете, у них тут пиво — женский напиток! Мужчины его вроде как вообще не пьют.

Кому скажу — засмеют!

Эдвард взволнованно смотрел на меня, кажется, что-то спрашивал.

А я наслаждалась хор-р-рошим чувством экстаза — головная боль постепенно, легонько, постоянно оборачиваясь, — но уходила.

Итак, проблема: мне некуда идти. Да. Безысходность и бессилие. Угу. Остаться здесь — тоже нельзя. Рано или поздно райская жизнь с защитником под боком закончится — и вуаля: подворотня или...

Размышлять об этом спокойно не получалось. Ответ перед глазами не маячил.

Зато маячил козёл отпущения. Хор-р-роший такой козёл, красивый, с грустными зелёными глазами.

И нахлынуло!

— Не трогай меня!

Эдвард мгновенно выпустил мою руку, отстранился.

— Катрин?

Я швырнула кружку с остатками глинтвейна в камин. Кружка железная, ей хоть бы хны. А глинтвейн пламя радостно выпило. И вспыхнуло ярче.

— Ты! Это всё ты виноват! Ты! Зачем ты вообще меня сюда притащил?! И лгал! Ты! Как же... Как же я тебя... ненавижу!

На этой ноте меня обычно принимают за утешать все, кто рядом. Правильно, представьте рыдающую блондинку. Жалкое зрелище, от него все сразу хотят избавиться. Вот и...

Эдвард повёл себя очень странно. Вместо оправданий, злости или того же утешения он... сбежал. Нет, серьёзно. Всё время моего сумбурного, прерывающегося всхлипами монолога отступал к двери, странно глядя на меня этими чёртовыми зелёными глазами.

И так за дверью и исчез.

Совсем!

Я повопила ещё для острастки. И разрыдалась.

Мда... и за что ему клиентки платят? Нет, я понимаю... но куда же без истерик?

Давно пробило повечерие — девять часов.

Эда не было.

Он обиделся, что ли?

Я лежала на кровати, и уже около получаса, наверное, слушала вопли откуда-то снизу. Судя по голосу — толстухи. Я так понимаю, она тут местная хозяйка. Вопит знатно. Кто-то из девиц, кажется, рыдает ей в унисон. Я аж заслушалась и чуть не пропустила момент, когда дверь открылась.

— Я бы на твоём месте пряталась, — заявила знакомая рыжая девица, стоя на пороге.

— Почему? — буркнула я, думая: залезть под одеяло и действительно спрятаться или не стоит. Как ещё яснее показать "меня все достали"?

Рыжая фыркнула — интересно, она что-нибудь другое делать умеет? — и кивнула в

сторону окна.

— Слышишь, Мелисса вопит?

Да уж. Наслаждаюсь.

— И что?

— А то, что её очередь быть девственницей.

Я минуту обдумывала фразу. Потом повернулась к девице.

— Это как?

— Просто, — снова фыркнула та. — Несколько дней воздержания, мазь и уксусная ванна. И всё. Так вот, Мелисса не воздержалась. Поэтому лучше прячься. Или беги — сейчас. Хозяйка герцогу никогда не откажет, девственницу из-под земли достанет, — красноречивый взгляд в мою сторону.

Я показательно зевнула.

Угу. Дурочку из меня решили сделать. Девственница, уксусная ванна... Ха-ха. Может, я, конечно, что-то неправильно поняла...

— Ну, как знаешь, — фыркнула рыжая, исчезая за дверью.

Честно говоря, чуть-чуть я засомневалась. Но ещё честнее — всё это просто не укладывалось в голове. Чтобы вот так... меня... да ну, бред.

Эх, сейчас бы закрыть глаза — и этот дурдом закончится...

Я закрыла.

Дурдом только начался.

Меня чуть не за волосы (за шиворот, точнее — я слышала, блио порвалось!) вздёрнули вверх.

Мы с хозяйкой уставились друг на друга.

Её взгляд мне оч-ч-чень не понравился.

— Так, личико ничего, — бормотала толстуха, разглядывая меня и так, и эдак. — Волосы — загляденье. Жене! Стяни с неё эти тряпки!

И, когда из-за спины толстухи выдвинулась чахоточного типа девица, я поняла, что это мне не снится.

И завизжала.

Следующий час я только и делала, что визжала, царапалась, кричала и поливала этих двух... такими словами — в основном на русском.

Ничего из вышеназванного не помогало. Даже когда я запустила флакон с духами в дохлячку, помощницу толстухи, и они разлились по её рябой физиономии — это нисколько не замедлило приготовления.

Ванна — впервые за всё то время, что я здесь, — кружева, богатое блио, мягкая нательная рубашка, драгоценности (наверняка фальшивые)... Допотопная косметика.

Я всё думала: почему они меня не успокаивают, только держат, чтобы совсем уж макияж не размазался да прихотливая причёска не растрепалась.

Потом дошло: истерика выпила все силы. Вниз, к стоящей неподалёку от парадного (Дождалась! Увидела!) входа карете меня практически несли — я пошевелиться не могла, обвисая на руках у толстухи, точно сломанная кукла.

Зато в шелках и парче.

Толстуха давала мне последние наставления, прежде чем запихнуть в карету. А у меня в ушах звенело от ужаса и перед глазами плясали чёрные мушки.

Потом они увеличились. Десять штук.

Потом они ещё увеличились.

И, наконец, превратились в очень знакомых всадников в чёрных плащах.

Ха, а на последний визг у меня силы-то нашлись!

Колоритная, наверное, сцена: бьющаяся в истерика девица на пороге кареты, застывшая не то от ужаса, не то от изумления толстуха и пытающаяся вытереть последние капли духов из глаз чахоточная.

Всадников она нисколько не удивила. И не остановила — ни на секундочку.

Они строем спешили и шагнули к входу.

Толстуха всхлипнула, отмерла и тоже бросилась к двери. Кажется, сейчас повторится подвиг солдата с амбразурой...

Чахоточная метнулась мимо меня в карету и захлопнула дверцу. Судя по звукам — ещё и забаррикадировалась.

Кучер, до этого мирно дремлющий и даже временами похрапывающий, спрятался под козлами и не подавал признаков жизни.

А я что? Я своё уже отбоялась.

Ну ладно — просто застыла посреди всего этого дурдома... и на-блю-да-ла.

Эти, в плащах (а что, правда, что ли, мёртвые?), отодвинули — а это силища нужна немалая — толстуху и шагнули внутрь. Очень скоро на улицу посыпались девицы — кто в чём и кто как. Толпиться вокруг здания они не стали, сразу по углам попрятались.

Откуда-то изнутри донёсся вой толстухи.

А меня вдруг словно подбросило. Чего я стою?! Бежать отсюда, скорее!

Скорее не получилось: ноги не слушались. Подобрав подол блю, я медленно, как нашкодивший котёнок, принялась отступать... Легонько, шажочек за шажочком... Доотступалась до моста — совсем рядом, хорошо... Под мост я первым делом и сиганула. А там по бережку, да по камушкам, да вброд кое-где (чёрт его с обувью, выдержит!). А на том берегу уж я припустила!

Всё время в ушах чудился конский топот.

Я петляла подстреленным пьяным зайцем, натыкалась на тупики, поворачивала обратно, плутала по переулкам...

А город словно вымер. И все двери-ставни заперты, ни души... Кладбище, ага.

Так, невесть каким образом я выбралась на окраину. Дома здесь стали пониже, целиком за оградами прятались. Да и победнее — вон, краска на стенах облупилась. Дорога и вовсе никакая. Я несколько раз падала, вставала, снова падала...

Остановилась только, когда замаячила городская стена и открытые — господи, спасибо! — ворота. Ха, ворота! Калитка, а не ворота, но стражи рядом не оказалось. А, наверное, должна быть.

Я уже примеривалась подойти и воочию убедиться, как...

Всё-таки стук копыт мне не мерещился.

А уж это "хлюп-хлюп" я везде узнаю.

Чёрная тень со стороны переулка приближалась.

А я замерла пойманной птичкой, пригвождённая вновь проснувшимся страхом.

Хлюп-хлюп.

Да что же такое! Вот же, калитка эта чёртова! Да там лес, поди, меня и не найдёт никто.

Ну же, всего шаг... и ещё...

Хлюп.

У меня и один-то не получился.

Хлюп-хлюп.

Мне казалось, я уже слышу дыхание лошади. И уж точно вижу очертания всадника...

Хлюп...

Ну всё.

Примерно в этот момент меня дёрнули за руку. И, слава богу, что закрыли рот — я бы завопила. Думала, голос от страха кончился — щас! Когда надо — найдётся.

Я сдавленно мычала в чью-то руку, а меня уже тащили в какой-то закуток и с силой усаживали на колени в грязь.

Почему-то сейчас вдруг стало жалко платье. То есть блию.

Всадник остановился совсем рядом. Покрутился.

Я чётко слышала чужое дыхание в ухо — и от этого становилось ещё страшнее, чем от...

Мамочки!

Подъехав совсем близко, всадник... э-э-э... выпрямился, что ли? В общем, капюшон упал, и в красивом лунном свете матово блеснул череп.

Колоритный такой череп. Что там — мясо, сухожилия, сосуды — на нём остались. И от костей это отлипало очень живописно...

Господи, меня сейчас вывернет.

Ходячее пособие для медиков, блин. Реквизит фильма ужасов...

А глаза сияют голубыми яркими звёздами. Холодными. Можно сказать, ледяными. Колючими.

Я всхлипнула, отводя взгляд.

Всадник проехал почти вплотную.

Так вот он какой, трупный запах! О-о-о, лучше б не нюхала.

Всадник пошёл на второй заход.

Что он ищет? Не меня же, нет? Нет? Нет?!

Третий круг... Я почти ожидала, что сейчас он взовьётся на дыбы, как в каком-то фильме, и мелодично завопит.

Нет, он просто уехал.

Медленно, постоянно поворачивая лошадь. Лошадь, у которой в глазницах вились черви!

Меня отпустили, стоило чёрной тени скрыться из виду.

Та-а-ак. Теперь упасть вперёд на руки — корсет тоже жалко. А так хоть перчатки пострадают.

Обернуться.

— Эдвард?! — выдохнула я.

Не глядя на меня, юноша встал, закинул за плечи нечто вроде походного мешка (или котомки?) и... прошёл мимо.

— Эдвард! — неверяще прохрипела я ему вслед.

Он что, сейчас уйдёт?

И оставит меня? Одну?!

— Эдвард! — вот теперь голос не слушался. Чёрт!

Подхватив подол, я бросилась вслед за идущим к воротам-калитке юношей.

Он соизволил отреагировать, только когда я схватила его за плечо — уже за стенами.

— Что?!

— Ты... уходишь? — выдавила я.

Юноша сбросил мою руку, окатил хмурым взглядом и отвернулся.

— Не оставляй меня!

Эдвард обернулся.

— Мне казалось, ты теперь вовсе не рада меня видеть, — ледяным голосом произнёс он.

И снова отвернулся.

Сейчас он уйдёт, а я... а я...

А я куда пойду?! Да он же здесь единственный, кого я знаю. Единственный... э-э-э... нормальный!

— Эдвард, я не смогу без тебя! — вырвалось отчаянное.

Юноша замер. Снова обернулся. И, тяжело дыша, показал на калитку.

— Там — Тёмные Посланцы. Они ищут... меня. Рано или поздно найдут. Так что возвращайся, Катрин... Так тебе безопаснее.

Я вспомнила толстуху и будни в подворотне. И содрогнулась.

Да какие, к чёрту, посланцы! Были и нет. А подворотня — она, вот она. И этот... любвеобильный герцог.

— Эдвард.

Юноша посмотрел на меня в упор.

— Пожалуйста. Возьми меня с собой, — тише и как можно спокойнее произнесла я.

Лицо Эдварда исказилось. И я поняла: на самом деле он очень хочет мне уступить.

Потому что...

Почему?

Я вздохнула и... та-дам — заключительное:

— Прошу тебя.

— Ты сама же пожалеешь, — выдохнул Эд после паузы. — Глупая. — И, отвернувшись, добавил. — Идём.

Глава 5

Путешествовать по тёмному лесу — то ещё удовольствие. Ничерта не видно. Совсем. Какая там луна — под эти деревья солнце-то хоть проникает?

А ещё — я как-то больше к парку привыкла. Дорожки асфальтированные, там, скамейки, лотки с мороженым... Ну, или хотя бы тропинки! Здесь же — ну никакого удобства. Зато море листвы. Судя по ощущениям — по колено.

А вот интересно, змеи ночью спят?

А пауки?

Здесь же не водятся гигантские пауки, как... э-э-э... в каком-то фильме? Нет? Точно?

И гробовая тишина ночной чащи... господи, как представляю, что сейчас... кто-то... тот же мёртвый всадник... подкрадывается... сзади...

— Мамочки!

— Тише! — прошипел идущий впереди Эд. — Прекрати. Немедленно!

— Что прекратить? — всхлипнула я.

— Разговаривать!

Я честно замолчала... и через секунду очень красноречиво хрустнула веткой.

Что?! Я не вижу ничего в этом мраке!

— И это тоже! — потребовал Эд.

Я надулась и снова хрустнула веткой.

— Извини. Оно само.

— Твоё счастье, что Посланцы не слышат, — выдохнул Эд какое-то время спустя.

Тогда чего ты ко мне пристал?!

— Совсем не слышат? — пискнула я.

— Совсем! — прошипел Эд. И, чуть тише добавил. — Они же трупы.

Угу. Заметила. Чего ж тогда они на лошадях разъезжают? И вообще, почему им в могиле не лежится?!

— Ну а как же мистическое колдовство, всякие там заклятья? — не выдержала я.

— Я же сказал — тише! — трагичным шёпотом простонал Эд, оглядываясь (его силуэт на фоне деревьев я ещё худо-бедно различала. И деревья, к несчастью, тоже — пугали они меня изрядно. О-о-о, блин, ёжик в тумане!). — Катрин, ты будто вчера родилась!

Следующие... м-м-м... очень долгое время мы молчали. Эдвард крался впереди, невесть как находя дорогу (или без дороги, уж не знаю), а я во всей полноте ощущала прелесть хождения по лесу в платье.

Ладно... Будем надеяться, что у змей и пауков чуткий сон и достаточно ума, чтобы уйти с дороги махины вроде меня... Потому как перевес в росте — это всё, что у меня против них есть.

Ещё спустя очень долгое время мы выбрались на узкий пятачок нелесного пространства. Точнее — обрыва. Внизу — далеко-о-о внизу — шумела речка. Нашу прогалинку со всех сторон обступили деревья, точно в плен нас брать собирались.

Эд остановился, осмотрелся и скомандовал:

— Отдыхаем.

Я скептически глянула на обрыв. Далековато лететь...

— А может, всё-таки, в лесу? А то вдруг дождь?

И на меня та-а-ак посмотрели...

Кому там сыра земля пухом? Мёртвым? К тому времени, как небо над головой посветлело, я им уже завидовала. Холодно, выданный Эдом плащ ничерта не греет, с обрыва туман ползёт (явно неестественного происхождения!), мокро, твёрдо. И грязно.

А Эд спокойно дрых, положив руку под голову вместо подушки.

Ему я тоже завидовала. И чему нас в универе учат? Вот это я понимаю — навык! Мне, несмотря на всю усталость и сонливое состояние, никак не удавалось даже задремать. Эх, а на лекция так хорошо обычно получается! Правда, там леса нет.

И кто нашёл шелест листвы романтичным? Или пение птиц? Жаворонка? Птичка-невеличка — а как грянула утром, я чуть в обрыв не свалилась. Будильник в кастрюле отдыхает!

А Эдвард спокойно спал себе до полудня, завернувшись в плащ (накидку?) и то и дело подкатываясь ко мне.

А потом мы снова шли — и снова молча. И, несмотря на то, что был день, дорогу я видела, а лес, живой и громкий, просто лез в глаза, наслаждаться какими-то там красотами дикой природы просто не получалось. Безумно хотелось спать.

Я шла, спотыкалась, может, даже падала (точно — пару раз) и снова шла за маячащей впереди спиной Эдварда.

И думала, как юноша, ещё пару дней назад такой заботливый, мог оказаться таким угрюмым, бесчеловечным, равнодушным незнакомцем.

Солнце стало катиться к горизонту, и Эд вдруг остановился.

Кажется, там же я и упала.

И земля действительно показалась пухом... Наконец-то.

— Катрин?

Не-а. Я сплю. Отстаньте.

— Катрин!

Тс-с-с! Мне безумно нравится лежать на этом... м-м-м... сене и смотреть сквозь ресницы на всполохи огня...

Так что отстаньте.

— Котёнок.

— Почему "котёнок"? — удивилась я.

В ответ раздался смех.

— Ты похожа на брошенного котёнка, — успокоившись, произнёс Эд. — Такая же беспомощная.

— Ну, спасибо, — фыркнула я, приподнимаясь и оглядывая... пещеру? — Это мы где?

Сидящий у небольшого костерка Эд пожал плечами.

— Ты упала в обморок, когда мы не прошли ещё и половину пути. Пришлось искать укрытие на ночь.

Половину пути?

— А куда мы идём? — промычала я, потирая глаза. Мда, голова тяжёлая, а выгляжу я сейчас, наверное... А пахну...

Долгий, пристальный взгляд.

— Марцеис, — отозвался Эд, наконец. — Но ведь это тебе ни о чём не говорит?

Я помотала головой и выдавила:

— Чудесно. А вода у нас есть?

Эд, изумлённо вскинув брови, подал мне кружку с кипятком.

— Да не! — я снова потёрла глаза. — Умыться.

Снова долгий взгляд.

— Здесь неподалёку озеро. Если выйдешь и сразу повернёшь налево, а потом всё время прямо — не заблудишься.

Я скатилась с сена (стогом не назовёшь, маловато... подстилка?), ко всему прочему оказавшемуся еловыми (или сосновыми?) лапами. И, шатаясь, побрела к выходу.

Брошенный Эдом мне вслед взгляд был очень удивлённым.

Та-а-ак, налево, говорите?

Деревья здесь росли пореже, лунный свет проникал практически свободно. В общем, озеро я нашла. Действительно неподалёку. Лягушки, опять же, очень громко квакали — иди на звук и не заблудишься.

Я замерла на берегу. Вода, конечно, не ледяная, но... Но и не Красное море в бархатный сезон.

Ещё какое-то время я решала: а там внизу, на дне, если я на кого наступлю, оно меня не цапнет?

Гигиена победила. Когда ещё помыться получится? Такими темпами по мне скоро

блохи поскачут.

Поколебавшись, я забралась по грудь. Ещё чуть-чуть подумав, окунулась с головой.

Эх, завтра ил из волос не выскребу...

Привыкнув к температуре, улеглась на спину и лениво побарахталась — пресная вода плохо "держит", не то, что солёная. Но плавать я всё-таки умею, вот!

Громко хрустнула ветка.

— Катрин, ты забыла одежду, — раздался с берега совершенно спокойный голос.

Я повернула голову, размышляя, неприлично или всё-таки сойдёт плавать нагишом перед... хм... проституткой.

В конце концов, чего он там не видел?

Но всё равно — извращенец.

— Ты же не собираешься ходить в этих обносках? — добавил сидящий на берегу Эд, так и не дождавшись ответа.

Я нырнула и встала, осторожно переступая по дну (коряги тут никто не отменял).

— Чем тебе не нравится лучшее блио госпожи хозяйки борделя?

— Лучшее? — Эд скептически глянул на остатки парчи.

— Ну, она уверяла: для герцога — самое лучшее.

— Герцога? — удивился Эд, морщась и отводя взгляд. — Извини.

"Извини" — это всё, что ты можешь мне сказать?!

— Знакомы? — хмыкнула я, выходя из воды и стараясь хоть немножко стать похожей на Венеру. — Эдвард, отвернись немедленно.

Забавно, но он послушался — именно что немедленно.

— Нет, но слышан. Послушай, Катрин, я не хотел...

— Угу, — буркнула я. — Не хотел... Это ты что тут положил вместо... вместо моего блио? Что это за тряпка? Я из неё что, тунику должна скрутить?!

Юноша поморщился.

— Уж извини, другое платье тебе здесь достать негде. Есть только моя сменная одежда, но она мужская, и ты же не будешь...

— Буду! — фыркнула я. — Где?

Обомлев не то от моей наглости, не то от культурного шока, Эд протянул свёрток.

Да! Нормальная рубашка и нормальные штаны! Всё, о чём я мечтала в этом чокнутом мире.

Ну, штаны не совсем нормальные, больше эти... шосссы напоминают, очень облегающие, но... ну и что!

— Катрин, это..., - пролепетал Эд, ошалело разглядывая меня. — Это....

— Что?! — буркнула я, скручивая из волос мокрую косичку-колосок.

Только скажи, что тебе не нравится. Только скажи!

— Идём, — вместо ответа произнёс Эд. И, чуть тише добавил. — Но в город я тебя в этом не пущу. Сожгут.

Наверное, я неправильно расслышала. Не могут же здесь сжигать из-за одежды?

Кажется, мы с Эдом пришли к компромиссу.

Во всяком случае, я так думаю.

Мы успешно делали вид, что гуляем (если это можно назвать прогулкой) по лесу в одиночку и рядом никого нет.

Да, весь остаток ночи мы шли. Куда-то. Вот интересно, зачем, когда можно с комфортом (ну, почти) погулять днём и получить массу удовольствия.

Эд молчал, на меня не смотрел совсем — я старалась делать то же самое. Хотя смотреть приходилось, конечно. Он же впереди шёл.

Интересно, мы ещё не заблудились?

На следующем привале под утро — где-то в овраге, у ручейка — я об этом спросила. И получила категоричное "нет".

А вообще — ещё несколько таких походов и я стану заправским сталкером. Или как там это называется? Уже умею искать хворост. Костёр, правда, разжигает Эд. Веточку крутит. Очевидно, спичек здесь нет...

Тёмные века.

Что тут, интересно, есть, кроме капустных одежд?

Ещё мне снова соорудили лежанку. "Не хочу, чтобы ты опять свалилась по дороге", — заявил Эд. Хм, учитывая, что сам он спал на земле, закутавшись в один лишь плащ... Возмущаться было как-то неудобно.

Но я сходила за водой. Заодно и умылась. И насмотрелась на лягушек.

Очень надеюсь, что о дизентерии здесь не знают так же, как и о спичках.

Поднималось солнышко... Мы молча перекусили... чем-то. (Макдоналдс! Хочу в Макдоналдс! Пустите меня!!!). Я на их солёном мясе скоро в дверь проходить не смогу (учитывая здешние косяки — очень скоро). А ещё они его хранят, конечно, без холодильника и потому вкус у него весьма... специфический.

Также молча, не став, как в прошлый раз, тушить костерок, Эд устроился спать.

А мне было холодно, местами голодно (Хочу гамбургер! Ничего, что по калорийности он, наверное, как здешнее мясо. У нас косяки шире!), а в лежанке обнаружился паук. Прогресс! Я не стала вопить — я его прогнала... веточкой. Хотя, подозреваю, шум получился ещё больше.

— Катрин, если ты ночью упадёшь от усталости, я тебя на себе тащить не стану, — буркнул Эд.

Ночью? Что, ещё одна ночь?!

— Да когда ж мы придём?! — вырвалось у меня. — Сколько от нас до этого... Марсея? Когда уже будет, наконец, цивилизация?!

— Марцеиса, — дотошно поправил юноша, поворачиваясь на другой бок. — Ещё как раз ночь. Спи.

Не-а!

— А почему мы ночью идём, а днём спим? — тщательно проверив лежанку на наличие пауков, спросила я.

— Потому что мы здесь не одни, — отрезал Эд.

Ну да, ну да. Ещё пауки и бабочки. И вон там белка на дереве.

— Ага, — фыркнула я. — А разве этих... Посланцев не ночью бояться надо?

— Посланцы. Не ездят. По лесным тропинкам, — прошипел Эд, кутаясь в плащ.

Во-о-от! Как белые люди! А не как некоторые...

— Так, может, и нам стоит по дороге пойти, только днём? — рискнула предложить я.

Эдвард сел, прислонившись к дереву, потёр глаза — долго и основательно.

— Посланцам без разницы — день или ночь. Они трупы, поднятые колдовством. Почему ты решила, что днём они снова ложатся?

Потому что в моих детских сказках зомби днём отсутствуют! И гуляют только ночью. И даже в страшилках так. Все же знают, что время страха — тёмное.

А тут всё не как у людей.

— Катрин, откуда ты? Как ты здесь оказалась? — спросил вдруг Эд, искоса глядя на меня.

Хороший вопрос. Понять бы ещё, где это — здесь?

— Я... э-э-э... я... не помню, — вот! Выкрутилась?

Судя по лицу юноши — нет.

— Помнишь, — отмахнулся Эд. И принялся вслух размышлять. — Язык еле-еле знаешь, хотя будь ты откуда-то из соседних земель, понимала бы и говорила прекрасно, — у них тут ещё страны есть? — За столом себя вести не умеешь, одеться нормально не можешь, даже волосы уложить — тоже не можешь, к тому же они у тебя слишком короткие. При этом держишь себя то как аристократка, то как плебейка, — красноречивый взгляд на мой наряд. — Ну и откуда же ты?

— Иногда мне кажется — что из другого мира, — вырвалось у меня.

Эдвард громко хмыкнул, издевательски улыбаясь.

— Ты выдумщица, Катрин. Я не знаю, что там у тебя за земля такая, но очень хотел бы понять, как ты смогла пересечь нашу границу и при этом выжить?

А у них что тут — Железный занавес?

Эд выжидающе смотрел на меня. А я что? Я пожала плечами и глупо улыбнулась.

— Эдвард, я не знаю. Правда. Я вообще не помню, чтобы что-то там пересекала. Я просто оказалась у вас на улице... и всё.

Эд прищурился, но взглядом я прожигалась плохо.

Юноша отвернулся и разочарованно вздохнул.

— Жаль.

— А почему ты меня спас? — быстро спросила я. Ну, раз уж у нас тут утро откровений.

Эдвард поднял голову, снова посмотрел на меня. И тихо выдохнул:

— Потому что я знаю, каково это — бояться и быть беспомощным. И потому что мне в своё время тоже помогли. А тебе помочь было некому. Потому мне тебя жаль.

Надо же. Альтруист?

Я закусила губу, но вопрос всё равно вырвался:

— А от чего тебе помогли? И зачем ты нужен Посланцам?

Эдвард долго молчал. Очень — я даже решила, что он всё-таки уснул.

Но он, в конце концов, ответил:

— Помнишь костёр на площади? Ты ещё тогда решила почему-то, что это ведьму жгут.

Я кивнула. О да, такое забудешь!

— На самом деле она просто была меченой, — продолжил Эд. — Меченые — те, на ком стоит знак короля. Те, кого потом сожгут. Жертвы.

— Жертвы? — ахнула я. — Жертвы кому? Зачем?

— Тёмным силам. Аду, — совершенно спокойно откликнулся юноша. — Заклинания вроде оживления умерших имеют цену.

Класс. И этот их король, который колдун, платит за такое... чужими жизнями?

Я не пойму этот мир. Никогда.

— То есть и тебя... Тоже... когда поймают...

Эдвард молча кивнул.

— И давно... — начала я, но Эд перебил:

— Десять лет.

Я присвистнула. Ух ты. Десять лет в роли затравленного зайца... положила руку на сердце, я бы так точно не смогла.

— Поэтому я и говорил, что без меня тебе безопаснее, — пробормотал Эд.

Я посмотрела на него. И вдруг очень резко — словно ветер по спине ледяными пальцами прошёлся — ощутила, насколько же мы разные.

Я просто представить не могу, как можно прятаться и сбегать десять лет, как можно продавать себя, как можно спокойно говорить, что рано или поздно тебя поймают...

Как можно спасти незнакомца только потому, что пожалел.

— Я так не думаю. Без тебя я точно пропаду. А с тобой — ещё вопрос, — улыбнулась я.

Странно, но Эд тоже улыбнулся в ответ. Грустно, коротко, но всё же.

А у меня в голове на секунду блеснула догадка, почему он согласился взять меня с собой, хотя наверняка понимал, что я ему нужна, как собаке пятая нога.

Со мной — пусть и обузой — он не чувствовал себя одиноким.

Как же всё это грустно.

— А всё-таки — почему мы путешествуем ночью? — не выдержала я. — Эд!

— Эд? — тут же вскинулся юноша, впрочем, и не думая останавливаться. А у меня, между прочим, с вечера нога болит! И, кажется, я мозоли натёрла...

— А что? Ты называл меня Котёнком, — погоди, я тебе ещё и не такое прозвище придумаю! Дай только отдохну... И поем... желательно, что-нибудь сладкое...

— А тебе не понравилось? — искренне изумился Эдвард, оглядываясь. — Всем, кого я так раньше называл, очень даже нравилось.

Нет, вы посмотрите... Нет, это... Хам!

— Хочешь, я покажу, как мне понравилось? — зловеще прошипела я. В антураже ночного леса очень ничего получилось.

Эдвард долго смеялся.

— Ладно, ладно, прости, Котёнок!

— Прекрати! Лучше бы "Катя" выучил!

— Ка-ть-а-а? — старательно делая ударение на последний слог, повторил Эд.

Да чтоб тебя!

— Эд-вар-р-рд! — с сильным русским акцентом передразнила я. — Ну хватит! И ответь, наконец, почему мы путешествуем по ночам?

— А ты, правда, хочешь столкнуться с разбойниками? — усмехнулся Эд. — Что? Только не говори, что не слышала. Вы там, у себя, что, совсем не путешествуете?

— Путешествуем, — буркнула я, некстати вспоминая, как вроде бы совсем недавно планировала летний отдых с подругами во Франции. — С комфортом и днём.

Разбойники, ага. Вон, как глаза бегают — врёт. И зубы заговаривает.

У-у-у, я домой хочу!

— И разбойников у вас нет? — саркастично осведомился юноша.

— Конечно, нет!

— Катрин, — медленно, и наверняка улыбаясь, произнёс Эд. — А ты вообще из дома когда-нибудь выходила?

— Конечно, да!

Эдвард кивнул.

— Но, кажется, недалеко.

— Эдвард!

— Катрин, — спокойно перебил юноша. — Нормальные люди действительно путешествуют днём, потому что именно в это время люди бодрствуют. Как и наёмники. И, — усмешка, — рыцари с большой дороги.

Э-э-э... В голове почему-то всплыла фраза: "Спрос рождает предложение".

— А что ж ваш король, который трупы поднимает, не может с этими рыцарями справиться? — хмыкнула я.

— Он пытается, — уклончиво произнёс Эд. — Ещё два года назад по всей страны рейды устраивал. Но в прошлом году был неурожай, так что... думаю, у него сейчас другие проблемы.

Какие проблемы могут быть у человека, который договаривается с этими... силами Ада? Пожелал — и нет голода. Правильно?

А вообще, что-то здесь не так...

— Ты же говорил, к утру будем в городе! — прорыла я, какое-то время спустя увидев, как сквозь листву пробивается солнечный лучик.

— Будь я один — добрался бы, — откликнулся Эд.

Ой-ой. Какие мы.

— Вон там остановимся, — юноша махнул в сторону лощины.

Я вздохнула. Как же всё достало... Надеюсь, это наша последняя такая ночёвка.

Больше мы не разговаривали. Спустя где-то час, наскоро позавтракав, — а я видела, у нас запасы еды кончились! — я буквально рухнула на ворох веток, накрытый плащом Эда.

Надо будет ему спасибо сказать. Потом, если не забуду.

Засыпая, я видела, как Эдвард вырезает из ветки что-то вроде лука.

Может, я даже завтра увижу, как он из него стреляет?

Наверное, это не как в кино?

Вот бы, правда, увидеть...

В дерево рядом со мной, красиво просвистев, вонзилась стрела.

Мама!

Я скатилась на землю, тут же чуть не полностью зарывшись в листья. Но — успела осмотреться.

Эд, сжимая что-то напоминающее короткий меч (или очень длинный нож?) стоял совсем рядом, внимательно рассматривая... это что, этих здесь рыцарями с большой дороги называют?! Да я в подворотне, поди, лучше выглядела. Форменные звери, от медведя не отличишь! Наверное...

Но у этих медведей оружие было посерьёзней, чем у Эда. И ещё — их было больше.

И они полукругом обступили наш... э-э-э... лагерь, пока не приближаясь.

И тишина... Вечер, солнышко алые лучики пускает. Птички молчат...

Хрустнула ветка, когда эти... робин гуды шагнули ближе. И заговорили.

Мда... Общаясь со мной Эд специально делал темп речи медленнее и к тому же постоянно менял слова на те, что попроще. В общем, я этих разбойников ничерта не поняла: ни то, что они говорили, ни то, что Эд им сквозь зубы отвечал.

Но судя по тону реплик — и слава богу. Местами это, наверное, было даже похабным,

потому как пилились некоторые из этих громил на меня и весьма сально. А ещё при этом хохотали!

Мерзкое чувство, когда на тебя показывают пальцем и при этом ржут, как лошадь.

Это было последним, что я видела.

Хотя нет, вру — физиономию того придурка, который мне врезал по голове, я рассмотрела.

Только что толку-то?

Её-то я первой и увидела, когда очнулась. Ни с чем несравнимое удовольствие — больная голова и... какой гад прикрутил меня верёвкой к дереву?! Да ещё и между грудей. Больно..!

Я с дуру подёргалась. Очень зря — кора у дерева шершавая. А ещё — на меня заинтересованно смотрел этот — стукнутый... стучающий... В общем, грязный, вонючий, невымытый мерзавец с синяком на полфизиономии и заплывшим глазом. Ф-ф-фе!

А потом он ещё и высказался — я снова ни слова не поняла, но тон мне не понравился.

Чего он на меня так пилится? Тоже мне — Робин Гуд!

О, да, да, правильно, давай, вали отсюда. Хоть осмотрюсь.

Так. Картина маслом — разбойники на отдыхе. Куча невымытых мужиков и ни одной женщины.

Что-то меня это уже напрягает.

Эд обнаружился привязанным к дереву не так и далеко от меня. Тоже синяк на скуле, но в целом живой, хоть и немного потрёпанный.

И его взгляд мне тоже не понравился. Слишком настороженный.

Мда...

Вот так и сидим.

Чего-то ждём.

Вечер длился и длился, эти... которые с большой дороги... обедались чем-то, сильно напоминающим по запаху шашлыки весной. Урчал мой животик, трещал костёр, туда-сюда за пазухой бегал муравей (надеюсь, что не блохи с этих "медведей"), и очень хотелось сообщить всему миру о своём недовольстве и прочих чувствах, но — благодаря ли настороженному взгляду Эда? — я молчала.

А потом всё как-то резко закончилось — самый невымытый и бородатый из "рыцарей" вдруг поднялся, толкнул речь (чего он так согласные-то жуёт, я ни черта не понимаю!) и шагнул... ко мне.

Вот тогда-то мне впервые стало действительно страшно. До этого происходящее воспринималась как ролевая игра — ну связали, ну мало ли как тут народ развлекается? А вот когда этот... своими пальчиками потянулся к моим губам — игра закончилась.

Я смотрела на его руку и мгновение размышляла: заорать или укусить.

Из прошлого опыта: крик ещё ни разу не помог. А значит...

Цапнутый выругался — судя по тону. И с чувством вмазал мне по лицу.

Тварь! Мне! По лицу?!

Из глаз сами покатались слёзы — больно, блин! — я захныкала... но это не помешало цапнуть мерзавца ещё раз. На этот раз цепко и до крови.

Вот от кого я точно подхвачу дизентерию.

Мне снова съездили по физиономии. А потом ещё и добавили — под дых.

И, пока, я хватала ртом воздух, этот... под хохот всей честной компании... стал развязывать пояс.

Йа-а-а-а!!!

Впрочем, вопль получился исключительно мысленный — у меня язык к нёбу прилип от страха, а сама я замершей птичкой следила за показушными движениями этого... этого...

Относительную тишину и нереальность происходящего прервал голос Эдварда.

"Этот" замер — прямо так, держась за пояс — и повернулся к юноше.

Переспросил.

Как же меня злило, что я не понимаю, о чём они говорят! И как же хотелось уцепиться за эту беседу, как за соломинку.

Ну, пожалуйста! Пусть чудо, что угодно, только...

"Этот" шагнул к Эду. Наклонился, буркнул ему что-то в лицо. Эдвард на удивление спокойно ответил. А "этот" потянулся к Эду, так мерзко улыбаясь, что...

— Та-а-ак! Я, кажется, говорила: в моём лесу не буянить? — прошелестел негромкий старушечий голос.

Слово даю — мы все как один повернулись на голос.

А "рыцари" вытаращились так изумлённо и испуганно, что я даже на минутку поверила: спасатели явились.

— Ма-а-атушка! — проблеял "этот" настолько отчётливо, что даже я поняла.

— Говорила, — усмехнулась проковылявшая на середину поляны старушка-божий одуванчик — почему-то вся в чёрном и с остроконечной шляпой в седых кудрях.

Это тут мода такая у бабулек, да?

— Ну что, мальчики, — объявила старуха. — Как обычно — я считаю до трёх, а кто останется — чинит крышу. Раз. Два. Три.

Пустая поляна сиротливо потрескивала забытым костерком.

— Ну, — прокряхтела старуха, поворачиваясь к нам с Эдом. — И кто у нас тут... остался...

Пронзительные синие глаза уставились на меня. И весело подмигнули.

Глава 6

— Хм, радость моя... ты девушка?

Я покосилась на клюку, которой старуха тыкала мой подбородок, и буркнула:

— А что, кто-то сомневается?

Клюка ткнулась мне в грудь.

— Думаю, нет, — хмыкнула старуха, как ни странно, поняв мой местный ломаный. И тут же добавила. — Уже... А вообще, немолода я, глаза подводят... — она обернулась и уставилась на Эда. — Эдвард, сынок!

Сынок?!

— Добрый вечер, матушка Ганз, — со вздохом откликнулся тот.

А старуха уже ковыляла к его дереву.

— Как я рада тебя видеть! Что же ты не зашёл, не навестил старуху? Я же тут неподалёку... Ты же знаешь, как я люблю гостей... Непутёвый мальчишка, а похудел-то как! И с лица спал! Ай-ай-ай! И водишься невесть с кем!

Я поперхнулась. Что значит, "невесть"?

— Это Катрин, матушка, — потирая запястья, вставил Эд, хитро улыбаясь. — Вы её

освободите, ладно? И мы дальше пойдём.

Старухина клюка, абсолютно без участия самой старухи, метнулась ко мне. Я все глаза проглядела, пытаюсь понять, на чём она держится... где там леска, за которую эта клоунша дёргает...

Клюка, тем временем, потыкала в верёвки и те упали... сами! Я подалась вперёд, рухнула на клюку, перекатилась, зажала эту... волшебную палочку и принялась водить над ней свободной рукой.

Лески не было!

Клюка, точно живая, дёрнулась раз-другой, потом врезала мне по носу и, высвободившись, метнулась обратно к старухе.

— Что-то она у тебя какая-то... — выдала та, пристально меня разглядывая. И, уже обращаясь ко мне, позвала. — Деточка, тебя, чай, заколдовали?

Всё это время клюка, явно выделяваясь, плясала вокруг старухи. А я, разинув от удивления рот, таращилась на неё.

— Матушка, мы, наверное, пойдём, — не выдержал Эд, сдерживая улыбку. — Спасибо вам огромное! Катрин? Катрин!

Я с трудом оторвалась от клюки.

— Никуда вы не пойдёте! — загремела старуха. — Эдвард Дебуа! Ты сейчас же отправишься ко мне в гости и первым делом как следует поужинаешь! Ну а после как следует поспишь! Это я тебе как целительница прописываю! И только посмей мне отказать! Ясно?! Ну а... эта умалишённая пусть идёт, куда хочет.

— А я с ним хочу, — буркнула я. — И объясните, наконец, как эта ваша трость работает?

Старуха недоверчиво хмыкнула и повернулась ко мне.

— Что значит — как работает?

— Ну, как вы её летать заставляете?

Старуха покосилась на Эда.

— Она точно головой не стучалась?

— Нет, матушка, — только что не смеясь, отозвался юноша, подходя ко мне. — Она всегда такая... И спасибо вам за гостеприимство, мы его с удовольствием принимаем. Да, Катрин?

— Совсем эти разбойники распоясались. Появился этот... Гийом, обозвал себя Страшным и принялся безобразничать. В моём лесу! Около моей избушки! — разглагольствовала старуха.

Идущий рядом Эд молча кивал.

Ну а я и трость тащилась позади, изучая друг друга с взаимным интересом.

Синяков на мне заметно прибавилось.

— Я его, охальника, — продолжала старушка, — к порядку-то, конечно, призвала — когда он в мою избушку заявился и стал требовать... э-э-э... поквартироваться. Ну, я его... поквартировала кочергой. А остальные ребята мне садик выкопали. Как же я давно хотела яблочный садик! Чтобы цвёл по весне, и на сердце теплело... А ещё вот недавно королевские мертвяки проезжали — я так и подумала, что тебя, Эдвард, скоро встречу. Вот, даже пирожков твоих любимых напекла, с перепелами.

— Вы очень добры, матушка Ганз, — откликнулся Эд.

Старушка кивнула и повернулась ко мне.

— Ну а ты? Даже не попросишь ничего?

Э-э-э... в чём тут связь?

— А должна? — выдавила я, поглядывая на активизировавшуюся клюку.

— У ведьм всегда что-то просят, — усмехнулась старуха. — А друзьям Эдварда я не отказываю. Ну, говори, что хочешь?

Ха!

— Верните меня домой! — выпалила я.

Эдвард обернулся. Старуха закрыла глаза и покачала головой.

— Твой дом... здесь, — немного удивлённо произнесла она. — Не понимаю... ладно, придём, всё и расскажешь.

Домик у старухи оказался форменной хижинкой. Нечто, только издали выглядящее как каменное, а вблизи — скорее глиняное, с торчащим там-сям тростником и — мда — соломенной крышей. Хор-р-роший такой ворох соломы, даже издали несвежей.

И стояла эта избушка не где-нибудь, а на берегу болота. Старуха сразу предупредила — туда ходить не стоит. И красноречиво показала, что будет с теми, кто пойдёт — кинула в трясику камешек. Оттуда мигом вынырнула плоская змеиная голова, клацнула челюстями, облизнулась и заинтересованно уставилась на меня.

Я заверила: ходить не буду. Не больно-то и надо.

С другой стороны избушки колосились яблони. Именно колосились: маленькие, хилые деревца с кронами странного, пшеничного вида.

— Лучшие саженцы из самой Загории! — с гордостью сообщила старуха. — Весной будут цвести розовым и сладко пахнуть. Говорят, от их аромата на душе не только тепло, но и... как же там... в общем, сны приятственные снятся, вот!

Я мысленно предположила, что старуху обманули и подсунули коноплю. Хотя на коноплю это тоже походило.

— А если не зацветут, мне эту... слово дали, — продолжила старуха. — В общем, из этой самой Загории прилетят и всё поправят.

Я живо представила, как угрюмые рабочие привинчивают к деревцам розовые глючные цветочки.

— А на чём прилетят? — вырвалось у меня.

— Как на чём? — в который раз опешила старуха. — Конечно, на мётлах.

Конечно. Ага. И как же я не подумала.

— Ну, заходи, деточка, чего стоишь? — хмыкнула между тем старуха. — Эдвард, милый, попроси! Моя бабушка любит твой голос.

Эд покосился на меня и скороговоркой выдал:

— Избушка-избушка, повернись к болоту задом, ко мне передом.

Я заподозрила, что цветы у бабушки всё-таки зацвели, а "приятственный" сон уже видится — мне.

Избушка повернулась. Спокойно и очень тихо. Я даже заглянула посмотреть, есть ли у неё там, ну, внизу, ноги.

Внизу обнаружилась юбка. Из соломы. Гниющей. Но — юбка.

— Ты знаешь, это очень невежливо, деточка, — спокойно заметила старуха.

Избушка согласно скрипнула-фыркнула и гостеприимно распахнула дверь.

Внутри оказалось совсем не интересно — громадная печь (как я и ожидала), только вот

дымоход у неё, похоже, выводился вниз, под дом. Впрочем, вверх тоже чего-то тянулось и это "чего-то" (в виде трубы) поймало пролетающую мимо птичку, засосало и окорочком выбросило на стол, к стоящим там яствам.

А ещё здесь совсем не оказалось кровати. Никакой — ни с балдахином, ни без. Только лавки, две штуки, да сундук, как у Эда там, в городе. Кстати, тоже на замке.

И всё. Остальная мебель отсутствовала.

...А вообще вечерок ничего прошёл. Первым делом нас усадили ужинать — при этом на меня смотрели так пристально, что кусок в горло не лез. Но пару пирожков (нормальные, кстати, хотя кости можно было при готовке и выкинуть) съесть получилось. А старуха громко пробормотала:

— Значит, живая...

Эд толкнул меня под столом, и я промолчала.

А вообще единственная тут на голову стукнутая — это старуха.

И я даже знаю, чем.

Её клюка радостно скакала вокруг меня весь вечер.

Недолгий, однако. Стоило поесть, как нам предоставили что-то вроде баньки — в соседнем сарае. Но — господи! — какое блаженство! Нормально попариться, да после этого глинтвейнчика глотнуть! Эх!

Баня-а-а! Наконец-то!

Правда, старуха очень нетактично вслух изумилась, почему я отказываюсь париться вместе с Эдом.

Ещё чего!

Ну а потом подвыпившую и с трудом держащуюся на ногах меня устроили всё на той же лавке, которая, оказывается, и не такая твёрдая, а очень даже удобная.

Во сне мне снилась всё та же старуха, которая смотрела моими глазами на мой же универ и громко удивлялась.

Забавно, да?

— Да говорю же вам, я, честное слово, из другого мира!

Старушка хмыкнула и как ни в чём не бывало продолжила раскатывать по столу тестовую "сосиску".

— Но вы же сами сказали, что видели! В моём сне — видели! — простонала я. — Да поверьте же мне!

Белым облачком взлетела в воздух мука, и на столешницу лёг очередной ком теста.

— Ну поймите! Слышите, я даже языка вашего толком не знаю! И не только языка, я и...

— Лично я, деточка, считаю, — перебила старуха, сосредоточенно похлопывая по тесту белыми от муки руками, — что тебя кто-то очень могущественный попросту проклял. Не знаю, кто, и почему, но кому-то ты, деточка, сильно насолила. Кстати, подай мёд.

Я машинально протянула нужную миску.

— Но...

— Знаю, знаю, — голосом препода, которого очередной студент упрашивает поставить хотя бы "удовлетворительно", отозвалась старуха. — Ты не веришь в волшебство. И даже я с моей избушкой для тебя... э-э-э... как там... исключение, подтверждающее правило, так вроде?

Я промолчала. Ну да, да, так и есть. И что?

— Милая, — вздохнув, подытожила старуха. — От всего сердца советую тебе просто жить дальше.

Жить? Та-а-ак? Вот здесь, в этом... в этом...

— Поверь, деточка, — философски заметила старуха. — Время лечит. Ты привыкнешь, всё образуется... Знаешь, помню, был случай: одна принцесса тоже вот, как ты, себя забыла. Возомнила, что она вроде как лягушка, и, представь, каждый раз, когда ей надо было "стать человеком", её отец шёл на соседнее озеро за лягушачьей шкуркой. Вроде как, если та принцесса видела такую шкурку, то уверенно считала, будто именно она её и сбросила. И снова "становилась" человеком. Правда, ненадолго.

Наверху что-то бухнуло, на стол посыпалась пыль. Старуха хозяйственно стёрла её растопыренными пальцами, обдала меня мукой, и снова взялась за тесто.

— Но так же не бывает, — слабо пискнула я. — Не бывает же, чтобы...

— Деточка, поверь мне, — авторитетно заявила старуха. — В мире бывает всё. Но вот параллельных миров, как ты там говоришь, к несчастью не существует. Есть только наш мир — и потусторонний.

— Потусторонний? — живо заинтересовалась я.

— Нет, милая, — улыбнулась старуха. — Он не для тебя. Это мир мёртвых.

Я со стоном сдавила виски пальцами.

Ничего не понимаю! Ничего! Какой ещё мир мёртвых, что городит эта старая ведьма и, чёрт возьми, что со мной-то происходит?!

— Так, милая, а ну-ка, хватит! — гаркнула вдруг старуха. — Давай, помоги мне с пирогами разобраться.

Я покосилась на тесто. Старуха сосредоточенно лепила пирожки. Снаружи и сверху Эд — наверняка не менее сосредоточенно — чинил крышу.

Ну что ж... Живи дальше, да?

Пирожки закончились. Вытащив откуда-то из-под досок бутыл с чем-то мутным и красным, старуха плеснула в кружку мне и себе и, покосившись вверх, громко "прошептала":

— А теперь рассказывай, милая, что у тебя с Эдвардом.

Я поймала себя на том, что тоже смотрю вверх. Наверняка там всё-всё слышно. Солома-то... Хотя есть ещё прослойка досок, собственно и составляющих для нас потолок. Но хилых каких-то досок.

— Ну? — поторопила старуха, одним глотком заправски осушив кружку.

— А у вас? — машинально отозвалась я.

Старуха каркаяще захихикала.

— Ох, милочка, я всего лишь старая, выжившая из ума ведьма, — она красноречиво глянула на меня, — которая когда-то спасла бедному мальчику жизнь. Видишь ли, я единственная, к кому Дерик... наш король никогда не сунется, а значит только у меня Эдвард в безопасности.

Я взяла кружку, поболтала эту... наливку — хотелось чем-то руки занять.

— Король? Вы имеете в виду тех мертвецов?

— Мертвяков, ага, — радостно кивнула старуха. — Видела уже, да? Давненько за Эдвардом ездят. Эх, а ведь говорила ему, непутёвому: "Чего тебе со мной на болоте не живётся?"... Так нет, предпочитает с места на место бегать. Уж годков-то сколько... А ведь

я его ещё такусеньким, — старуха быстро отмерила расстояние от пола до стола, — видела... Я ведь его на коленях ещё... А оно вон как обернулось... Эх!

— Как? — попыталась уточнить я, впрочем, отлично понимая, что найти в словах старухи зерно истины всё равно не удастся.

— Как? — встрепенулась старуха. — Так ты ничего не заешь, деточка?

О-бо-жа-ю, когда из меня делают дуру. "Ха-ха, все знают, а ты нет? Ну ты даёшь!"

— Ну, значит, и не я тебе рассказывать должна, — подвела черту старуха. — Эх, а я-то как тебя с ним увидела, думала, наконец-то мальчик остепениться решил... Он же нелюдимый, недоверчивый... ну да это и понятно, после всего-то... Ну, после того... ну...

Я с размаху стукнула кружкой по столу.

— После чего?!

— Ну ка-а-а-ак же, — лукаво щурясь, протянула старуха. — Что, и род Дебуа тебе ни о чём не говорит? Эх, тебя милочка колданули-то, а!

Так, ведьма, щас я ка-а-ак озверею!

— Нет, а я-то думала, он тебе и так всё рассказал, — продолжала гнуть своё старуха. — После того, как он тебя перед разбойничками-то выгораживал...

— Выгораживал? — вырвалось у меня.

— А ты, чай, оглохла тогда от страха? — хихикнула старуха. — Как есть — выгораживал. Так и сказал, что ты принцесса заграничная и твой отец будет рад отдать за дочку много-много золота... Хотя какая из тебя принцесса, милочка! Ни рожи, ни кожи, ни манер... Так и не пойму, что Эдвард в тебе нашёл...

— Эдвард? — вырвалось у меня, — что он нашёл?! Да кто на него самого позарится, после всех...

— Чего? — мгновенно прекратив веселиться, сощурилась старуха.

Чёрт, ну надо же было сорваться...

— Я просто хочу сказать, — глядя в кружку, выдавила я, — кому нужен человек, который продаёт себя за деньги?

Повисло длинное неприятное молчание — словно затишье перед бурей.

— А ты, деточка, оказывается, дура, — глотнув наливки, заявила старуха.

Я редко краснею. Наверное, повода не находилось. Зато тут нашёлся — шикарный. И как назло все слова из головы точно выветрились. Ну ничего, сейчас я как придумаю... Как отвечу...

Скрипнув, распахнулась дверь.

— Готово, матушка, — стряхивая солому с рубашки, отрапортовал Эд. И уставился на меня. — А...

— Эдвард, наконец-то! — голосом любимой бабули заюлила старуха. — Вот и пирожки тоже готовы, с пылу, с жару. А вот ещё попробуй твою любимую наливочку...

Я молча поставила кружку и, не глядя на удивлённого Эда, вышла на крылечко — воздухом подышать.

Ну я же была права, разве нет? А?

Только почему тогда на душе так гадко?

— Катрин, что случилось?

Я обернулась. Эд сидел на крыльце двумя ступеньками выше.

И, конечно же, улыбался. Как обычно — фальшиво.

— Ничего.

Эд хмыкнул и зачем-то пересел на мою ступеньку.

— Ну конечно, закат отсюда куда как краше, — фыркнул он. — Если, конечно, ты его разглядишь сквозь листву.

Где-то за домом булькнула трясина — надеюсь, что сыто. Чем этот ящер питается, кстати? Случайно заблудшими путниками? Камень он, правда, проглотил вполне себе радостно... Но, поди, на каменной диете свежего путника съесть — самое оно, а?

Эд, искоса глянул на меня. Отвернулся. Зачем-то оглянулся на дверь. И придвинулся ещё ближе ко мне.

— Сегодня ночью уходим, — заговорщически шепнул он.

— Звучит, будто убегаем, — зачем-то тоже шёпотом откликнулась я.

— Значит, убегаем, — усмехнулся юноша. — Если хочешь, конечно.

Я задумчиво глянула на него.

— Я думала, тебе здесь нравится... Обед всегда готов и даже "твоя любимая наливочка", — передразнила я. — Что? Я бы осталась.

Мгновение Эдвард с весёлым изумлением смотрел на меня. Потом тихо рассмеялся.

— Катрин, ты бы правда могла бы провести всю жизнь... здесь? В лесу? В компании зверей, разбойников... Всю жизнь?

"У чокнутой ведьмы", — добавила я про себя.

— А почему нет?

Улыбка сползла с лица Эда.

— Знаешь, может, тебе и правда стоит остаться... С твоим проклятьем...

— Я. Не. Проклята! — прорычала я. Тоже почему-то тихо. Почти шёпотом.

Взгляд Эдварда сделался... ну... таким обычно на буйных сумасшедших, наверное, смотрят.

— Конечно, Катрин. Я имел в виду... Тебе здесь безопаснее... И, если тебе тут правда нравится, матушка наверняка будет рада... Оставайся!

— Мне здесь не нравится, — буркнула я.

Юноша, разом помрачнев, замолчал.

— А если ты меня здесь "забудешь" пойду за тобой. И утопну в трясине.

— Приставучий Котёнок, — пробормотал Эд. — Ладно. Тогда после полуночи будь готова.

— Эдвард! — тихо позвала я после паузы. — Мы... правда сбегаете? Разве это правильно...

— Эдвард, милый, — раздалось из дома, — твои любимые рулетики готовы! Ты обязан их попробовать! И ватрушечки, Эдвард, твои любимые!

Эд молча скривился и кивнул на дверь. А я не выдержала и рассмеялась.

Мда. В таком случае лучше бегства выхода действительно нет.

Зелёный болотный огонёк метался от печи до сундука и обратно.

Я следила за ним из-под опущенных ресниц. Надо же, обычная, оказывается, козявка. Вроде светлячка. Маленькая, и тупая — не может в окно обратно попасть. По идее надо бы, как случайно залетевшую муху, метлой гнать.

Утром на подоконнике с десятков таких вот козявок наберётся. Мёртвых. Погибают почему-то от солнечного света — даже такого тусклого, еле-еле заметного сквозь листву.

Жаль.

Огонёк трепыхнулся раз-другой — и его заслонила тень.

— Катрин? — шепнул Эд. — Пора.

Я осторожно свесила ноги, нашла туфли. И, стараясь не очень спотыкаться в темноте, поспешила за Эдвардом.

Наверное, как тот огонёк выглядела. С четвёртого раза только дверь нашла. И ещё раза два в подоле запуталась — сменную одежду Эда старуха конфисковала, вроде как в стирку. А мне выдала то же капустное платье, только попроще. Сильно попроще: серо-жёлтое, без вышивки, да и ткань, честно говоря, оставляла желать лучшего. Зато чуть покороче. Но всё равно для меня слишком длинное.

Всё время моего переодевания и поиска двери старуха старательно храпела на печке.

Слишком старательно, на мой взгляд.

Ну а потом мы снова шли. Эд каким-то образом вывел нас через трясину, дальше шагать стало легче. И я почти и не вымазалась!

Из леса мы вышли на рассвете. Пасмурном таком рассвете, когда долина внизу покрыта дымкой, а ты сверху, на холме, стоишь и смотришь на неё, как на облако. И ёжишься от холода, потому что конфискованная у старухи накидка не спасает.

— Марцеис, — Эдвард указал на сгусток тумана внизу. Сквозь белую пелену кое-где, точно могильные кресты, торчали башенные шпили.

Ну, угу. Ура.

— Эдвард, и что теперь? — спросила я, не отрывая взгляда от "крестов". — Куда теперь?

Эд пожал плечами — ну точно нахохлившийся воробушек!

— Как обычно. Проскочим ворота и пойдём искать работу... Ладно, — глянув на меня, поправился юноша. — Я пойду. А ты подождёшь в таверне.

Что-то мне эта идея уже не нравится.

Иначе истолковав мой взгляд, Эд улыбнулся.

— Катрин, не беспокойся. Я знаю здесь отличный дом тер...

— А это обязательно? — перебила я. — Проституткой? Обязательно? Ты же, наверное, мог бы...

Эдвард отвернулся.

— Не мог, — бросил он. — Катрин, ты, правда, считаешь, что мне хочется этим заниматься?

Я вытаращилась на него.

А если нет, тогда почему...

— Потому что именно публичные дома король всегда игнорирует, — словно читая мои мысли, ответил Эд. — И только там меня не будут искать. Какое-то время.

— Почему? — выдохнула я.

Эд пожал плечами.

— Может, потому, что Его Величеству тоже противно даже думать о проститутках?

И, не дожидаясь меня, закинул мешок с вещами на плечо и стал спускаться со склона.

А я стояла, чувствуя себя так, будто это на меня вылили горшок нечистот, да ещё и посмеялись.

Рядом громко и, по-моему, весело каркнула ворона.

Я машинально обернулась.

Птица сидела на нижней ветке, нахохлившись, и странно косилась на меня.

Честное слово, я узнала её взгляд.

"А ты, деточка, оказывается, дура".

Ворона вскрикнула ещё раз и посмотрела мимо меня — на удаляющегося Эдварда.

Ох, чёрт!

Я подхватила подол и поспешила следом.

Ворота мы именно проскочили. Пристроились за какой-то телегой, и, пока ту осматривали, пробежали мимо.

— Повезло, — усмехнулся Эд, останавливаясь какое-то время спустя. — Иной раз приходится по полдня такой случай ждать.

— А мы не могли нормально пройти, потому что... — начала я, но Эд перебил.

— Потому что у нас нет лишних денег на уплату пошлины, — фыркнул он. — Не бойся, Катрин, стража не умеет отличать меченых.

Я хотела было спросить его про тех, которые в касках, показавшихся мне в первый день стражниками. Но передумала. В конце концов, Эду неприятно слушать про Посланцев. Может, "каска" тоже какие-нибудь... не трупы, конечно, но...

— А кто умеет? — всё-таки вырвалось у меня.

Эд снова усмехнулся и зачем-то взял меня за руку.

— Король. Его посланцы. Городской совет — у них есть нужные амулеты. И приказ — выдавать меченых. Они всегда с удовольствием его выполняют.

— Э-э-э... Городской совет?

— Да, разряженные купцы, в основном. У них здоровенная восьмиугольная звезда на коте, — весело откликнулся Эд. — Не беспокойся, просто так по городу они не ходят. И даже ездят нечасто. А вообще, их легко узнать — по этой самой звезде.

Я попыталась вспомнить, видела ли раньше таких... звезданутых.

Кажется, нет...

Улочки этого города ничем не отличались от того, где я "появилась". Такие же узенькие и многими местами грязные.

Эх, а вот в Стокгольме они же смотрелись очень... романтично. Ну естественно, там же не приходилось постоянно перескакивать через лужи, да выискивать себе местечко почище.

И ещё воздух там не смердел.

Я никогда не привыкну к местным городам. И лесам. И одежде. И...

Верните меня домой!

В каком-то переулке Эд неожиданно остановился, огляделся и поманил меня к двухэтажной каменной громадине, больше смахивающей на крепость, а не на таверну. Но Эдвард, по-прежнему держа меня за руку, спокойно открывал дверь. И как обычно улыбался.

Я уже начинаю ненавидеть его фальшивую улыбку.

— Катрин, не бойся, сейчас мы найдём комнату и отдох...

Он неожиданно замер и подался назад, но дверь за нами уже захлопнулась.

А?

Тёмный, точнее даже сумеречный (но какой-то опасно сумеречный — утренний солнечный свет сюда вроде и не проникал, а три факела и горсть свечей только дополняли ощущение замка с привидениями) зал казался маленьким — наверное, из-за избытка столов.

Не для привидений, конечно, те здесь вряд ли водились. Зато у стойки и за столами восседали пятеро толстяков в забавных местных одеждах.

На груди у каждого горела восьмиконечная звезда.

Эд прильнул было ко мне, но тут же отпрянул, точно от прокажённой. Очень тихо прошептал:

— Катрин, уходи. Скорее.

А сам шагнул в середину залы. Отцепил от пояса кинжал (короткий меч? длинный нож?) и, не вынимая из ножен, отбросил подальше от себя.

Оружие бухнуло по доскам пола, отгремев у меня в ушах похоронным звоном.

Один из толстяков совершенно по-жабьи улыбнулся.

— Вы заставили себя ждать, господин, — издевательски протянул он, кивая невесть откуда вынырнувшим "каскам".

Я почему-то ожидала, что Эдвард станет сопротивляться, как та сгоревшая женщина. Но он только ощутимо напрягся... и тут же расслабился, позволяя связать себе руки.

— И девчонку прихватите, — скучающе произнёс другой толстяк. — Его Величество наверняка захочет с ней побеседовать.

Со мной? Да ладно!

Я запоздало метнулась к двери, но, конечно, не успела.

А Эдвард, до этого совершенно спокойно стоявший в окружении стражников, вдруг рванулся вперёд.

— Стойте! Не...

Последнее, что я помню: кто-то из стражников хорошенько ему врезал, а другой затолкал в рот какую-то тряпку.

А потом то же самое сделали со мной, и мир как-то странно померк.

Глава 7

Голова пыталась взорваться. Причём в одном конкретном месте — на затылке. Сквозь алую дрёму я бессознательно потянулась тронуть — и тут же сознание пронзило ещё одно ощущение: чья-то рука у меня за пазухой. Шершавая тёплая рука — чужая.

Я инстинктивно замерла, одновременно сражаясь с красной паутиной перед глазами — их открыть почему-то не получалось.

— Эдвард? — слова застыли ещё в районе горла, наружу вырвался только еле слышный сип. А может, только для меня он был еле слышным. Не знаю — в уши словно вату напихали.

Рука сместилась с моей спины на грудь. И принялась совершенно бесстыже её мять.

Меня словно током ударило: кто посмел?!

Слабость как рукой сняло, паутина порвалась в мгновение ока. Я дернулась, чужая рука инстинктивно сжалась.

Все девушки знают, как это больно, когда бьют в грудь, да? Наверное, примерно как мужчину в пах.

Крик вышел сиплый, но определённо получился. А уж с каким энтузиазмом я метнулась в сторону — за одно это "отлично" можно ставить, если кто-нибудь соблаговолил бы оценить энтузиазм.

Звякнула цепь — меня отбросило в сторону. Обратно. Под ноги этому... владельцу руки.

Мне некогда было его рассматривать — он сразу постарался восстановить статус-кво. Видимо, в честь этого мне со всей силы врезали по щеке, а потом ещё и рванули рубашку.

Рубашку?

Думать об этом тоже было некогда.

Я отбивалась и пыталась звать на помощь. Не помогало.

Если ты хрупкая девушка без пояса по какому-нибудь восточному боевому искусству (а если даже и с ним?), тебе очень сложно отбиться от верзилы, превышающего тебя по весовой категории раз в тридцать минимум, да ещё и твёрдо вознамерившегося удовлетворить свои низменные мужские потребности. Ударов он словно не чувствовал. Зато его руки обрабатывали меня очень качественно. Спустя какие-то мгновения (очень долгие мгновения, практически вечность) я серьёзно уверилась, что как минимум одно ребро мне сломали, а уж от физиономии точно кроме синяков ничего не осталось.

Щёлкнул замок на двери. Раздался чей-то голос. Но ни я, ни верзила его не заметили. Я всё ещё пыталась отбиваться и скулила от ужаса, а эта... эта сволочь одной рукой потянулся к поясу — как тот разбойник в лесу. И...

Кричал он знатно. Громко. Как музыка. Даже с какой-то детской обидой.

Я же, вырвавшись, забилась в угол, во все глаза наблюдая, как двое "касок" держат верзилу за руки, а третий, показывая на меня что-то ему внушает. Кажется, про божью справедливость и невинных дев. Верзила сучил ногами, рычал и вырывался. В итоге получил по физиономии. Раз. Второй.

Да что б ты вообще больше не встал, кретин!

Его в итоге утащили — куда-то за дверь, которую тут же заперли. А я, дрожа от пережитого, попыталась запахнуться в длинную, но безнадёжно порванную рубашку — единственное, что на мне имелось.

И наконец-то смогла оглядеться.

Это не только напоминало камеру, но, я уверена, ею и было. Вот только в странной рубашке с нашитыми на ней алыми символами я оказалась одна. И с цепью, кстати, тоже.

За что ж такая честь?

Впрочем, это всё пришло в голову много позже — сначала я просто дрожала в уголке и рыдала от страха.

Но больше ко мне никто не лез. Долго.

А в принципе — было кому. Маленькая, грязная камера, полная мышей (такие, серые, пушистые и быстрые. Вроде не крысы) и жуков, больших и малых, вмещала кроме этой живности ещё и с десятков людей — в основном мужчин. Была, правда, парочка женщин — древние старухи. Одна точно слепая. Другая не шевельнулась ни разу. Может, уже того?

Эда не было.

А ещё тут имелось окно. И слава богу, потому что уборной как раз не было. Если бы не ветер снаружи (внутренний двор, как я потом разглядела), вонь бы стояла адская.

А так она была просто терпимой.

А порядки, скажу я вам... Кормили меня почему-то отдельно. И, поили. Остальным просто швыряли тазик — а мне кружку. Сколько капель на доньшке осталось, после того, как она в пределы досягаемости цепи докатится — все мои.

А кухня тут... Мда, и ведь ели. И я тоже. А что? Голод не тётка, несмотря на вонь и жажду.

Я вообще много нового о себе узнала за это время.

Например, поняла, что все мои принципы, типа "со мной ничего не случится" конкретно тут не стоят ничего. Особенно представление день, кажется, на третий очень сильно вправило мозги.

Я смотрела в окно — насколько цепь позволила. Там кого-то казнили — женщину вроде. Я видела только, как ей последовательно отрубили руку и ногу. И так оставили.

Не сожгли. Я даже радовалась за неё сначала — жива.

Ага.

Она умерла дня через три. На помосте. Под дождём. От потери крови или голода, или холода — не знаю.

И ей никто не помог. Альтруистов вроде Эда не нашлось.

Где-то в промежутке — уже после этой казни, но ещё до смерти несчастной — меня вызвали на допрос.

По крайней мере, так это у них называлось.

Сам процедура допроса меня к тому времени уже не волновала. Просто я очень хотела есть, помыться и узнать, что с Эдвардом. Примерно в таком порядке.

Меня накормили. Помыли — бадья с лягушками впечатлила. Выдали новую рубаху. Слава богу!

А разговаривать — слишком большая честь, оказывается.

Вот так, босиком, мокрую, жалкую впихнули в допросную — совершенно нестрашную комнатку, чем-то напominившую небольшую университетскую аудиторию.

Картина маслом — сидит за столом дяденька благообразного вида. Точь-в-точь наш завкаф. Смотрит на меня — устало и с привычкой. А потом этак лениво — и тоже устало да с привычкой — не то диктует, не то спрашивает:

— Знаете ли вы, за что вас арестовали?

Я тупо на него уставилась. И не поняла сначала, чего он от меня хочет.

Дяденька подождал с минуту. Вздыхнул. И заговорил — уже внятнее и намного медленнее.

— Вас обвиняет в том, что вы еретичка, что ваша вера противна учению святой Церкви и Его Величества Дерика Дебуа.

Чё?

И снова минута ожидания. Потом (очень грустно):

— Веруете ли вы в Господа нашего Его Величество короля Дерика VII, Повелителя-на-земле-и-на-небе?

Э-э-э... Не-а.

Я моргнула.

Они что здесь, свихнулись все?

А "завкаф" продолжает:

— ...Заступника нашего и Благодетеля, Вседержителя и Пастыря ныне и во веки веков... Веруете?

Чего ради я должна верить в какого-то короля?

— Э-э-э...

Взгляд дяденьки стал почти просящим.

— Признаёте ли вы, что не молились, не исповедовались...

— Э-э-э...

Типа "ignorantia non est argumentum" — незнание законов не освобождает от ответственности?

А секретарь тем временем строчил, кажется, что-то вроде: "Обвиняемая упорствует во

грехе". Своими глазами видела!

Дурдом.

Наконец:

— Поклянитесь, что веруете. Веруете в Господа нашего Его Величество короля Дерика VII, Повелителя-на земле-и-на-небе...

— Клянусь, — послушно отозвалась я, когда он закончил, — что верую в... э-э-э... а можно ещё раз — в кого я должна верить?

Дяденька вздохнул и постучал пером по виску.

Секретарь подчеркнул фразу "упорствует" два раза.

— Я вас не принуждаю давать присягу, — как-то заученно забормотал дяденька, — ибо вы, веря, что клясться запрещено, перенесёте грех на меня и...

— Да-да, — закивала я, — понятно. Я просто имя короля забыла. Как там его?

В общем, экзамен я провалила.

Блин, они тут в короля веруют! Ну не чокнутые?!

Ещё три дня — медленное, пустое ожидание.

Сырые стены — хоть облизывай, кошмар, так пить хочется!

Взгляды искоса — меня сторонились, точно чумной. И почему?

По ночам, дрожа от холода (босиком да в одной рубашке... даже клока сена никто не дал, сволочи!) я злилась на весь мир, тщательно представляла, как и мне отрубают руку, боялась до колик (хотя последние были, скорее, от голода или от местных "блюд") и видела в кошмарах, как там, за решёткой, во внутреннем дворе сжигают Эдварда.

В общем, незабываемо проводила время!

А потом меня снова вызвали. Выволокли, если быть точной. Цепь не позволяла встать, и ноги онемели до бесчувственности. Или замёрзли. Фиг знает, но ходить не могли.

Мыть и кормить на этот раз не стали. Просто втолкнули в какую-то очень светлую комнату. Не привязали и не прицепили, так что я тотчас метнулась в первый же тёмный угол.

Привычка.

— Катрин?

Звякнула цепь.

Я повернула голову, всё ещё обнимая себя за плечи.

Эд оказался рядом — через мгновение.

И вдруг всё стало на свои места. Хорошо и безопасно. Снова. Тоже на мгновение.

Не слушая, что он там бормочет, я рассматривала его лицо — как и у меня, наверное, с синяками. Глядела на рубашку — такую же, как моя, только порванную. На потёки крови в уголке рта.

И всерьёз думала, что если кто-нибудь хотя бы посмеет тронуть его при мне — я за себя не отвечаю!

А ещё мне почему-то очень хотелось его поцеловать. Совсем озверела с этими... мышами.

Скрипнула, открываясь, дверь.

Эдвард вскочил, потянув меня наверх и вбок — и себе за спину.

А я вцепилась мёртвой хваткой в его руку и замерла.

За громадный письменный стол вслед за секретарём проплыла (именно так) девица в

чёрном платье. И чёрной остроконечной шляпе.

Я окончательно впала в ступор.

Для полного образа дамочке не хватало только метлы. И тыквы с рожицей.

Ведьма в роли инквизитора... Этот мир окончательно сбрендил. Точно.

Девушка уселась за стол, подняла голову. И встретила взглядом с Эдвардом (я из-за спины только выглядывала)

Замерла.

Минуто эти двое переглядывались.

Потом девушка этак царственно махнула рукой, без слов отсылая секретаря. И, когда за ним скрипнула дверь, выдохнула:

— Эдвард?

— Здравствуй, Камилла, — напряжённо откликнулся Эд.

И тишина...

— Значит, ты снова попался, — констатировала очевидное дамочка, удобнее устраиваясь в кресле. — И кто это с тобой?

Эдвард повернулся, потянул меня за руку — подойти ближе.

— Катрин. Это Камилла — моя должница, — напряжённо сказал он.

Девушка поморщилась, точно лимон проглотила. Целиком.

— Милый, не жди, что я тебя вытащу, — проворковала она. — И эту красавицу тоже.

— Вытащи только её, — ровным голосом откликнулся Эд.

Брови девушки взлетели вверх — прямо под полы шляпы.

Я вздрогнула.

— Нет!

Девушка... Камилла хмыкнула. И, снова обращаясь к Эду, пропела:

— Ты же понимаешь, милый, что в противном случае я потеряю это место... и это звание.

— Ты получила его благодаря мне, — парировал Эд.

Снова усмешка.

— И мне здесь нравится, хороший мой. Я не собираюсь ради тебя рисковать будущим.

Очередная дуэль взглядов.

— Не со-би-ра-юсь, — с нажимом повторила девушка.

Эд отвернулся. И тихо что-то произнёс-пробормотал — сплошь из незнакомых мне слов.

Девушка содрогнулась. И тут же завопила:

— Стража!

Короче, я ничего не поняла — нас быстро увели. Но, похоже, последняя дуэль взглядов девушки и Эда закончилось полной победой юноши.

Ведьма Камилла сидела белая, как мел, и что-то строчила — кажется в протоколе.

Эд сжал мне руку напоследок. Шепнул:

— Всё будет хорошо. Вот увидишь.

"Хорошо" запаздывало.

Я по-прежнему сидела в камере, где пол не мыли, наверное, с самой постройки, где дуло из каждой щели (а щелей там много), где никто и не знал о "Конвенции по правам человека" и где даже другие заключённые сторонились меня, как проклятую.

Прошла неделя. Меня ещё разок вызывали на допрос, но с тем же результатом.

Эда я больше не видела. Как и ту ведьму.

Дней через восемь некто умный додумался повесить у нас перед окнами какого-то несчастного. Смердел несчастный отвратно. А его перекошенная физиономия с высунутым синим языком до сих пор иногда снится мне кошмарах.

Интересно, он тоже в здешнего короля не верил?

Ещё денька через три моя психика из состояния постоянного шока перешла в апатию. Наверное, это какая-то форма защиты. Не знаю. Но жить стало ощутимо легче. Например, я перестала чувствовать голод. Только жажду — да и то потихонечку привыкала. Хотя выглядела я, наверное, совсем неважно. По крайней мере, волосы стали как-то активно выдираться, когда я всё-таки решалась расчесать их пятернёй. Да и ногти с кожей оставляли желать лучшего. Сейчас, наверное, даже мой любимый крем марки "Шисейдо" не помог бы.

Зато я вроде бы похудела до тех сорока пяти килограмм, о которых когда-то мечтала.

Похудеешь тут — на заплесневевшем-то хлебе и жуткой каше.

После них, кстати, живот болит. Сильно. Наверное, желудок не знает, что природный пенициллин — это жуть как круто.

Ещё денька через три (может, больше, может, меньше — сбилась со счёта) меня снова вызвали. И сунули в бадью с лягушками, но кормить, правда, не стали. Гады.

Дяденька допрашивающий был незнакомым, его секретарь — тоже, и огромная крестовина в их кабинете, формой напоминающая букву "X" мне сильно не понравилась.

Секретарь — паренёк моего возраста, жутко смахивающий на крысу — ещё почему-то таращился на эту "конструкцию". И на меня. Будто сравнивал — подходим ли мы друг к друг.

А дяденька гипнотизировал взглядом только меня — босую, переминающуюся с ноги на ногу и периодически почёсывающуюся (блохи — они такие!).

— Итак, обвиняемая, признаётесь ли в ереси?

— Да! — прохрипела я.

Ну серьёзно, я при всём желании не смогу сказать, что верую — хотя бы потому, что не знаю, в кого!

— Чудесно, — отозвался дяденька тоном, в котором ничего чудесного не было. — А признаёте ли вы, что подстрекали народ к восстанию против Его Величества?

— Когда? — опешила я.

Дяденька почесал пером нос.

— Вы много раз подстрекали?

Прямо над ухом кто-то квакнул. Я порылась в волосах и с удивлением извлекла вместе с клоком лягушку.

— Ни разу.

— Упорствуем, значит... — протянул дяденька.

Я закусила губу. Блин, как разговаривать с буйными сумасшедшими, а?

Скрипнула дверь.

— О, Гийом, ты занят! — проворковали вдруг с порога. — Жаль...

Дяденька встрепенулся.

— Камилла! Заходи, мы уже заканчиваем. Ты же не будешь против немного подождать?

— Нисколько, — улыбнулась ведьма, проходя мимо и не удостоивая меня даже взглядом.

Допрос продолжился в том же ключе. Секретарь скрипел пером, дяденька пытался просверлить во мне дырку, я пританцовывала на холодном каменном полу и чувствовала себя единственным нормальным человеком в этом дурдоме (только очень грязным).

— В Мертеннесе случилась эпидемия лошадиного бешенства — признаёте ли, что наслали её, возвращаясь с мессы?

— В Антропе три дня шёл проливной дождь и размыло дороги — признаёте ли, что именно вы вызвали непогоду вашим неверием в Господа нашего короля-на-небе-и-на-земле?

— В Квертесе погибла любимая овчарка графа — признаёте, что наслали на неё чуму, дабы люди поверили вашей ереси?

И так далее. И всё абсурднее.

— Не признаю, — устало выдохнула я.

Дяденька в который раз приложился к стоящему перед ним кубку. Поболтал его, удивлённо посмотрел на секретаря. Тот быстренько наполнил кубок заново — и себе заодно.

Камилла сидела с другой стороны, увлечённо перелистывая какой-то фолиант.

— В таком случае, — вздохнул дяденька, — мы вынуждены применить божий суд.

Секретарь снова глянул на странную конструкцию.

— А может, мы лучше разум применим? — вырвалось у меня. — Ну вы же сами понимаете, что я никак не могла всё это совершить!

— Почему же? — изумился дяденька. — Если вы еретичка — а вы еретичка — то очень даже можете. Вера, как гласит трактат от... — он закашлялся, аккуратно прикрываясь вышитым платочком, — от...

Теперь они кашляли с секретарём в унисон.

Камилла отложила книгу.

Дяденька покраснел, силясь вдохнуть. Вытаращился на ведьму — и ничком рухнул на стол. Секунду спустя к нему присоединился секретарь.

Ещё минуту в кабинете царила мёртвая тишина.

Потом Камилла поднялась, последовательно проверила у каждого пульс, оттянула веко. Выдохнула:

— Ну наконец-то! Я уж думала, они всё-таки тебя подвешат, — порылась где-то в ящике стола, нашла цепь — точь-в-точь мою. Быстро шагнула ко мне, клацнула замочком — и намотала свободный конец себе на руку.

— Ну, чего уставилась? Пошли.

— Дорогу леде-ведьме! — вопила Камилла, таща меня по бесконечным коридорам за цепочку — как какую-то собачонку! — Дорогу, я сказала!

— Куда ты меня ведёшь?! — прохрипела я, чуть-чуть придя в себя. — Где Эдвард?!

— Заткнись! — бросила ведьма, дёргая цепочку. — Дор-р-рогу!

И все быстренько шарахались в стороны, освобождая путь — словно подобное здесь было обычной процедурой.

А, может, и было.

— Я без Эдварда никуда не пойду!

Камилла молниеносно развернулась — и заехала мне по многострадальной щеке.

— Прекрати пищать!

Дальше я, слегка оглушённая, бежала за ней молча. До дворика — вроде бы внешнего (я краем глаза заметила ворота).

И по лужам, и по лужам... Камни были лучше.

— Шевелись! — подгоняла ведьма и так почти таща меня за собой.

Длинное одноэтажное помещение с конями — наверное, конюшня. Только я всё равно ничего рассмотреть не успела — Камилла уже метнулась к стойлам.

— Госпожа! Что вы здесь делаете?! — рывкнули вдруг от входа.

Я обернулась — на секунду всего, потом меня швырнули в сено.

Но этих, в касках, разглядеть успела.

— Зачем вы привели сюда заключённую?!

— Что, не видишь — сбегает! — гаркнула в ответ ведьма, возясь с уздечкой.

— Сбе... Взять её! — быстро сориентировались "каска".

Свистнула стрела. Ещё одна. И ещё.

Последний в каске рухнул прямо у моих ног. Со стрелой в горле.

— Ты почему коня не приготовил? — прорычала Камилла, в который раз кое-как пытаюсь приладить уздечку.

— Ну извини, — фыркнул Эдвард, опуская лук. — Не успел.

Я закрыла глаза и подумала, что сейчас самое время потерять сознание.

Но вот как раз времени хватило только на облегчённый вздох.

— Катрин! — возясь с конём (или лошадьё?) ведьмы, позвал Эд. — Белый в яблоках — третий слева — твой.

В яб...

— Я не умею! — взвизгнула я.

Как они на меня посмотрели! По-моему, все, включая лошадей.

— Не умею... верхом, — проблеяла я.

Ближайший конь фыркнул.

— Где ты её нашёл? — проворачиваясь к Эду, выдохнула ведьма.

— В канаве, — тут же откликнулся юноша.

Ведьма выразительно усмехнулась.

— Ясно.

Эд швырнул поводья Камилле — та тут же лихо вскочила в седло — схватил меня за руку и потащил к белому — пятому справа.

— Поедешь со мной.

— Эдвард... я правда... вообще никогда на конях не каталась, — пропищала я, когда он вскочил в седло — тоже лихо.

— Значит, будешь очень крепко держаться за меня, — отозвался юноша, наклоняясь и подавая руку.

Уже тогда я догадывалась, что возненавижу коней на всю оставшуюся жизнь.

Наверное, в галоп мы перешли ещё с шага. Я не знаю, я крепко держалась. От Эда сильно пахло потом, сеном и чем-то ещё — но от меня воняло ещё хуже, так что куда уж тут привередничать. Я быстренько обхватила его пояс руками — но даже так меня мотало во все стороны.

И как он с этой белой зверюгой управляется?!

Да я даже коров в деревне у бабушки боюсь! А что? Они громадные и смотрят так, словно размышляют, устроить ли корриду прямо сейчас или подождать, пока эта дура с хворостиной сама уберётся.

"Приятные" ощущения поездки верхом — тыдыщ-тыдыщ- вверх-вниз-ай, я, кажется, соскальзываю! — прекратились неожиданно.

Я почувствовала, как Эд вздрогнул, а спустя секунду зычный незнакомый голос повелительно произнёс:

— Камилла де Рауте! Что всё это значит?!

И тут же повисла томительная тишина.

Ну а мне как раз времени хватило оглядеться. Так вот — "касками" оказался заполнен весь двор.

Похоже, нас тут ждали? Или это мы так удачно подъехали?

Ворота впереди как раз закрывались. Очевидно вслед за десятком всадников в белых плащах с нашивками почти как у нас с Эдом на рубахах. Правда, без перечёркивающих линий.

В общем, я разглядывала всадников, а те смотрели на нас.

А "каска" тут вроде как для массовки? Забавно. Наверное, чтобы уж наверняка показать: всё, ребята, вам крышка.

— Господин Дебуа! — вдруг расплылся в улыбке... э-э-э... передний всадник — тот самый, с зычным голосом. — Вы, наконец, почтили нас своим присутствием! А то, знаете, искать вас по всей стране столько лет...

Я почувствовала, как Эд напрягся и со всей силы стиснул поводья.

А этот... голосистый... снова улыбнулся — довольно так, мазнул по мне равнодушным взглядом и повернулся к побледневшей ведьме.

— Леди, я убедительно прошу вас спешиться. Ваш отец ждёт вас. И, насколько я знаю, ваш жених — тоже.

Камилла словно воздухом подавилась — казалось, ещё чуть-чуть и спешиваться ей не придётся, с коня и так свалится — в обмороке.

— Леди, не усугубляйте ваше положение! — повысил голос всадник. — Господин Дебуа, вас это тоже касается! Поверьте, камера в Монтебле понравится вам и вашей подруге куда меньше, чем эти, — он с усмешкой кивнул на здание позади нас, — покои.

Эдвард только сильнее стиснул поводья. А вот Камилла, побледнев точно покойница, еле слышно пролепетала:

— Да, милорд.

И всё-таки свалилась с коня — отнюдь не так лихо, как на него садилась. И тут же с мольбой потянулась к седлу "голосистого".

— Милорд, прошу Вас! Не отправляйте меня к отцу, умоляю!

Всадник, усмехнувшись, наклонился к ней.

— Леди, как бы мне ни хотелось..., - и, захрипев, ничком рухнул на землю.

Дальше я не видела. Эдвард со всей силы рванул поводья, наша зверюга скакнула на дыбы — и прямо оттуда перешла в галоп.

Остолбеневшие было всадники да и ребята в касках быстренько отмерли и бросились к воротам. По-моему всей толпой.

Они серьёзно думали, что мы так жаждем расплющиться о закрытые створки?

Вообще-то я тоже так думала. И уже почти решила, что Эд обладает магическим умением поднимать пудовый засов на всём скаку.

Конь (если лошадь — потом перед ней извинюсь) снова взвился на дыбы и так, на двух задних ногах, точно в танцевальном па развернулся к зданию.

Я в очередной раз почувствовала себя мешком — и в очередной же раз чуть не вывалилась из седла. Камни двора оказались прямо перед глазами (вместе с чьей-то зверской рожей). Потом Эдвард за шиворот втянул меня обратно, попутно порвав многострадальную рубашку.

Зато уж теперь я вцепилась в него, как утопающий в соломинку.

В ушах свистел ветер и чья-то ругань, хрипел конь, кусая удила... Перед нами снова возникли ворота — на этот раз другие... А потом была крутая лестница, проём входа, в который мы стрелой влетели, сшибив дверцу (благо на ней засова не оказалось) и понеслись по коридору.

Двери, стены и решётки замелькали с головокружительной быстротой. Сзади, судя по звукам, тоже кто-то скакал, но мне было совершенно не до этого.

Господи, у них улицы-то не всегда предназначены даже для одного всадника, не то, что коридоры!

Я уж молчу про потолки!

Нас преследовали, нам пытались загородить дорогу, пока Эд правил невесть куда, потому что в этих лабиринтах сам чёрт ногу сломит — я постоянно ждала, когда вон та дверка или вон та стенка окажется тупиком. Обратно мы не смогли бы повернуть при всём желании — кажется, весь народ со двора повалил за нами. По крайней мере, звуки были соответствующие.

Когда впереди замаячили особенно большие двери, а также человек пять стражи с мечами наголо, я зажмурилась, уткнувшись носом Эду в спину. Сейчас нас этими ножичками да из седла....

Эд даже не попытался остановить коня. Похоже, им обоим уже море было по колено — мы на всём скаку втемяшились в "засаду". И, не сбавляя темпа — в двери.

Не знаю, какая женщина способна коня на скаку остановить, но мужчине, даже вооружённому это оказалось не под силу. "Засаду" мы просто смели. Как собственно и двери.

А дальше словно из-под земли вырос алтарь. И трёхметровая фигура какого-то не то святого, не то местного короля — я не рассмотрела. Помню только, что священник (одеждау них везде характерная) шарахнулся в сторону — а мы рванули по пустому коридору между лавок.

Обалдевшие прихожане глазели нам в спины. Какая-то экзальтированная дамочка у входа, правда, попыталась кинуться под копыта, но не успела.

Даже думать боюсь, что с ней сделала вторая лошадь и погоня.

Ну а потом было много солнца, улицы, по которым мы плутали хлеще, чем по коридорам (впрочем, погоня плутала тоже). И, напоследок — ворота. И почему-то ров с водой.

А я ещё думала, чего они там сзади орут: "Поднимай!".

Ну, хм, подняли.

Мы вниз соскочили, когда мост уже был в метре над землёй, как там за нами справлялись — не знаю.

Я боялась только, что у коня подломятся ноги, и мы кубарем полетим в ров. Лететь было бы далековато, честно говоря. Рыли тут на совесть.

Коней тренировали — тоже.

Мимо ещё свистнуло несколько стрел — и, наконец, замелькали деревья.

Сколько мы так скакали, не знаю — конь хрипел, дрожал и постепенно замедлял шаг, пока вовсе не остановился. Эд спешился, буквально сдёрнул меня следом — и принялся водить бедное животное по кругу. Через секунду рядом свалилась Камилла, бросила Эду поводья и растянулась на земле, закрыв глаза.

— Ну? Теперь ты доволен? — пробормотала она, кривясь.

— Да, — спокойно отозвался юноша, сосредоточенно осматривающий лошадей. — Вполне.

Камилла тихо вздохнула.

— Ну всё — гнить мне теперь в лесу, как и остальным "свободным" ведьмам — до самой старости, — с тоской в голосе произнесла она.

Эдвард на этот раз промолчал.

Глава 8

— Предлагаю поехать в Эркс, — неожиданно заявила Камилла, подбрасывая в костерок пару веток. — Там нас точно никто не ждёт.

Я посмотрела на Эдварда — тот зябко кутался в плащ "голосистого", найденный в его чересседельной сумке (Камилла постаралась. Когда мы переполох во дворе устроили, ведьма вскочила на его коня и была такова... вслед за нами).

Не понимаю, на черта таскать в сумке плащ? Да ещё и сменный. Лучше бы еду возил.

Есть хочется.

— Не ждёт. Вот именно, — тихо произнёс юноша, выдержав паузу. — Никто. Не ждёт. Почему ты решила, что нам там будут рады?

— И кстати — почему это "нам"? — вставила я, грея над костром руки и постепенно пропитываясь дымом. А оно и к лучшему — может, вонь выкурит. И блох.

Камилла искоса глянула на меня.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Потому что я пока не готова строить избушку, селиться в лесу и гонять разбойников, — и, повернувшись к Эдварду, добавила. — Ну и куда же ты собираешься отправиться?

— В Понтъен, — подумав, откликнулся юноша и снова поёжился.

А я вдруг поймала себя на мысли: "Не заболел бы".

— Ха! — фыркнула ведьма. — Вот уж в Понтъене тебя точно ждут! Напомни, это там ты перебудил весь город, когда сбегал через звонницу?

Эд укутался в плащ с головой и промолчал.

— Да, это надо суметь — запутаться в колокольных "языках", — хохотнула Камилла. — Бедные жители отправились служить заутреню во время хвалитны... Так что да, Эдвард — тебя там очень ждут. Как и в Прейде, Тарисе и Тирэле — и по всему побережью, если не ошибаюсь.

Ничего себе послужной список! И везде вот так сбегал?

— А в Эрксе, насколько я знаю, — продолжала рассуждать ведьма, — ты ещё не был. Тебя там не знают. Так? Как и меня.

— Эркс — далеко, — вставил Эд.

— Вот именно! — ведьма расплылась в улыбке. — Представь, как им захочется послушать менестрелей. Между прочим, ты всё ещё играешь на флейте?

— Играю, — из кокона плаща вытянулась рука, подбросила ворох веток в костёр и тут

же втянулась обратно. — И что толку? Флейты у меня теперь нет.

Камилла фыркнула и победно достала из наплечной сумки... флейту.

— Так и думала, что пригодится. Кстати, я ещё и сменную одежду захватила. И для этой замарашки тоже, — ведьма кивнула на меня.

— Что? Как ты меня назвала?! — вскинулась я, а ведьма продолжала, точно не слыша:

— Эдвард, что мы теряем? Отдохнуть пару деньков в Эрксе — а оттуда до границы рукой подать!

— Она закрыта, и ты это знаешь, — мрачно отозвался юноша.

— Ну я же ведьма, — улыбнулась Камилла. — А теперь ещё и учёная. Что-нибудь придумаем. К тому же, если нам удастся набрести на купцов у границы и договориться, чтобы они нас провезли... Может сработать. Я слышала, ограничение действует только на тех, кто ходит пешком.

— Глупости, — бросил Эд.

— Ну, другого плана у нас всё равно нет. И ещё....

— И ещё Эркс — одно из немногих мест, где твой отец не имеет власти, — вставил Эдвард. — Я понимаю, почему ты так рвёшься туда. Хорошо-хорошо. Я подумаю. Ладно?

— Ладно, — протянула ведьма. — Тогда, пока думаешь, может, займёшься поиском ужина? А я отмою эту красавицу, — ещё один косой взгляд в мою сторону. — Жуть как блох не люблю.

И, не дожидаясь ответа, встала, подхватила сумку, меня — за руку — и потащила прочь от тёплого, уютного костра.

— Далеко не отходите, — донёсся спустя минуту голос Эда.

— Конечно, — усмехнулась Камилла. — Идём, милая, я слышу неподалёку ручей...

— Она холодная, — объявила я, пробуя воду босой ногой. — Я туда не полезу.

— А ты думала тут целительные источники Реймса? — хмыкнула Камилла. — Давай, красавица, я не собираюсь вечность тебя ждать.

— Меня зовут Катрин, — буркнула я.

— Приятно познакомиться, — улыбнулась ведьма... и толкнула меня в озеро.

— Ты! — завизжала я, дрожа. Бо-о-оже! Как холодно! А-а-а-а! — Я-а-а с-с-сейчас-с-с т-т-теб-бя...!

— Да-да, конечно, — вздохнула Камилла, стаскивая нижнюю рубашку и спокойно шагая в воду. — Утопишь. Окунишь-ка, милочка.

— Чт-чт-что?!

Камилла театрально вздохнула — и макнула меня с головой в воду.

— Милая, — буль-буль! — я хочу, — буль! — чтобы ты запомнила, — буль-буль-буль! — это Эдвард у нас добрая душа и подбирает всякую мерзость в подворотнях, — бу-у-у-уль! — а я тебя, красавица, — буль! — терпеть не намерена, — буль! — Так что давай, Катрин, жить по правилам, — меня нещадно дёрнули за волосы и поставили на колени. — Моим. Ясно?

— Ай! Пусти!

— Конечно, — меня снова макнули в воду. — Ясно?

— Да! — побулькала я и, изловчившись, утащила её за собой на дно.

До-о-олго мы так барахтались — сначала всерьёз пытаюсь друг друга утопить, потом — шутя.

Уж что-что, а как вести себя с зарвавшимися дамочками, я знаю — средняя школа очень хорошо этому учит. Лучше сейчас дать сдачи, чем потом выяснять отношения с криками, слезами и Эдвардом.

— Ты забавная, — сквозь смех вынесла вердикт, Камилла. — Особенно, когда волосы торчком, как сейчас. Давай помогу. О-о-о, да они у тебя светлые?

— Золотистые, — улыбнулась я, вытирая лицо рукой.

— Красивые. Только короткие, — добавила ложку дёгтя ведьма. Да уж, у неё самой волосы — тёмные, почти чёрные — стелились за ней шлейфом. Наверное, чуть не до коленей будут. — Знаешь, а ты ничего. Понимаю, почему Эд позарился. Он тебя, правда, на улице подобрал?

— Правда, — тихо отозвалась я.

— По тебе не скажешь, что ты бедная крестьянка без роду, без племени, — заметила Камилла. — Отца сожгли? Или мать?

— Нет, — я в последний раз присела, наслаждаясь ощущением чистоты и приятной нежностью воды, уже не кажущейся такой холодной. — Я не помню, как там оказалась.

— Угу, — фыркнула Камилла, давая понять, что объяснение её не удовлетворило. — Эй, ты что делаешь? Нижнюю рубашку вниз и одевают!

Да, да я снова запуталась в этих "капустах". Пока Камилла не вылезла из воды и не помогла одеться, так и плутала в крючках, поясах и прочей ненужной мишуре.

— Такое чувство, что ты никогда сама раньше не одевалась, — заявила ведьма, помогая мне натянуть блио. — Серьёзно, Катрин, ты как ребёнок.

Я промолчала.

А на ужин нас ждало нечто на вертеле. Ну, палка, параллельно ей — палка. И на них сверху — третья. Во-о-от. Вертел по-походному.

А на третьей палке — не-е-что...

Пахло оно, золотистое, со стекающим в шипящий костёр аппетитным жирком, просто обалденно. Полагаю, на вкус тоже... пальчики оближешь, особенно после хлебно-пенициллиновой диеты.

У костра как ни в чём ни бывало сидел Эдвард, по-прежнему зябко кутаясь в плащ.

Надо будет спросить Камиллу, не знает ли она каких травок от простуды. И как они выглядят.

В конце концов, она же ведьма.

Только почему-то не колдует...

Надо же, и это мне раньше не нравилось спать на земле?

В нормальной одежде и (наконец-то!) обуви да на полный желудок — очень даже неплохо спится. Честно, я задремала практически сразу, как только наш "ужин" закончился. После камней и сырости свежий лесной воздух, тепло костра и мягкость накидки — просто рай на земле.

Забавно, как всё познаётся в сравнении, а?

Эдвард с Камиллой ещё о чём-то разговаривали, пока я дремала, кажется, снова спорили, куда ехать.

Меня это не волновало совершенно.

Да-да, знаю, если бы не Эд, ни в какой темнице я бы не оказалась.

Но, если уж на то пошло, чем подворотня настолько уж лучше?

Так что я просто нормально выпалась. И ошейник с цепью, слава богу, наконец, не мешал. И кошмары не мучили.

Утром Камилла заваривала какие-то травы. Может, сама догадалась насчёт противопростудных? Не знаю, но согревали они хорошо, хоть нормальный чай и не напоминали.

А ещё мне не понравилось, каким взглядами обменивались они с Эдвардом. Словно был у них общий секрет.

А я впервые почувствовала себя лишней.

Зато путешествовали мы теперь с комфортом! На конях. Когда-нибудь, я может, тоже научусь кататься верхом. Сама. А пока просто наблюдала, как с нашей норовистой белой зверюгой управляется Эдвард. Получалось у него отменно.

Как, впрочем, и у Камиллы — с её чёрной лошадкой.

Ещё один повод вспомнить, что именно я здесь обуза.

Гр!

Лес кончился быстро, сменившись довольно-таки холмистой местностью, изрешеченной мелкими ручейками и красиво освещаемой солнцем. Вдалеке белыми остроконечными облаками высились горы — иногда настолько яркие и чёткие, что, казалось, я могу различить каждый склон, сверкающий в золотых солнечных лучах.

Эдвард уверял, это к дождю.

Эдвард... Мы молчали — практически весь день. У меня много вопросов крутилось на языке: почему на этот раз мы путешествуем днём, что у него с Камиллой, как мы смогли так "сравнительно легко" сбежать, зачем, наконец, королю понадобилась бы я, в конце концов, я же не "меченая".

Но Эдвард молчал. Ехавшая чуть позади Камилла — тоже.

А я стеснялась нарушить тишину.

Только один раз — уже под вечер, когда мы проезжали симпатичную равнину, всю в цветах (кажется, сиреневых колокольчиках), Эд вдруг спросил:

— Катрин, ты не передумала? — и, не дождавшись ответа (я дремала, если честно), продолжил. — Теперь ты видишь, что со мной опасно. Ты могла бы взять коня и отправиться в Стрерг — замок неподалёку отсюда. Всего день пути. Там можно устроиться служанкой, и наверняка быть в безопасности.

— Мне и так хорошо, — буркнула я, зевая.

— Катрин, — Эдвард даже обернулся на мгновение, поймав мой взгляд. — Будь благоразумна. Нам сейчас просто повезло. Прятаться и бродяжничать — жизнь не для юной... леди. Поэтому, прошу тебя, подума...

— Хочешь от меня избавиться? — перебила я. — Тогда так и скажи.

— Не хочу, — после выматывающей нервы паузы откликнулся юноша.

— Ну и отлично, — буркнула я, в который раз жалея, что не умею ездить верхом. Или что здесь не придумали машины... Хотя водить машину я тоже не умею.

Какая-то я никчёмная.

К ночи, когда закат почти погас, набежали тучи. Как-то резко поднялся ветер, мгновенно похолодало, сине-чёрное небо гротескно прошил алый солнечный луч — последний.

И наступила томительная тишина.

Мы свернули в маленькую рощицу, в которой — с ума сойти! — довольно быстро

обнаружили покосившуюся избушку. Дверь болталась на одной петле, так что стучать мы не стали — вошли так.

И сразу же, словно того и дожидался, ливанул дождь.

Эд засуетился, кинулся устраивать коней, а мы с Камиллой остались разбираться с капающим потолком, давным-давно забывшим про костёр очагом и едой.

Самое забавное — дрова нашлись почти сразу. Хорошие поленца, горели чудесно.

Да и при свете избушка выглядела хоть и запущенно, но не так, будто её покидали в спешке. Словно собирались вернуться — и не смогли. Или не стали.

Это настораживало.

А ещё гром, молния снаружи... У-ух!

— Глупости, Катрин, — фыркнула Камилла, когда я поделилась своими опасениями. — Там с другой стороны от входа наверняка есть могилка. Здесь раньше ведьма жила, неужели неясно?

— Ага. Сама умерла — сама закопалась, — я поёжилась. — А ночью закусывает неосторожными путниками.

— Выдумщица ты, Катрин! — рассмеялась Камилла, открывая люк в подвал и смело шаря там рукой. — Закопал ветер или, что наверняка, знакомый из соседней деревеньки. А трупы сами по себе никогда не встают. Без некроманта.

— Кого? — я придержала люк, подвигаясь так, чтобы не загораживать свет.

— Некроманта, — повторила Камилла, извлекая на свет свёрток с душистыми травами — завоняло на всю комнату. — Волшебник, имеющий дело со смертью. Наш король — некромант. Не знала?

Я чихнула и закрыла нос рукой.

— Эдвард говорил, что он сжигает жертв, чтобы забрать у них силу. Как-то так.

— Еретиков он сжигает, — хмыкнула Камилла, победно доставая из-под пола завёрнутую бренную (что удивительно — не сгнившую) тушку какой-то птицы. — Так, поможешь мне теперь её ощипать... Кому понравится, когда веру хулят?.. Катрин, ты что, птицу никогда не щипала?

— Да как-то не приходилось, — буркнула я.

Камилла смерила меня странным взглядом и фыркнула.

— Учись. Смотри, вот так... Ты сама-то в кого веруешь?

Я с тоской вспомнила окорочка, продающиеся в наших супермаркетах. Готовые — раз и на сковородку...

— Ни в кого.

— Так не бывает, — хохотнула ведьма. — Ладно, не хочешь — не говори. У нас здесь раньше в Бога верили. Триединого. Как в Святой империи. У меня с ним тоже, если честно, не складывалось, ведьм он не любил. Но это давно, я ещё девочкой была. А потом, как король на престол взошёл — резко всё переменялось. В церквах появились изображения нашего Дерика-некроманта, ведьм зауважали, стали даже в инквизицию брать. А про прошлого бога забыли. Забавно, а? Я подозреваю, это какое-то королевское заклинание, но волшебникам оно на руку. Так что, когда я смогла, наконец, от папиной опеки избавиться — сразу в инквизицию отправилась. Единственный способ оказаться на высоте и поближе к трону. И доход немалый, — Камилла весело подмигнула.

— А как ты с Эдвардом познакомилась? — быстро спросила я.

— О, это забавная история, — Камилла вытащила откуда-то котёл, спокойно набрала

туда дождевой воды из накапавшей в тазик и сунула туда ошипанную птаху. — Эдварда отец пригласил — чтобы я перед свадьбой совсем уж дурой жениху не показалась.

— Жениху? — изумилась я.

— Ну да, — Камилла осторожно подвесила котёл и подложила ещё поленце в костёр. — Граф де Тридете. Старый, седой, как лунь. Всё время думала — зачем ему жена, лучше б духовника пригласил. Но богатый. Отец очень на его земли рассчитывал, когда граф окочурится. Как ты понимаешь, я под венец не рвалась. Пару раз даже сбежать порывалась — вот мне и пригласили Эдварда в качестве... ха-ха... дуэньи. Я боялась — всё, пропала, Эдвард же знаешь какой исполнительный. Даже слезами его уговаривать пыталась. А он, представляешь, как узнал имя жениха, так сам предложил побег устроить. Он в этом деле мастак, таких только поискать! Правда, слово взял, что я ему в ответ когда-нибудь помогу. Эх, знала бы я тогда, чем оно обернётся... А у тебя, Катрин, — спросила она вдруг доверительным голосом, — был жених? Может, как и я... того?

Я вздохнула.

— Нет.

— Жаль. От интересной истории я бы не отказалась, — улыбнулась Камилла.

Вскоре вернулся Эд — мокрый до нитки. Тут и наш суп с травками вскипел.

А после я дремала, а Эдвард с Камиллой снова о чём-то говорили. И смеялись.

А я почему-то даже во сне чувствовала себя ненужной.

Обидно.

Проснулась я от вездесущего запаха сушёных трав. Не знаю, для чего там готовила их бывшая владелица, но сейчас злополучный "веник" на столе вонял так, что я пропахла вся — от одежды до волос.

Носу запах не нравился — внутри от него всё чесалось и шмыгало.

Я попыталась перевернуться на другой бок, запахнувшись в накидку, но толку-то? Ткань впитала запах так, будто травки именно в неё и были завернуты.

Жажда свежего воздуха превратилась в насущную.

Я медленно поднялась, досадуя на аллергию. В воздухе (запаха мне мало?) красиво летала пыль — вихрясь в столбиках солнечного света.

Что ж, похоже, дождь кончился?

Очаг погас — в принципе, рядом лежали поленья и эти... камешки для разжигания, но я всё равно ими пользоваться не умею, так что...

Эдвард с Камиллой обнаружились неподалёку. Вместе. Под одной накидкой. Её голова у него на плече — ну просто сладкая парочка!

Медленно, насколько возможно тихо, я поднялась и выскользнула на улицу. Дверь, правда, всё-таки скрипнула.

Я уселась на крыльцо и обхватила голову руками.

Да что же это, а?

Словно в насмешку надо мной пели птицы и шелестели в солнечном мареве листья. Мягко постукивая маленькими, аккуратными копытцами на полянку выбрался олень — и удивлённо уставился на меня, даже не думая убежать.

Какое-то время мы переглядывались, потом рогатый потерял ко мне интерес и, как я ни гримасничала, прося его подойти, лишь хвостиком подёргивал, невозмутимо щипля травку. А только попробовала приблизиться посмотреть получше — уж очень рога у него красивые

— фыркнул и сбежал.

Ну и ладно!

Наши лошади оказались в полуразвалившемся сарае позади дома. Там же обнаружился и холмик, подозрительно напоминающий могилу.

Кажется, права была Камилла...

А вот интересно, если... если бы я и правда уехала... Если бы я могла уехать...

Я осторожно подошла к нашему с Эдом белому. Конь шумно втянул воздух и ткнулся мордой мне в руку.

А почему нет? Я могу. Шагом, чуть-чуть рысью. С трудом, да, но я вчера за целый день ни разу ведь не упала. Поводья тут есть... где-то. Разобраться с ними самой? Можно попросить Эда — всё-таки сбегать, никому не сказав...

В конце концов, он мне ничего не должен. И я ему.

Ну, помог он мне... и что? Ведь именно благодаря ему я оказалась в темнице. Меня могли казнить, покалечить, меня чуть не изнасиловали, в конце концов! И, если я останусь, бог знает, сколько раз подобное возможно! Когда-нибудь он обязательно попадётся — и что буду делать я?

К тому же он сам советовал мне уехать. И вообще...

— Катрин.

Я вздрогнула, оборачиваясь.

Эдвард подошёл ближе и протянул мне запутанный-перепутанный кокон из ремешков.

Улыбнулся:

— Уздечки. Смотри, как нужно, — и преувеличенно медленно натянул-застегнул весь этот кокон на белом. Бросил мне поводья. — Ты всё-таки решила уехать. Это хорошо.

Как я ненавидела Эда в этот момент! Вспоминала даже его спокойное, расслабленное во сне лицо, руку на плече у темноволосой ведьмы — и больше всего на свете хотела, чтобы прямо сейчас нагрянули это чёртовы Посланцы, разверзлось небо или земля, и он бы провалился к дьяволу в пекло. Если оно здесь, конечно, есть.

— Смотри, если сейчас поедешь обратно до равнины, помнишь? Там будет развилка, — продолжал ничего не подозревающий Эдвард. — Повернёшь направо, доедешь до леса. Это будет...

— Эд, хватит, — перебила я. — С чего ты взял, что я собралась уезжать?

Не-е-ет, я останусь.

И буду портить тебе жизнь — до первого города, в который мы непременно поедем. Когда-нибудь. Там я тоже смогу устроиться служанкой. И вообще, в языке поднаторела, может, изобразить из себя принцессу? Найти местного мага и пожаловаться на "колдовство", перенёсшее меня из другого мира...

Столько возможностей!

И путешествие одной невесты куда на коне, которым я не умею управлять, вовсе необязательно.

Во-о-от!

Эдвард смерил меня долгим пристальным взглядом. И молча принялся надевать уздечку на лошадь Камиллы.

Солнце поднялось в зенит, когда мы подъехали к развилке. На покосившемся указателе значилось: "Эркс".

Эдвард остановил коня и повернулся к ехавшей рядом Камилле.

Та безмятежно улыбнулась.

Уговорила, значит.

Я же с преувеличенным вниманием рассматривала луг, весь в фиолетовых цветах. По запаху — ваниль с лавандой. Слушала птичек.

В конце концов, я тоже не против отдохнуть в каком-то там замке. Пусть эти чудики менестрелей изображают. Мне это не нужно.

А там и правда до границы недалеко, м-м-м?

Может, свалить из этого чокнутого королевства с взбесившейся верой — и дело с концом, а?

Эдвард натянул поводья. И мы поскакали к Эрксу.

Чем бы это ни было.

Ночевать на этот раз пришлось под открытым небом — но, слава богу, дождя не намечалось.

Камилла лучилась от удовольствия — даже не стала припрягать меня к готовке. Только хворост пришлось для костра собирать, пока она заячьи тушки разделывала.

Интересно, а если бы не Эд с его луком, чем бы мы питались?

— Камилла, а ты, правда, ведьма? — спросила я, подкармливая огонь очередной веточкой.

— Неверие в колдовство есть ересь, — со смешком откликнулась девушка, подвешивая тушки на вертел. — Правда. А что?

— Почему тогда не колдуешь?

Тут они оба уставились на меня: Эд — весело, Камилла — недоумённо.

— То есть ты хочешь знать, почему я не порчу погоду, не насылаю мор, не пью кровь младенцев и не вызываю демонов? — фыркнула ведьма.

Я отвела взгляд.

Эдвард с Камиллой переглянулись.

— Слушай, Катрин, — преувеличенно бодро заявила вдруг ведьма. — Я вот думаю, а может, ты одержимая? Нет, в припадках ты, конечно, не бьёшься, но все эти странные вопросы... Даже ребёнок знает, что почти каждому заклинанию приличествует чуть не недельная подготовка, и вот так сразу... Знаешь, сколько придётся готовить травы, рисовать схемы, ждать указания звёзд... А "абракадабра" только в сказках бывает, милая. Если ты об этом.

Я промолчала.

Только вспомнила, что у старухи той, на болоте, клюка без всяких звёзд очень радостно скакала. Как и избушка.

— Завтра вечером будем в Эрксе, — сменила тему Камилла. — Эдвард, может, подготовимся?

Юноша пожал плечами и достал флейту.

Весь вечер я слушала, как они "тренируются". У Камиллы прекрасный голос. А Эдвард с его музыкой всё-таки прекрасно сошёл бы за принца, если бы не был проституткой.

И засыпать пришлось под их репетиции.

И мне всё равно, до чего они там дотренируются.

Всё. Равно!

Следующим вечером мы и правда подъехали к замку. Всё как надо — ров, мост, ворота, башни, алое небо, закат.

Камилла выехала вперёд.

Эдвард тихо вздохнул и, расслабившись, покачал головой, словно в ответ на какие-то свои мысли.

И направил коня следом.

Я смотрела на тонущий в алых лучах замок и думала... Почему же ты так не хотел сюда ехать, интересно, а?

Глава 9

Ну не знаю, где там нас не ждут, а тут — ну очень даже ждали. Серьёзно, обрадовались, точно мы пророки какие и благую весть принесли.

Ворота открыли очень быстро. Я ещё удивлялась — ну что так несерьёзно для такого с виду мощного замка: решётка какая-то, да две дверцы за ней. Ха, да мы, когда из церкви сбегали, такую хилую преграду на раз бы сшибли. И сшибали.

А на самом деле у них тут всё продумано. Потому как ров начался исключительно после ворот, а за рвом ещё одни ворота... В общем, "капуста" тут не только в одежде.

Честно говоря, как-то не по себе стало, когда все эти ворота-решётки вслед за нами закрывались.

И Эдвард волновался. Нет, с виду, спокойный, конечно, но я чувствовала: вздрагивал при каждом подозрительном шорохе, взгляде, движении местных. Зато Камилла — как к себе домой приехала. А может, и впрямь практически к себе. Поди, в таком же с детства жила, раз графская дочка.

Во дворе — небольшом, свободном от всяких сарайчиков месте — нас встречали если не все домочадцы, то большинство точно. Вместе с хозяйкой и её детьми.

Переговоры вела Камилла — уверенно, по-свойски. А смотрели на нас всех, изучающе, но дружелюбно. Права была ведьма: менестрелей тут любят.

Чуть позже я поняла, почему. Пока нас устроивали в комнате... м-м-м... назовём, её с натяжкой, "для гостей", рассказали, что сеньора "дома" нет — уехал охотиться. И рыцарей с собой прихватил. И мужскую часть челяди.

Глобально тут охотятся.

А вот жена и дети очень, очень желают нас послушать после вечерни, которая уже вот-вот, но если господа менестрели очень устали...

Камилла заверила, что нет, мы не устали (говорила бы за себя, а?) и с удовольствием... э-э-э... усладим слух хозяев.

А Эдвард всё это время осматривался пойманной птицей.

Я не понимала, почему он нервничает. И нервничала тоже.

Камилла поймала меня, когда мы вместе... э-э-э... освежались, так это тут называется? Что-то вроде бани — пристройка во дворе. И разделение на мужскую и женскую.

Неудобный, продуваемый всеми сквозняками мира сарай.

— Катрин, давай я помогу, — сладко улыбаясь, предложила ведьма и тут же принялась напяливать на меня этот... местный недокорсет. — Послушай, милочка, если ты попробуешь хотя бы пикнуть сегодня вечером или хоть словом с кем-нибудь обмолвишься, о том, кто мы

с Эдвардом такие, поверь мне, девочка, я устрою так, что ты попадёшь снова в темницу и будешь гнить там, больная и безумная, долгие, до-о-олгие годы. Ясно?

Когда я опомнилась, она уже поправляла на мне блио.

— Почему ты решила, — голос дрогнул, — что я это сделаю?

Камилла развернула меня к себе и широко улыбнулась.

— Я вижу, как ты на нас смотришь. Так вот, дорогуша, не делай глупостей. Договорились?

Её взгляд не отпускал, пока я не кивнула.

— Умница.

И как ни в чём ни бывало держа меня за руку — точно лучшую подругу — вышла в залитый закатным солнцем двор.

Меня представили как сестру Эдварда: Камила уверяла, что раз мы оба светловолосые, то прокатит. Не знаю, кажется, поверили. Надо же было как-то объяснить моё полное неучастие в представлении. Вообще, ведьма пыталась вчера заставить меня петь... Но быстро об этом пожалела.

Эд выглядел нервной заводной куклой. Играл безукоризненно, но поющая Камила заработала, по-моему, куда больше аплодисментов. Ещё бы, такая харизма, такой голос... Звезда на гастролях!

Хозяева остались довольны. Их, правда, пришлось потом развлекать ещё и разговором, но здесь тоже ведьма выручила. Она знала, кажется, все сплетни королевства: кто у кого родился, кто на ком женился, кто кого убил... Да уж, мадам инквизитор разошлась, выдавая на-гора такие пикантные истории... Даже Эд бы, наверное, покраснел, если бы внимательно слушал.

Мне тоже было не до разговоров — я пыталась освоиться с местными застольными традициями. Начать с того, что тарелками тут не пользовались вообще. Симпатичного поросёнка, которого, кажется, исключительно к нашему приезду закололи, раздавали на кусках хлеба. Вилки нет, ложки нет. Острый нож положение спасает слабо.

Заметивший моё отчаяние Эдвард разрезал свою порцию и передавал мне. На чей-то удивлённый взгляд объяснил заботой о сестре.

Впрочем, мало кто удивился. Тут, видите ли, заботятся не только о сёстрах, но и о соседях. О да, один кубок с вином на двоих — каково? Ладно, Эд, а вот из Камиллиного я бы пить поостереглась...

И вино здесь было очень качественное. К концу застолья у меня шумело в голове и качало... Под предлогом усталости (а что? святая правда!) Эд меня и увёл — осоловевшую — спать. И остался — впрочем, мне было всё равно. Лишь бы нашлось, куда голову приклонить.

Снился почему-то перестук копыт по камням двора и гомон всадников. А ещё откровенный испуг в зелёных глазах Эдварда.

И голос Камиллы, сообщающий о возвращении в замок сеньора и приезде ещё какого-то гостя.

— Говорю тебе, так только лучше! Ну, приехал этот толстопуз из Азвонии, что с того? — голос Камиллы звучал устало и немного напряжённо. — Мы же всё равно хотели ловить кого-то из купцов и договариваться, чтобы помог нас перевести. А тут и искать

никого не надо — наоборот, всё так удачно!

— Это ты хотела, — голос Эдварда еле слышно дрожал. — Я не поеду в Азвонию.

— Почему? — изумилась ведьма. — Ты же мечтал сбежать? Чем тебе Азвония не угодила? Красивая страна, тепло, море рядышком. Сядь на корабль и плыви хоть к иберийцам, хоть на Изумрудные острова!

Я потёрла виски и осторожно подняла невероятно тяжёлую, точно чугунную голову. Чего это, голубки ссорятся?

Эдвард стоял у окна, прямой как струна и такой же напряжённый. И ещё — красивый...

Я поспешно перевела взгляд на Камиллу — та выхаживала рядом, от стены до стены, шурша юбками.

— Эдвард, я тебя не понимаю, почему ты так боялся ехать сюда, и теперь ведёшь себя, как загнанная мышь. Тебе чем-то не угодил местный лорд? Всё-таки уже встречались?

Эдвард покачал головой.

— Ни разу его не видел.

— Тогда в чём дело? — наконец останавливаясь, выдохнула ведьма.

Эдвард повернулся и бросил на неё такой взгляд, что я на месте ведьмы заткнулась бы и не трогала бедного парня, пока он сам себе там что-то не решит.

Камилла, наоборот, продолжила выяснять отношения.

— Граф Де Лири очень известен как в Авзонии, так и у нас, и, слава богу, он здесь инкогнито, потому что тогда мы можем...

Я отвернулась и потихоньку стала сползать с кровати.

Неужели она не понимает? Как она может не видеть, что Эд её не слушает? Не доверяет, не хочет слышать, не хочет понимать ни единого её довода.

Что-то всё-таки было. Имелась у Эда причина — и молчать, и не любить эту... Авз... Азвонию.

И ничего он нам не скажет — ни мне, ни Камилле.

Странно, что до ведьмы никак не дойдёт.

Кровать, наконец, кончилась, и я медленно, пытаюсь не привлекать к себе внимание, попятилась к двери — а оттуда в холл, к лестнице, точнее — люку в полу.

Кажется, стоит оставить этих двоих в покое и хотя бы попробовать найти дворовую баню да умыться. А там, может, они что-нибудь, наконец, решат.

Знающий человек всегда найдёт, где заблудиться.

Вообще-то в теории (точнее — в рассказе Камиллы) донжон устроен довольно просто — около четырёх этажей, ярусами. Нижний — подвал, потом — главный зал, где мы вчера ужинали. Этажом-двумя выше — комнаты хозяев. Ещё выше — слуг и наши.

Я запуталась в этих этажах напрочь. А ещё тут круглые стены. Ненавижу круглые стены. Сбивают с толку. На каком-то ярусе я тыкалась везде, куда только можно, но ни одна дверь не открылась.

Замки не для меня, это точно.

Главный зал всё-таки нашёлся — когда я чуть не упала в люк, но успела зацепиться за крышку и лестницу вниз. Печально было бы ещё и руки-ноги переломать.

Внизу проходила домашняя пирушка — в самом разгаре. Я собиралась тихонько, вслед за слугами проскочить мимо, но долго выбирала момент... и засмотрелась на пирующих. Один — очень колоритный тип: темноволосый, смуглый, кровь с молоком, щёки — во,

плечи — во-во, а грудь... эх... Даром что ему под шестьдесят, а может и больше. А уж черты лица просто кричали о том, что этот человек достоин, по меньшей мере, мирового господства. Представьте — высокомерный взгляд, нос крючком, частая и быстрая улыбочка... Сидящий напротив господин сильно ему во внешности проигрывал. Ровным счётом ничего примечательного: худощавый, светлые волосы ёжиком, маленькие водянистые глазки. Хозяин местный, я так понимаю. Видела кого-то из детей — точная копия папочки.

Господа обильно напивались и болтали про охоту. Я уже совсем собралась было улизнуть, как разговор неожиданно повернул в другое русло, а слуг как ветром сдуло.

Ой-ёй! Застряла я тут, не сбежала вовремя.

— Я бы и рад остаться, Арен, — улыбался смуглый, — но не могу, сами понимаете, наш король, да будут дни его радостны, при смерти. В такое смутное время...

— Раз так, — отозвался лорд Эркс, — вам следовало бы оставаться в Азвонии.

А мне вдруг почудилось, что разговаривают они шифром. Что обоим известна какая-то тайна, которой, конечно же, нет нужды делиться...

— Бедный Король Баорд, — вздохнул лорд Эркс, — пятая жена так и не подарила Его Величеству наследника.

Смуглый гаденько усмехнулся и словно невзначай отсалютовал кубком.

— Кто же теперь сядет на трон? — хитро глядя на смуглого, поинтересовался хозяин замка. — Всем известно, что вы были его фаворитом и советником вот уже двадцать лет. Что же вы посоветуете Его Величеству написать в завещании?

Смуглый снова улыбнулся — быстро и с каким-то тайным смыслом.

— К сожалению, наш король не хочет, чтобы династия прервалась, — вздохнул он с вполне, вроде бы, искренним сожалением.

— Но что же остаётся, если наследников крови больше нет, — его собеседник тоже посерьёзnel.

Смуглый закусил губу, внимательно глядя на хозяина замка.

Лорд Эркс вскинул брови.

— Арен, у вас ведь неплохие связи при здешнем дворе, не так ли? — сказал вдруг смуглый. — Не откажите мне в одной просьбе, и я, поверьте, в долгу не останусь.

Напряжение за столом достигло апогея.

— Что же я могу для вас делать, Дрэго? — отозвался лорд Эркс.

— Вы, конечно, помните, — медленно произнёс смуглый, — что нашу принцессу отдали вашему королю-некроманту и тот... использовал её в одном грязном, мерзком обряде.

Я ожидала всплеска негодования: в конце концов, этого некроколдуна здесь так любят, даже в церквах почитают! Но лорд Эркс промолчал.

— У принцессы был сын, — продолжал смуглый. — Мы много лет считали его мёртвым — но у нас много лет также не было никакой связи с вашей страной. Нашим магам удалось обеспечить мне переход, но не думаю, что в следующий раз это будет также легко. Так что... любое известие о мальчике — большая удача, — саркастичный смешок. — И я, Арен, крайне заинтересован в том, чтобы известия эти попали именно в мои руки.

Лорд Эркс кивнул.

— Мальчика легко узнать — копия Её Высочества, — произнёс смуглый после паузы. — Конечно, он должен носить имя другого рода — Дебуа. Эдвард Дебуа. Но я уверен,

найти человека его внешности и происхождения будет крайне легко...

Я зажала рот рукой, чтобы заглушить вздох.

Эдвард?!

Ты знал. Не понимаю, как, каким этим вашим, чёрт... колдовством... но ты знал... и потому не хотел сюда ехать! Ты этого боялся! А теперь, стоит нам появиться на глазах хоть у кого-нибудь из этой парочки... Не знаю, что насчёт жертв, "меченых" и прочей чепухи, но вот как погибают в борьбе за трон я помню даже из скудных уроков истории.

И как мрут свидетели этой борьбы — тоже.

Медленно, каждый миг ожидая, что меня заметят и схватят, я по-змеиному втянулась обратно в люк — а оттуда сломя голову кинулась в нашу спальню.

Боже, боже, валить отсюда надо — сейчас же!

Спор, похоже, был в самом разгаре, когда я ворвалась в комнату и тщательно закрыла за собой дверь.

— Эдвард, я не собираюсь ради тебя терять такой шанс! — вопила Камилла, вышагивая вокруг сидящего на кровати и молчащего, как партизан, Эда. — Из-за тебя я оказалась в этом..., - непонятная череда слов, — и попасть потом на костёр ради тебя я не...

Она могла ещё долго так разоряться — по себе знаю. Когда собеседник молчит, а ты вся в расстроенных чувствах, беседа становится иллюзорной. Ответы другого можно ведь и придумать, правда?

Камилла так и делала.

Я по стеночке, чтобы не попасть под раздачу, прокралась к сундуку, в котором сейчас лежали наши вещи — и что было сил долбанула стоящей рядом кочергой по крышке.

Звук хороший получился. Надеюсь, за дверью не услышали, а тут так и эхо, кажется, прокатилось.

Камилла замолчала. Даже Эдвард обернулся, хоть и не сразу.

— Катрин? Что...

— Там... внизу, — с паузами, тяжело дыша и с трудом подбирая слова, произнесла я, — пируют хозяин замка и его гость.

— Да, граф де Лири, мы зна...

— Камилла, заткнись, — прошипела я. — Так вот, этот самый граф только что говорил про трон этой его... Авз... Авз...

— Авзвонии, — перебил Эд. — Что он сказал?

— Он сказал, что король умирает, — выпалила я, а Эдвард резко выдохнул и на мгновение закрыл глаза. — А ещё он сказал, что теперь они ищут наследника.

Эд быстро перевёл взгляд с пола на меня.

— У авзвонского короля нет наследника, это все знают! — вставила Камилла. — Катрин, к чему...

— Есть, — я посмотрела на Эда в ответ. — Сын какой-то там принцессы. Эдвард Дебуа.

Эдвард закрыл глаза и резко отвернулся.

— О, небо! — выдохнула Камилла, оседая на кровать с другой от Эда стороны. — Дебуа! Ну конечно! Так вот почему он тебя ищет... Вот почему... Я думала, внебрачный...

Я честно дала ей и ему минуту, чтобы свыкнуться с мыслями... о чём бы они сейчас ни думали.

А потом снова долбанула кочергой по сундуку. И выпалила:

— Эй! Вам не кажется, что пора отсюда сваливать?! И как можно скорей!

— Интересно, как? — саркастично поинтересовался Эдвард. — Улетим, как птички? Катрин, выгляни в окно, как тебе вид? Нравится? Наши тела во дворе его непременно украсят.

— Наши головы на пиках у ворот украсят его куда лучше, — выдохнула Камилла. — Катрин права. Бежать надо.

— Камилла, может, и ты в окно посмотришь? — мёртвым голосом произнёс Эд.

— К дьяволу окно, — отозвалась ведьма. — Подземелье. Здесь непременно должен быть потайной ход.

— А если его здесь нет? — хмыкнул Эд. — Мы окажемся заперты в каменном мешке. Чудесный вариант, Ка...

— Есть! — с мрачной решимостью откликнулась ведьма. — Я знаю.

Эд хмыкнул.

— Послушай, наследник! — ведьма снова сорвалась на крик. — Твоё Высочество как предпочитает: помереть, здесь или отправиться сначала к папочке?! Что?! Не надо на меня так смотреть, ты знал, что он на тебя по всему королевству облаву устроил — особенно в последнее время. Ты же поэтому рискнул поехать сюда, к границе. Что, не учёл, что дед умирает? Ну откуда тебе это было знать, да?! А сейчас, раз всё плохо, готов сдаться?! Так вот, ты как хочешь, а мы с Катрин уходим!

А чего я, я вообще молчу!

"Уходим" перешло в процесс быстрого кидания вещей в сумку, по словам Камиллы, только самых нужных (как выяснилось их куда больше, чем ненужных). Закончив, ведьма схватила меня за руку и, словно так и надо, потащила к двери.

На пороге вдруг развернулась — я еле в сторону отпрыгнуть успела — и, оглядев сидящего на кровати юношу, произнесла:

— Ты всегда сбегал один, да, Эдвард? Думаешь, так легче? И даже ведьма тебе не в помощь? Я говорю, что знаю: там есть потайной ход. Потому что я действительно знаю.

Эдвард обернулся и окинул нас с Камиллой уже знакомым отчаянным взглядом.

— Ты можешь нам доверять, — вырвалось у меня. — Ну... мне, по крайней мере.

Камилла вскинула брови, а Эд, вздохнув, неожиданно улыбнулся.

— Ну что ж, ведьма... Это с самого начала была твоя идея. Помогай.

Идущая впереди Камилла махнула рукой и мы с Эдом, стараясь не шуметь, сползлись по лестнице на следующий ярус. Обеденный зал оказался пуст — со стола слуги уже всё убрали, а время завтрака ещё не настало.

За окнами мигала звёздами ночь.

Камилла быстро отыскала люк на нижний ярус. Действительно быстро для такого огромного зала.

Дольше возились с замком, но, в конце концов, заколка решила дело.

Мы предусмотрительно взяли с собой факелы, тут, внизу, они действительно помогли: когда Камилла закрыла люк, темнота стала именно что крошечной.

Потом мы все втроем пытались найти чёртов потайной ход. Страх я тут уже достаточно натерпелась, но этот был изощрённей других — ждуть, что вот-вот люк откроется, а мы тут, как идиоты... И понимать: выйти отсюда мы вряд ли сможем — вопрос, зачем нам хозяйский погреб, возникнет точно.

Казалось, прошла вечность, прежде чем раздался радостный крик Камиллы.

— Я же говорила! Я же чувствовала!

Три ведьминых заколки сломались, пока мы пытались открыть замок. В конце концов, получилось у Эдварда — никто и не удивился, что он специалист по замкам. Это, наверняка должно входить в квалификацию профессионального... э-э-э... сбегальщика?

А дальше мы шли — по узкому, больше похожему на лаз коридору, неведь куда, только сейчас понимая, какое всё это, в сущности, безумие.

Лично я очень удивилась, когда вдали забрезжил огонёк. Тусклый, серебристый свет яркой луны...

Мы оказались внизу холма, с другой стороны от парадного входа. Неподалёку чернела рощица, мы проезжали через неё по пути в замок. Помнится, дубы...

Вот в эту рощицу мы и припустили, как только осмотрелись.

И, когда уже казалось, что вот-вот — и всё, спаслись... Раздался собачий лай.

Тогда я воочию смогла убедиться, с каким азартом охотятся местные лорды.

Нас с Камиллой держали за руки — причём, почему-то вырывалась только одна я и то быстро бросила это гиблое дело. Ни поддержки, ни зрителей, ну в конце концов!

Камилла, первое время кричавшая что-то про благородство и "как вы смеете", быстро умокла и вообще словно решила поспать — закрыла глаза, обмякла на руках у рыцарей... только время от времени шевелила губами зачем-то.

Никому до нас не было дела — все смотрели на Эдварда. Его, кстати, отпустили, но нас окружало человек пятьдесят — при всём желании не сбежишь. Да к тому же и без оружия — его, конечно, сразу же предусмотрительно отобрали.

— Я же говорил, Арен, что его не придётся долго искать, — довольно заявил смуглый, подъезжая к центру круга и спешиваясь. — Доброй ночи, Ваше Высочество. Куда-то собрались?

Эдвард молчал, глядя прямо на ухмыляющегося лорда.

Обречённо.

А тот, по-прежнему улыбаясь, вдруг спешил и опустился на одно колено.

— Ваш дед ищет Вас, Ваше Высочество. Позвольте же мне Вас сопровождать.

Сволочь.

В круг въехал лорд Эркс, быстро глянул на нас. Кивнул смуглому.

Сразу несколько рыцарей шагнули к Эдварду, а моё сердце ушло в пятки, когда прозвучало спокойное:

— Девчонок — убить.

Мне тут же заломили руки, где-то рядом равнодушно скрежетнул, покидая ножны, меч.

Никакая жизнь перед глазами вопреки ожиданиям не пронеслась. Просто мелькнула мысль, что глупо всё это и неправда, не может так быть...

Относительную тишину звёздной ночи вдруг прорезал холодный, издевательский смех.

Я вывернулась, пытаясь оглядеться — а смех всё звучал и звучал, и от него кровь стыла в жилах. Невозможно было поверить, что эти ужасные звуки издаёт человек, но...

Камилла хохотала, запрокинув рот и выгибаясь в руках держащих её рыцарей.

Из рваной раны на её шее хлестала кровь, а она хохотала.

А потом резко тряхнула руками — и эти мужланы, всё ещё держащие ведьму, посыпались на землю, как семечки. Камилла же выпрямилась, оглядела застывших людей

ярко-зелёными глазами, горящими в ночи, как фонарики на новогодней ёлке...

Крик "Отходим!" опоздал.

Они загорелись. Все до единого, кроме нас с Эдом, загорелись зелёным пламенем.

А потом был взрыв, и меня отбросило куда-то дальше от горящего круга вопящих от боли людей. Помню, спину ломило ужасно, голова кружилась, а перед глазами плыло...

Ещё помню Эдварда, лежащего тут же рядышком. В его широко раскрытых от ужаса глазах отражалось искристое, похожее на фейерверк пламя, а губы еле слышно шептали... молитву?

Камиллу мы нашли потом, когда луна проплыла половину пути к горизонту и всё, наконец, стихло.

Ведьма лежала чуть в стороне от идеально правильного круга полу сгоревших трупов. Как и мы — не тронутая огнём.

И смотрела в усыпанное звёздами небо остекленевшими, мёртвыми глазами.

Мы не могли похоронить её — боялись погони из замка. Там уж наверняка всё слышали, и вряд ли этот лорд Арен всем гарнизоном на нас охотился, кто-то в замке оставался с его женой и детьми...

Эдвард закрыл Камилле глаза, накрыл чьим-то плащом и, опустившись рядом на колени, молитвенно сложив руки и глядя совершенно безумными глазами на дымящиеся трупы, забормотал:

— *Requiem aeternam dona eis, Domine...*

И это абсолютно точно была чистая латынь, без примеси французских слов, странно уместно звучащая в этом аду.

— *...et lux perpetua luceat eis...*

Я опустила на землю и закрыла лицо руками. И только сейчас поняла, что тоже плачу.

— *...Requiescant in pace. Amen,* — раздалось в мёртвой тишине.

А я, вытирая щёки руками, думала, молились бы о нас люди лорда Арена, если бы убили?

Горизонт посветлел, когда мы, наконец, остановились около романтического, хоть и маленького водопада. Тут же неподалёку нашлась пещера, больше похожая на нору. Красиво — стена воды вместо входа...

Эдвард сидел, обняв колени и мелко, болезненно дрожал.

Я устроилась рядом, обняв его за плечи.

Помню, было очень-очень спокойно. Шум воды в тишине... Усталость и это спокойствие...

Наверное, я просто никак не могла поверить...

— Катрин? — срывающимся голосом попросил вдруг Эдвард. — Твой мир... какой он?

Я закрыла глаза.

— Другой... У нас нет магии. И каждый может чувствовать себя в безопасности. Мы верим в то, во что хотим верить. У нас нет инквизиции. У нас нет ведьм. А ещё мы можем путешествовать, куда захотим.

Я увлеклась. Глотая слёзы, я рассказывала ему, как в прошлом году ездила отдыхать к Красному морю. Подробно описывала полёт на самолёте. Отель... Потом, совсем чуть-чуть, Москву...

И остановилась, только когда заметила, что он уже спит. Отодвинулась, поудобнее прислонилась к земляной стене, закрыла глаза. И неожиданно услышала тихое:

— Хотел бы я, чтобы всё это было по-настоящему...

Глава 10

Близился полдень, жужжали пчёлки, сильно, даже удушливо пахли цветы. Моя аллергия в который раз громко сообщала о себе безудержным насморком. Я зверски устала — мы с утра на отдых не останавливались — а Эдвард продолжал целеустремлённо (и молча!) идти вперёд.

Завтрак сегодня даже не подразумевался, привал и разговоры, похоже, тоже. Эд вообще очень успешно делал вид, что меня тут нет.

Ближе к вечеру я не выдержала.

— Эдвард! — не помогло, пришлось ускорить шаг и поймать за руку. Только тогда этот чудик обернулся, да ещё и с таким удивлением в глазах, словно недоумевал, а кто я такая и что вообще тут делаю. — Эдвард, куда мы идём?

Юноша пожал плечами.

— Не всё ли равно?

Откуда-то возникло и стало утверждаться сильное желание съездить этому красавчику по физиономии и хотя бы так растормошить.

— Мне — нет. Эдвард, тебе не кажется, что уже пора поговорить?

Юноша вздохнул, всем видом показывая — нет, не кажется.

— О чём?

О-о-о, у меня к тебе много вопросов!

— Например, что случилось вчера с Камиллой? — ударила я по самому больному.

Вздохнув ещё тоскливей, Эд, наконец, остановился... и уселся, где только что стоял — в траву, цветы, разогнав пчёл и бабочек. Выжидающе посмотрел на меня снизу вверх.

Господи, лучше бы он истерику закатил!

Я села рядом, кое-как поправив юбки.

— Вы же сами недавно утверждали, что колдуют только с подготовкой. Да ещё и многодневной, — произнесла я, когда пауза совсем уж затянулась. — Что-то я не припоминаю, чтобы Камилла вчера чертила пентаграммы или варила зелья.

Эдвард закрыл глаза и, выдержав ещё одну паузу (наверное, чтобы я полностью ощутила собственную глупость), тихим, невыразительным голосом произнёс:

— Считается, что ведьма может обратиться к демонам и стать на какое-то время одержимой.

— Чего ж она раньше не обратилась? — буркнула я, вспомнив и странный смех и "сияющие" глазки. Долго они мне в кошмарах будут сниться...

— Потому что демоны всегда берут свою плату, — отозвался Эдвард.

Я нахмурилась.

— То есть...

— Обычно чью-то жизнь, — пожал плечами Эдвард.

Да-да, помню, король сжигает жертв, обращаясь к демонам. И чего-то сам никак не помрёт.

— Так вон вчера сколько народу окочурилось. Их бы и предложила, — вырвалось у меня.

Эд снова вздохнул.

— Без соответствующего обряда призвать демона ведьма может только перед смертью. Желательно, в её момент. И то раньше я думал, что это всего лишь слухи.

Я потрясла головой. Ни фиги себе слухи!

— Так, так, ещё раз: она знала, что умрёт, поэтому призвала демонов, сожгла врагов — и отошла в мир иной. Но, Эдвард, мы же могли сбежать! Зачем же так радикально...

Юноша перевёл взгляд на меня.

— Катрин, ты, правда, считаешь, что мы могли сбежать, находясь в тройном кольце рыцарей? Посреди поля? Ты что, не понимаешь, что они специально дождались, пока мы выберемся из замка, потому что там у нас была бы возможность! У меня была бы возможность — потом, может быть, потому что убивать при свидетелях принца никто бы не стал. Дрэнго удобнее устроить "несчастный случай" по дороге, чем терпеть междоусобицы, когда король Азвонии умрёт. А вот вас убили бы точно, потому что вы видели, а ты ещё и слышала — слишком много, для того чтобы остаться в живых.

Мда... на уроках истории всё это как-то оптимистичнее звучало.

Я побарабанила пальцами и задала сакраментальный вопрос:

— И что теперь?

— А теперь, Катрин, — язвительно продолжил юноша. — Тебе надо бежать от меня — и подальше, потому что ты и так уже по уши вляпалась.

— Не собираюсь я никуда...

— Катрин, — явно с трудом сдерживая гнев, продолжил Эдвард. — Когда ты уже поймёшь: ты для меня — обуза. Мне куда легче спрятаться без тебя, чем с тобой. Я знаю, как. А ты мне мешаешь.

Ха. Ха. Ха. Ну что — дождалась? Вот тебе и сказали в открытую.

Я глубоко вздохнула.

— И куда же мне пойти? Я-то прятаться не умею.

Эдвард пожал плечами.

— Замки уже не подойдут, города тоже, уверен, там сейчас всех светловолосых девчонок проверяют и допрашивают с особой тщательностью. Можешь найти какую-нибудь глухую деревеньку, здесь в округе их полно, в горах — ещё больше. У матушки Ганз тебе не понравилось — а я очень хотел тебя там оставить. Ну что ж...

Я сжала кулаки. Так ты меня ещё у той старухи бросить думал?!

— А ты? Избавишься от обузы и пойдёшь к дедушке-королю?

Эдвард невесело усмехнулся:

— У "дедушки-короля" меня убьют спустя сутки, стоит только заявить права на трон. Там своих желающих хватает, уж поверь. К тому же, Катрин, это не твоя забота. Иди.

Я закрыла глаза, глубоко вздохнула, пытаюсь успокоиться.

Нет, в чём-то он прав. Неприятности притягивает он, а не я.

И потом — сама же хотела уйти, разве нет?

— Уходи, Катрин.

— Что ж, Эдвард, — я встала, расправила подол. — Приятно было познакомиться. Удачи.

— Тебе она тоже понадобится, — хмыкнул юноша.

Он так и остался сидеть — я несколько раз оглядывалась, пока шла прочь. А потом побежала.

Ну и...

Ну и пожалуйста!

Мешаю, значит! Обуза, значит!

Всё, счастливо оставаться!

Какую глупость я совершила, стало понятно только к вечеру, когда сумерки сгустились, а вместо деревушки я забрела в какой-то лес.

Короче, заблудилась.

Я даже пробовала вернуться на тот луг, где Эдвард остался (хотя маловероятно, что он там так и сидит да меня ждёт), но что-то же надо было делать?

В итоге заблудилась ещё конкретней.

Темнело. Голодная и усталая, я брела по еле заметной тропинке, проклиная собственную гордость.

Нет, ну до этого я же зачем-то была ему нужна! Ой, подумаешь, мешаю, зато он хоть охотиться умеет... в отличие от меня! Что теперь — забреду в какую-нибудь глушь или, что ещё хуже, наткнусь на местных разбойников и будет мне полное счастье!

Так я "утешала" себя, пока не стемнело окончательно. На небо снова выкатилась луна, замерцали звёзды, а лес, к счастью, поредел, так что дорогу я различала уже очень хорошо.

А потом я услышала это: шорох. Раз-раз... и ничего. И снова шорох.

Я остановилась.

Тишина.

Огляделась. Ничего и никого.

Пошла дальше — снова шорох.

Та-а-ак... В зарослях слева что-то сверкнуло — и я сдуру припустила со всех ног.

А если бы это и правда был волк или другой какой зверь? Остались бы от меня только рожки на ножки.

Нет, впереди на дороге неожиданно вырос человеческий силуэт, и я затормозила. Оглянулась — сзади то же самое.

Силуэты не двигались, и я попробовала начать переговоры.

— Чт-что в-в-ам нужно? — жалким, дрожащим от страха голосом.

Силуэты молчали и приближались. Хуже — к ним присоединились ещё по двое с обеих сторон.

А совсем плохо стало, когда на один упал лунный луч, осветив пустую глазницу и костлявый оскал с ошмётками гниющей плоти.

Я осела на дорогу и открыла рот, из которого не вырвалось ни звука — если не считать слабого сипа.

Господи, за что?!

Мертвяки приближались, а я вдруг услышала спокойный уверенный голос совсем рядом.

— Никогда не понимал, почему люди так боятся мёртвых.

Я обернулась.

— А...А...А-а-а!

Рука в кожаной перчатке зажала мне рот.

— Успокойся, девочка. Они тебя не тронут.

Рука отпустила, переместившись на плечо, помогая подняться.

— Почему? — сдуру пискнула я.

— Потому что я им этого не приказывал.

Я обернулась.

Невысокий, худощавый, сутулый мужчина всё ещё держал меня за руку. Нос крючком, усталый взгляд, тёмные волосы вихрами, мелкие черты лица, мятая, но дорогая одежда...

— О, не-е-ет! — выпалила я, вырываясь.

Мужчина вскинул брови.

— Это же вы... — лепетала я, продолжая отступать, пока не наткнулась на мертвяка. — Это же вас... Ваши статуи... в церкви...

Мужчина вздохнул.

— Обычно ко мне обращаются "Ваше Величество". Тебе этому тоже стоит научиться, девочка. А ты, если я не ошибаюсь, Катрин, приятельница моего сына Эдварда?

Го-о-осподи..! Ну а это-то мне за что-о-о?!

Перекошенная, с горящими зелёными глазами харя скалилась, уставившись на меня с явным гастрономическим интересом.

Я поспешно перелистнула пару страниц. Больше картинки не попадались, зато текст оказался, право слово, специфическим. Причём на латыни.

"... С тех пор была приручена Смерть, и демоны Нижнего мира отправились к людям, дабы нести службу, как...", — зачитала я по привычке вслух. Точнее пробормотала, проглотив большую часть слов.

Экзамен по древним языкам и культурам мы сдавали именно что устно. Были там, в основном тексты и, конечно, переводы. И тупые вопросы.

— Ты умеешь читать? — изумился голос за спиной.

А вы меня совсем за дуру держите, Ваше Величество?

Естественно, этого я не сказала.

Король забрал у меня книгу, глянул на название.

— Интересный выбор... История и мифы? — и, захлопнув, поставил обратно на полку. — Интересно... может, ты и писать умеешь?

Да! Но с ошибками.

Я снова промолчала, а взгляд сам собой метнулся к гвардейцам у двери. Мёртвым гвардейцам.

Король оглянулся.

— Что? Всё ещё боишься?

А по-вашему, я должна уповать на жалость и сострадание? Это же не мои мертвецы.

И вообще, мне, что, одной здесь кажется, что поднимать трупы из могилы — противоестественно?

Не дождавшись ответа, король сделал знак рукой, и один из мертвецов поставил на стол подносы с едой.

Мой живот тут же сообщил, что он очень, очень хочет кушать. Несмотря на специфический трупный запах, исходящий от "официанта".

Король улыбнулся.

— Присаживайся, Катрин. Ты, конечно, проголодалась.

Я снова покосилась на мертвецов. Да, их вид всё же был достаточно не аппетитным, и бунтующий желудок наконец-то унялся.

— Ваше Величество, что вам от меня нужно?

Король нехорошо прищурился.

— Я не разрешал тебе задавать вопросы, девочка.

Блин, ну и порядочки!

Я села за стол. Подумала ровно минуту — под выжидающим взглядом колдуна. А кто его знает, что в эти кушанья по дороге с кухни (или в самой кухне) добавили?

Но голод снова потребовал своё, и осторожности пришлось уступить.

Я неумело взялась за нож и принялась пилить мясо.

— А вести себя за столом не умеешь, — хмыкнул король. — Откуда ты, Катрин? Кто твои родители?

Мой папа — маркетолог, а мама — специалист по продажам. И чего?

Я отпилила, наконец, кусочек, наколола его на кончик ножа (кажется, Эд так делал) и пожала плечами.

— Я не помню.

— Ты сирота?

Я снова пожала плечами, сражаясь со следующим куском.

— Я, правда, не помню.

Король хмыкнул, не сводя с меня тяжёлого взгляда.

— Хорошо... А теперь расскажи, что тебя связывает с моим сыном, девочка? Я знаю, но хочу услышать от тебя.

Я снова покосилась на гвардейцев и почему-то вспомнила Посланцев.

— Ничего, Ваше Величество.

— Осторожней, девочка. Я не люблю, когда мне лгут, — бросил король, откидываясь на спинку кресла.

А я не люблю, когда мне не верят.

Особенно, когда я лгу.

— Я говорю правду, Ваше Величество. Нас ничего не связывает. Это те, кто утверждали обратное, лгали.

Странно, но в комнате вдруг стало очень жарко. Голова закружилась и потяжелела, как с похмелья.

Я поморщилась, пытаюсь отогнать сонливость.

Король коротко рассмеялся.

— Что ж, очень интересно. А теперь, девочка, скажи, как вы встретились?

— Эдвард спас меня, — произнесла я, не задумываясь. Пред глазами поплыло, шум в ушах нарастал, как рокот моря. Только голос короля до сих пор слышался отчётливо:

— Спас от чего?

Я моргнула.

— От трущоб. Я оказалась одна в незнакомом городе, я... — что я несу?! Почему я ему отвечаю?! Я же не это собиралась сказать! — Я думала, что умру там, на улице. Эдвард отвёл меня... — я снова моргнула. Господи, да что это? Пот катится по лицу чуть не градом, а у меня даже нет сил до лба дотронуться.

— Отвёл тебя... куда? — Вертя в руках медальон — очень яркий, золотой, сияющий — поторопил король.

— В бордель, — грудь словно обручем сдавило.

— Дальше, — спокойно напомнил мужчина.

— Дальше... когда он решил сбежать, я попросила взять меня с собой. Он согласился.

— Почему?

— Я не знаю, — с трудом выдавила я. — Я думаю, может, он устал быть один... Я не знаю.

— Потом вы попали в тюрьму в Марцеисе, — это никак не походило на вопрос... хотя, конечно же, он знал. — Эдвард в очередной раз сбежал. Но снова взял тебя с собой. Почему?

— Я не знаю, — честно ответила я.

— Почему? — настойчиво повторил король.

Я покачала головой.

— Я не знаю.

Король поморщился.

С трудом — комната кружилась перед глазами, словно в адской пляске — я сфокусировала взгляд на нём.

— Что... что вы со мной сделаете?

Губы Его Величества скривились в гротескном подобии улыбки.

— Мне нужен мой сын, девочка. Но вот беда, он что-то не спешит возвращаться домой.

— За...зачем вам тогда... я? — получилось шёпотом, но король всё равно услышал. А может, просто продолжил:

— Десять лет я ловлю этого паршивца. И десять лет он ускользает. Видишь ли, милая Катрин, ты единственная, кого видели в обществе моего сына достаточно долго, чтобы сделать вывод: он к тебе не равнодушен. Я не знаю, дружба это или простое сочувствие, а может быть...

— Вы ошибаетесь.

Глаза короля опасно сузились.

Я снова покачала головой, пытаюсь отогнать наползающий со всех сторон туман.

— Я только мешала Эду. Он прогнал меня. Именно так я попала к вам.

— И это только доказывает, что мой сын не дурак, — усмехнулся король. — В чём я уже неоднократно убеждался... Итак, Катрин, ты хотела знать свою дальнейшую судьбу? Изволь. Через месяц на главной площади этой милого города соорудят помост, поставят шест, положат дрова и хворост. Тебя привяжут к шесту... и да, прилюдно сожгут.

— Почему... через... месяц? — туманом заволочло всё окружающее пространство, туман даже поселился у меня в голове. Наверное, поэтому мысль о смерти не испугала.

— Чтобы весть о твоей казни достигла даже самых отдалённых уголков королевства, — улыбнулся колдун. — И мой сын успел приехать, в надежде тебя спасти.

— А если он... не... приедет? — шепнула я.

— Значит, девочка, ты умрёшь.

На этой оптимистичной ноте сознание помахало мне ручкой.

И я заблудилась в тумане.

Как ёжик.

Хи-хи.

На следующий день у меня была истерика. С утра до вечера. Я кидалась письменными принадлежностями со стола, пыталась сбежать вслед за слугами, приносившими мне еду (у двери была поймана мёртвыми гвардейцами и водворена на место), пробовала сорвать с окна решётки (начерта — там не окно, а одно название. Щёлка — я в неё и не протиснусь) и голосила на всю округу.

В итоге легла спать голодная и окружённая грандиозным бардаком.

Зато на следующий день на меня напала такая апатия и равнодушие, что лень было даже двигаться. Я лежала на кровати, глядя, как суетятся в комнате живые (слава богу!), напуганные слуги. И больше не пыталась их разговорить.

Будь у меня господин колдуном, я бы, наверное, тоже молчала.

Король, кстати, уехал.

Нормально, да — оставил меня взаперти невесть где, а сам умотал по "делам государственной важности"!

Я ж здесь свихнусь за месяц.

Тут я ошибалась. Свихнуться оказалось куда проще. Уже в конце первой недели я только и делала, что смотрела в узкую прорезь окна на внутренний двор внизу. Людей там практически не было, только рыцари в доспехах, и я сомневалась, что все эти вояки живые.

Ещё можно было рассматривать здешнюю архитектуру. Нечего сказать, красиво. Грандиозно даже — серые башенки, никакого излишества. Правда, витражи кое-где, солнце на них так симпатично светит...

Я выучила окружающий пейзаж наизусть.

Так что теперь просто сидела, наблюдая за сменой караула, иногда подрёмывая, иногда разглядывая небо (только оно здесь непредсказуемо и менялось).

А спустя дней восемь, вечером, в комнату явился гвардеец, напугав меня до смерти, закинул на плечо и понёс.

Всю дорогу я орала, требуя меня отпустить. Причём по-русски — а чего их, мертвецов. Всё равно ж не понимает. А так хоть душу отвела.

Комната, в которой меня, наконец, бросили, была больше моей раза в три. Только место кровати занимал громадный письменный стол, богато украшенный резьбой. Ну и парочка gobelенов. Совершенно не понимаю, что в них такого — тусклые, люди изображены странные, звери — ещё хуже. Да и пылесборники, наверное.

А ещё в кресле напротив витражного окна сидел Его Величество в обнимку с бутылкой и глядел на меня сверкающими, мутными глазами.

Я уставилась в ответ.

А чего?

— Вставай, девка, — буркнул, наконец, Его Величество.

Заметьте мою вежливость: послала я его по-русски. Зато далеко.

— Так и знал, что иностранка, — заявил король, ставя бутылку на стол и подходя ко мне. — Ну, вставай.

Я поднялась и снова оглядела комнату: разбросанные по столу бумаги, кубки в самых неожиданных местах, бутылки на полу у двери...

— Ну а сейчас-то я вам зачем? — озираясь в поисках второго кресла, поинтересовалась я.

— Мне скучно и одиноко, — хмыкнул король, снова наполняя кубок.

— А мне весело и радостно, — съязвила я, взбираясь на стол (ну не стоять же перед ним солдатиком!).

— Не груби королю! — отрезал колдун

— А то что? — хмыкнула я, оглядывая исписанные мелким, неразборчивым почерком бумаги. — Вы ж меня всё равно казните.

— Через три недели, — улыбнулся мужчина. — И эти три недели ты рискуешь провести

в пыточной.

Я пожалала плечами. По сравнению с поджариванием на костре мне твоя пыточная...

— А ты забавная, — хмыкнул вдруг король. — Совсем не боишься?

— Было бы что терять, — фыркнула я в ответ, подозревая, что просто не знаю, чего бояться.

Его Величество криво усмехнулся и одним глотком осушил кубок. Тишина затягивалась.

Я покосилась на окно и неожиданно выдохнула:

— А зачем вам Эдвард?

— А ты представь, что твой сын невесть где гуляет, — хихикнул король. Потянулся за бутылкой. — Вообще-то я собираюсь его убить.

Оригинальное применение отцовских чувств!

Я вытащила из-под вороха бумаг кубок и протянула колдуну. Тот как ни в чём не бывало налил. М-м-м, прелесть какая... Арманьяк?

— Просто в нём моя кровь, — слегка заплетающимся языком продолжал король. — А раз моя, то ею можно отменить мои заклинания... и вообще использовать против меня. Поэтому я скормлю его демонам Нижнего круга, а они помогут мне с этой чёртовой прошлогодней засухой.

В голове приятно зашумело.

— А не жалко? Он же ваш сын.

Король громко фыркнул.

— Сын?! Ха! Он скорее сын Маргариты, чем мой. Даже лицом в неё. Маленький ангел Вечно хмурился, когда я на него смотреть приходил. И Марго, тоже постоянно: "Он боится вас, Ваше Величество!", — король скривился и снова потянулся за бутылкой.

— Маргарита — это та принцесса, которую вы в каком-то грязном обряде использовали? — мой язык тоже перестал меня слушаться.

Король неожиданно расхохотался.

— Обряде? Ну да, был обряд — после десяти лет супружества. И все десять она хвостом вертела перед каждым рыцарем. Прекрасная дама, светлая королева! Конечно, я убил её, когда она с очередным любовничком на трон облизываться стала. Зато её смертью я исправил эту бесовскую веру. Ты, девка, может, и не знаешь, а плебеи раньше верили в Триединого бога...

— А теперь верят в вас. Очень удобно.

— Раньше они на каждом шагу жгли и пытали ведьм! — вскинулся король.

— Теперь ведьмы на каждом шагу жгут и пытаются их, — пожалала плечами я. — А ещё эти ваши "жертвы", которыми вы подкармливаете демонов.

— Это кто тебе такую глупость сказал? — изумился король. — Жертвы, ха-ха! Это заговорщики, которым очень не нравится моя персона на троне.

— А может у вас просто паранойя? — заявила я. И поправилась. — Мания преследования?

— Нет, у меня просто глаза везде, — фыркнул в ответ король. — Везде, кроме этих проклятых борделей, и если бы не это, мальчишка бы никогда в жизни столько не продержался.

— Он не придет за мной, — грустно сказала я пустому кубку. — Он боится вас. Да и потом, это глупо. Я ему никто.

— Посмотрим, — усмехнулся король. Закрыв глаза и обмяк в кресле.

Я, пошатываясь, подошла к двери. Прокричала в коридор:

— Отведите меня домой! — имея в виду настоящий дом.

В общем, рассвет я встречала в своей комнатухе, мучаясь мигренью, тоской и похмельем.

Спустя сутки я попыталась снова сбежать. Открыла дверь, выглянула наружу и потребовала, чтобы меня отвели к королю.

Гвардейцы не шелохнулись. Интересно, мысленно им король приказы отдаёт, что ли?

Я дождалась обеда и потребовала то же самое у слуг.

Мне ответили, что Его Величество уехал.

Да что б его!

В общем, я снова принялась смотреть в окно, сама себе напоминая барышню из рыцарских баллад. Там, правда, ещё платочек прилагался... А вот кого я, собственно, жду? Короля? Зачем? Эдварда? Глупо, он не приедет.

Дни шли.

Спустя две недели я наблюдала, как внизу строят помост. И думала, а не устроить ли как-нибудь самоубийство, просто так, назло.

По мере возведения помоста мысль вдохновляла всё больше и больше. Так что к вечеру, когда ребята внизу закончили, я уже вовсю перебирала варианты самоубиения. Всласть насладиться этим интереснейшим занятием мне, впрочем, не дали.

— Ваше Величество, вы и так уже в стельку, может, хватит?

— Кто ты такая, чтобы говорить с королём?! — на удивление связно возмутился колдун.

Я пожалала плечами — какой король, такое и поведение.

— А вопрос задать можно? — и, не дожидаясь ответа, выпалила. — Какого чёрта вам всё это надо?

Король угрюмо уставился на меня. И вдруг выпалил:

— А ты знаешь, как это... холодно каждый раз возвращаться в пустую спальню? Знаешь, как хочется иногда... просто поговорить... с живым...

— У вас слуг мало? — фыркнула я. — И целый двор в наличии. Разговаривайте.

Колдун скривился.

— Лицемеры. Раньше они готовы были меня убить, за то, что я некромант. Сейчас они на меня молятся. Думаешь, они меня полюбили? Или стали понимать?

Я помотала головой.

— Ваше Величество, я вас тоже не понимаю. К чему этот разговор?

Но пьяный король продолжал, совершенно меня не слыша:

— Они как плели заговоры против меня, так и плетут. Они набрали себе волшебников, хотя ещё десять лет назад отправили бы их на костёр. И прекрасно видят себя на троне. На троне?! Я двадцать лет вытаскивал эту страну из той выгребной ямы, в которую её затащили мои предки! Я просто не могу позволить, чтобы кто-то, воспользовавшись кровью моего сына, уничтожил всё, все мои усилия. Я не для того вкалывал все эти годы!

Да, печально, понимаю. Вот так вот готовишься, делаешь шпоры по билетам, а потом — хрясь! И на экзамене другие вопросы. Обидно.

— Ну а я тут при...

— Умолкла! — рыкнул вдруг король. — Сиди и слушай своего монарха!

Чёрта с два ты мой.

— Кстати, так о чём там я...

— Вы говорили о том, какой вы бедный, и как вас никто не понимает, — я в который раз отказалась от кубка. — А всё-таки, пить-то зачем?

Король смерил меня долгим, изучающим взглядом.

— Ты глупая девчонка. И к тому же грубая. Ты мне надоела.

Я с готовностью встала с пола.

— Ну я тогда пошла? Кстати, Ваше Величество, а сожжение завтра когда?

— На рассвете, — буркнул король после паузы. — Пошла вон.

Ну я и пошла.

Провалилась, как дура, на кровати до этого самого рассвета, размышляя...

Забавно, Эдвард действительно не похож на короля. Но взгляд у обоих одинаковый: настороженный, недоверчивый. А когда Его Величество пьёт, то его глаза и вовсе искрятся от боли.

Странно...

Король прав, я действительно не понимаю. Ни его, ни Эда.

Обидно.

Утром я впала в ступор. Кажется, так называется состояние полного равнодушия и отрешённости от происходящего?

Я просто не могла поверить, что всё, что со мной происходит — реально.

Заглянул король вместе с мертвецами. Осмотрел с ног до головы. Вздохнул.

— Знаешь, я бы тебя сначала удушил.

Я изумлённо уставилась на него.

— Вы уж разберитесь, Ваше Величество, Вы меня повесите или сожжёте?

— Сожгу, — махнул рукой король. — Но, чтобы от огня не мучилась... А, всё равно Эдвард не дурак. Ладно, давай, собирайся, девочка. Пора.

И ушёл.

А у меня где-то глубоко внутри, там, где живёт глупость, появилась надежда... а может, того, пронесёт?

Во внутренний дворик натолкалась целая толпа.

Я, не очень-то помню, как меня туда вели. Но толпа чего-то орала и кидалась гнилыми яблоками. По ощущению, наверное, мягче чем камни.

А я не завтракала и меня тошнило...

И ещё мне чудилось, что всё это — нелепый сон.

К мертвецам здесь боялись приближаться. Не будь этого, меня разорвали бы на части раньше, чем я дошла до помоста.

Но я до него дошла.

И только когда почувствовала спиной деревянный столб (все занозы, каждую неровность) и запах поленьев... Я поверила.

Такой истерики у меня ещё не было. Да. Да, я слабая девушка, да, я не умею умирать гордо. Да, чёрт возьми, я не хочу умирать! Отпустите меня, ну пожа-а-алуста!

В итоге мне заткнули рот.

Король прокалал какую-то речь, народ согласно проорал. Его Величество взял факел...

Я не поняла сначала, почему колдун его выронил. Не до того было. Но вместо дров

загорелись мертвецы — один за другим.

В фильмах они красивее горят. И без запаха.

Толпа рычала, как беспокойное море, а у меня вдруг оказались развязаны руки...

Уплывая в забытье, я осела на помост, и меня тут же дёрнули, как мешок с зерном, перебрасывая через плечо. И, кажется, куда-то понесли.

На этом месте я потеряла сознание.

А очнулась снова на помосте. Кто-то из недогоревших мертвецов суетился, привязывая меня заново.

Но худшим было не это.

Внизу, в кольце гвардейцев стоял Эдвард с заломленными назад связанными руками. И смотрел на короля — с болезненной, ненавидящей безысходностью.

А король в ответ пожирал юношу довольным взглядом и торжествующе улыбался.

Как я могла подумать, что у них есть хоть что-то общее?

Усмехнувшись, Его Величество махнул гвардейцам. Ближайший мертвяк подтолкнул Эдварда, и конвой двинулся в сторону ворот, сквозь раздающуюся толпу.

Я смотрела им вслед, тяжело дыша, не понимая, что происходит...

...Король, наклонившись, зажёл ещё один факел. И швырнул в поленья.

Я судорожно выдохнула, следя за тем, как огонь пожирает дерево.

Почему?! Эд же пришёл!

В конвое мертвецов Эдвард вдруг споткнулся и, резко обернувшись, отчаянно закричал, кажется, обращаясь к отцу:

— Pater, venia..!

Крик резко оборвался: Эду, похоже, как и мне до этого заткнули рот.

А я зажмурилась, чувствуя дым и, пока ещё слабый жар.

Нет... Не со мной. Не может быть. Это же неправда...

Золотистый язычок добрался до моих ног и вдруг вспыхнул, взвился вверх — пока ещё достаточно далеко от меня, но...

Задыхаясь от дыма, сквозь пляску огня я видела, как напряжённо замерла толпа. А король вместе с гвардейцами скрылся за воротами.

Тогда жар стал невыносимым, боль пронзила всё тело, и я закричала.

Глава 11

— Sub tuum praesidium confugimus, sancta Dei Genetrix...

Латынь — значит, Эдвард где-то рядом. Это ведь его голос...

— ... sancta Dei Genetrix...

Или нет?

Я купалась в сером тумане, отстранено отмечая, что голова раскалывается, будто по ней раскалённым молотом дубасят. А вот ноги... Да и всё тело выше... Я, что, перезагорала?

Дайте мне быстренько пантенольчика...

— Ма-а-ам, — попыталась позвать я, но из пересохшего горла вырвался только несодержательный сип. И, чуть тише. — Эдвард...

Тут же, словно по заказу, между губ втокнули кружку с чем-то мятным...

— Спасибо, Эд, — шепнула я, снова уплывая. Но меня тормозили.

— ...nostras deprecationes ne despicias in necessitatibus...

— Как ты себя чувствуешь? — перебил латынь незнакомый голос.

— Хреново, — честно выдохнула я. — А ты кто?

— Что она говорит? — донёсся другой голос, до этого говоривший на латыни. Это его я приняла за Эда...

Вместо ответа мне на лоб положили тающий лёд. Струйка потекла за ухо, к шее...

Распахнув глаза — что до этого никак не получалось, — я подскочила.

— Уберите это!

На меня с разной степенью изумления уставились сидящий тут же на кровати белобрысый конопатый подросток — максимум лет четырнадцати — и стоящий у окна мужчина... Очень красивый темноволосый мужчина. Блестящие локоны до плеч, правильные черты лица, карие глаза, угадывающаяся под богатой одеждой накаченная фигура...

Впрочем, мне было совершенно не до его фигуры. Я смотрела на... Мои ноги! Что они сделали с моими ногами?! Откуда эти волдыри?! И почему они красные?!

— Твою.....! — выдала я, пытаясь наклониться и дотронуться до этого уродства.

— А теперь что она говорит? — с живым интересом спросил мужчина.

Морщась от боли, я перевела взгляд на него. Щас повторю!

Не обратив внимания на вопрос, мальчишка перехватил мою руку, сжал, а потом ещё и толкнул, заставив улечься обратно на подушки.

— Что вы со мной сделали?! — заорала я, вырываясь.

— Госпожа, — пропыхтел мальчишка, удерживая меня в лежачем положении. — Не могли бы вы говорить на нашем языке?

На вашем...

Твою..!

Я обмякла на кровати, заново изучая комнату. Похоже на спальню в замке короля... и ещё чуть-чуть — на комнату Эда...

Эдвард!

— Где Эдвард? Что с ним?!

— Простите, леди, мы не смогли спасти принца, — откликнулся мужчина у окна. — Нам пришлось потрудиться, чтобы вытащить хотя бы вас.

Перед глазами заплясали языки огня.

Взять себя в руки, взять себя...

— Кто вы? — чуть спокойнее выдавила я. — Где я?

Губы мужчины скривились в улыбке... довольно симпатичной улыбке.

— Прошу прощения, леди, — и с немало удивившим меня поклоном он ответил. — Я лорд де Лашете. И вы сейчас гостя в моём замке Верисете в Ауреле. Прошу прощения, у меня не было возможности должным образом передать вам приглашение, так что пришлось доставить вас сюда... что называется, силой.

Что он говорит?

— И зачем я здесь?

Мужчина и мальчишка переглянулись.

— Вам нужно отдохнуть, леди, — отозвался лорд-как-его-там. — Позже мы это обсудим.

В пыточной или на плахе?

Я хотела возразить, но голову точно раскалённым кинжалом пронзило. В ту минуту я была уверена, что умираю.

Но где-то за серой пеленой тумана на меня с отчаянной надеждой и страхом смотрели зелёные глаза. И знакомый голос умолял короля-отца пощадить меня.

Я просто не могла умереть.

Пока Эдвард там, я не имею на это права.

Ало-жёлто-розового цвета короста, кое-где идущая трещинами. Стоило шевельнуться — тотчас же выступала кровь, и я кусала губы от боли. Да — вот что представляли мои ноги до колен. Дальше ситуация была получше — всего лишь волдыри. Много, но, в конце концов, не в первый раз. В Тайланде, помню, как-то вся ими покрылась — забыла про солнцезащитный крем, а потом лень было идти. После всю стипендию и папины отпускные потратила на крема.

А с этим же... я вообще когда-нибудь встану?

— Успокойтесь, госпожа, — улыбнулся конопатый белобрысый мальчишка, неожиданно для меня возникая в дверях. — Всё будет хорошо. Я вас быстро на ноги поставлю, хе-хе.

Хе-хе. Тебе бы так, мелочь рябая.

— Ты кто? — не очень вежливо поинтересовалась я.

— Жиль, — улыбка у мальчишки на лице сидела как приклеенная. — Я здесь целитель. Ну и ещё по мелочи.

Мелочи? Я с подозрением смотрела, как он ставит на стол поднос с какими-то склянками, вдумчиво их перебирает.

Этот мир подозрейте напоминал Средневековье, а о медицине в эти тёмные времена я слышала отнюдь не лучшие отзывы.

Цапнув пару пузырьков и моток не то ткани, не то бинтов, парнишка шагнул к кровати.

— Это что? — потребовала я, вспоминая красочные описания гангрены и ещё более красочные методы её лечения.

Мальчишка... Жиль перевёл взгляд на меня.

— Это? А это то, что вас на ноги-то и поставит, — и с непосредственностью ребёнка, играющего в больничку, капнул того-другого на сложенную вчетверо ткань. Воздух мгновенно наполнился резким ароматом, сильно напомнившим мне "Звёздочку".

— Госпожа, лежите спокойно, или мне придётся вас связать, — спокойно объявил Жиль, когда я попыталась забрать у него компресс.

И резво приложил эту мерзкую, вонючую, жгучую гадость к моей ноге.

Я взвыла.

Местную ненормативную лексику, я, конечно, слышала, но запомнить так и не получилось — обычно она произносилась в весьма экстремальные моменты. Так что я просто высказала парню, что думаю о его медицинском образовании вообще и воспитании в частности — по-русски. Конечно, Жилю от этого было не жарко не холодно.

Зато я вдруг осознала, что нога не очень-то и болит.

— Вы должны выздороветь через пять дней — настолько, чтобы смогли ходить, — говорил тем временем мальчишка.

— А почему не завтра? — выпалила я, переживая вспышку боли во второй ноге.

— Потому что полнолуние — через пять дней, — деловито отозвался Жиль. — И потому что именно в полнолуние король сможет провести тот обряд, во время которого убьёт принца.

Я откинулась на подушки, тяжело дыша.

— Я правильно понимаю, вы собираетесь спасти Эда... принца?

— Конечно, госпожа, — улыбнулся Жиль, подавая кубок. — Он же наш принц.

Логика сказанного от меня явно ускользнула.

— Лежите, леди, отдыхайте. И не трогайте, пожалуйста, ноги, — попросил мальчик, ставя склянки обратно на поднос. — Я вернусь вечером. Тогда вам надо будет хотя бы немного поесть.

От мысли о еде, особенно местной, к горлу подступила тошнота.

— Зачем? — закрыв глаза и пережидая очередную вспышку боли, выдохнула я. — Зачем я? Я же ничерта не умею и всегда только мешаю. Зачем?

Но услышала всё то же:

— Отдыхайте, госпожа. Вам нужно выздороветь как можно скорее.

Чего ради? Это Эдвард, у которого всё всегда получается, смог проникнуть в замок и даже практически вытащил меня.

Интересно, он понимал, что это ловушка?

А я даже нисколько не сопротивлялась, когда меня вели на этот чёртов помост. А ведь могла бы, как и он, хотя бы тогда попытаться сбежать. Но нет, всё, что у меня выходит — истерики устраивать.

Может, будь я посмелее, и Эдвард сейчас был бы рядом, в безопасности?

Я открыла глаза, изучая каменный потолок.

Что бы они от меня ни хотели, чтобы им ни было нужно, я в любом случае сделаю всё, лишь бы они вытащили Эда.

Потому что именно я виновата в том, что он сейчас в плену.

— Жиль, почему ты называешь меня "леди"? — задала я давно мучивший вопрос.

Мальчишка, только-только закончивший перевязку, перевёл изумлённый взгляд на меня.

— Разве наш принц мог бы выбрать простушку?

— А вы знали, что ваш принц занимается проституцией? — вырвалось у меня.

Жилия это нисколько не удивило.

— Конечно, госпожа. Правда, Его Высочеству не откажешь в утончённости ума? Оригинальный способ задобрить будущих сторонников.

— Что? — не выдержала я. — Жиль, каких сторонников?

Мальчишка собрал все склянки и с достоинством ответил:

— Его Высочество станет великим королём. Как только он убьёт чудовище, что сейчас на троне, в стране снова воцарится мир и покой.

Что за бред?

Жиль, как обычно, тихонько ушёл... хотя, может, он и шумел, я бы всё равно не заметила.

У меня было о чём подумать.

А вечером слова мальчишки-целителя практически слово-в-слово повторил лорд... Как там его?

— У Его Высочества не было возможности выступить против тирана-отца, но теперь, когда мы собрали для него армию...

У меня лапша с ушей свисала, наверное, до пояса.

Да-да. Где же вы, ребят, были, когда нас в инквизицию забирали?

И где вы были, когда Эдвард пришёл меня выручать?

— Милорд, скажите, — прервала я очередное пространное объяснение. — Зачем я вам?

Милорд запнулся. И спустя минуту выдал:

— Видите ли, госпожа, Его Высочество славится недоверчивостью. Это, безусловно, прекрасное качество, но, когда нам удастся пробраться во дворец короля, времени на объяснение не будет... а вам он верит. Вы же сможете убедить принца, что здесь его ждут друзья?

Друзья?

Я как могла, пыталась сохранить улыбку. Да за кого меня держит этот напыщенный лордик?

— Здесь его ждут соратники, готовая к выступлению армия...

Я улыбалась.

— Милорд, прошу вас, откройте секрет, как вы собираетесь попасть к Эдварду? И как вам удалось спасти меня?

— О, у нас есть волшебники, — воодушевился лорд. — Они создали проход и с помощью него...

А кого они убили ради этого?

Ночью я наблюдала за лунным лучом на кровати и пыталась понять, как мне спасти Эдварда без помощи этой... оппозиции.

Интересно, знал ли Эд, что он пешка в игре за трон?

А теперь ещё и я.

— Госпожа, что-то вы загрустили. Не хотите ли поглядеть на турнир?

Нет, я хочу домой. Я хочу забрать Эдварда и перенестись обратно в Москву. Я хочу показать ему нормальную жизнь. Я хочу, чтобы он улыбался.

Турнир в эту систему желаний совершенно не вписывается.

— М-м-м, Жиль, а мне кажется, или мы должны сейчас усиленно готовиться к спасению... принца?

— Конечно, госпожа! — разулыбался мальчишка. — Мы готовимся! Но вам ещё рано ходить... и, знаете, у лорда здесь несколько тысяч солдат... их надо чем-то занять.

И все эти тысячи (или чуть меньше?) участвовали в турнире "стенка на стенку". А потом — в поединках. Неподалёку от замка нашлось поле, на нём соорудили арену...

Жиль вынес меня на балкончик, усадил в кресло и вызвался быть комментатором.

А я глядела на это поле, на этих рыцарей... и видела зелёный огонь, которым горели несчастные, которым не повезло нарваться на Камиллу.

И ещё видела саму Камиллу, смотрящую в звёздное небо пустыми, мёртвыми глазами.

— Жиль, неужели король ни о чём не подозревает? — прервала я очередное описание рыцаря такого-то с гербом таким-то на коне таком-то.

— Король? — Мальчишка странно улыбнулся. Очень по-взрослому, одними губами. — Миледи, у нас очень сильные волшебники.

Начерта вам тогда, сильным и справедливым, принц?

Вместо штандарта?

На арену как раз выехал рыцарь в позолоченных доспехах, сверкающих, как миниатюрное солнце. И помахал нам.

— Лорд де Лашете, — улыбнулся Жиль.

А спустя минуту с поля складно и многоголосо донеслось:

— За даму принца! За королеву справедливости!

Лучше бы "шайбу" вопили.

Они уже сделали и из меня пешку.

После турнира мне пришлось присутствовать на пиру. Благородный лорд де Лашете приказал привезти ради такого случая стул на колёсиках. Вообще-то он даже отдалённо не напоминал кресло-каталку. И был жутко неудобен.

После даже Жиль рассерженно кусал губы, снимая с моих ног насквозь сырые от крови повязки.

Но сражавшиеся на турнире рыцари ждали подругу принца. И я должна была прийти.

Плевать им на меня было на самом деле. Да, они красиво салютовали мне кубками. Да, все как один дали обет моим именем. Кто-то даже порывался отдать дары...приютившему меня лорду де Лашете.

А я чувствовала себя будто на каком-то безумном маскараде. Да, сижу практически во главе длинного стола, красивая, в дорогушем блио, а вокруг талантливо разыгрывается представление, очередной ход какой-то сумасшедшей игры.

Только вот я тоже на поле.

Зато теперь я начала понимать, почему Эд всегда норовил сбежать. Да, можно корчить из себя великого героя. Поднимать кубок за короля или самому стать королём. Но в итоге будешь пешкой, потому что у тебя нет силы, чтобы стать ферзём.

У короля эта сила была... И у лорда де Лашете — тоже. Разная, но итог всё равно один: куча трупов, когда силы схлестнутся. И неважно, что потом по воле короля, они снова встанут...

— Госпожа, аккуратней. Держитесь за меня...

Осторожно, боясь наступить, я сделала ещё шаг. Да что ж такое?!

— Леди, я же просил аккуратнее, — вздохнул Жиль, подавая мне руку. — Не наступайте на всю подошву сразу...

Я в который раз выругалась и снова попыталась шагнуть.

— Госпожа, могу я спросить? — после долгой паузы, правда, заполненной моим шипением и вскриками, произнёс мальчик.

— Чего? — простионала я, добираясь, наконец, до кровати. И они наивно полагают, что завтра я смогу бегать?

— Леди очень грустна. Леди скучает по принцу?

Я вдохнула-выдохнула...

— В том числе.

Мальчишка неожиданно улыбнулся и сжал мою руку.

— Миледи, завтра я пойду с вами. Может, это вас... развеселит?

Да, блин, уже смеюсь.

— Ты?!

— Я немножко волшебник, госпожа, — засмушался целитель. — И чуть-чуть знаю некромантию...

Я подняла голову и встретила взглядом с "немножко волшебником".

— Слушай, а мысли ты случайно читать не умеешь?

— Что? Мысли? Госпожа, никто не может читать мысли! — зачастил парень. — И управлять человеком... Это сказки!

Я закрыла глаза.

Да, раньше мне всё это чёртово Средневековье тоже казалось сказкой...

То есть теоретически местный лорд может знать, что я думаю и "заставить" меня убедить Эда, если вдруг откажусь?

И Эда потом заставить...

Хм, раньше я думала, что отсюда нам с Эдвардом будет легче сбежать, чем из дворца короля.

А легче ли?

— Это что?!

Пойманный за ухо парнишка обиженно взвыл:

— Магия! Мазь волшебная, отпу...

— А что, раньше нельзя было?! — я тряхнула Жилем, как котёнком. Удобно: уши — во! Как моя ладонь плюс пальцы.

— Раньше не готово было-о-о-о!

Парнишка извернулся, всё-таки умудрившись вырваться. И тут же рванул к двери.

— Ах, не готово?! — пропыхтела я, соскакивая с кровати — по привычке становясь на носок, а потом уже на всю стопу. — Я тебе сейчас устрою "не готово"!

Нет, ну серьёзно: просыпаюсь вечером... хрясь! И ни царапинки. Здоровенькая, как огурчик, хоть прыгай, хоть танцуй.

Где раньше твоя магия была, шарлатан доморощенный?!

— А ну иди сюда! Быстро! Кому сказала?!

Мальчишка попытался скрыться за дверью, налетел на кого-то и отскочил... прямо мне в руки.

— Ну всё, — злорадно прошипела я, — шас без ушей останешься.

— Не стоит, миледи, — вмешался знакомый голос. — Уши Жилю ещё пригодятся.

Не отпуская ужом извивающегося парнишку, я покосилась на лорда де Лашете.

— Вам стоит переодеться... и спуститься в обеденную залу, полночь уже скоро, — добавил мужчина.

Я поморщилась, швыряя мальчишку лорду на руки.

Ладно, живи, обманщик малолетний.

Планировалось, что мы с Жилем окажемся в королевском замке "Речная Заводь" практически перед полуночью. Король будет занят подготовкой заклатья и не сможет нам помешать, его мертвецами займётся Жиль, а я должна буду пробраться к Эду. И убедить. Да, я помню.

Не стоит, наверное, говорить, как я относилась к этому "плану".

Начнём с того, что, помнится, у короля дикая паранойя, и мертвецов-гвардейцев он наклепал целый ворох. И не надо меня убеждать, что Жиль — вот это конопатое, лопаухое, дующееся нечто — сможет со всеми справиться.

И потом — что если король приготовил пентаграмму (или что там ещё) заранее?

И откуда я знаю, где искать Эда?

Мне сказали: "Вот тебе, милочка, амулет, он точно приведёт тебя к принцу".

Ну и буду я стоять с одной стороны запертой (наверняка!) двери и "убеждать" Эдварда, который с другой стороны.

Вот король-то посмеётся, когда увидит...

Мне, конечно, объяснили — очень терпеливо — что всё будет хорошо, и на самом деле они всё продумали (это я, дура такая, ничего не понимаю) и усадили смотреть, как Жиль вертится у пентаграммы.

Честное слово, я "классики" в детстве лучше рисовала!

Лорд хотел было подарить мне кинжал. Начерта — разве что пафосно заколоться, когда поймают? Обращаться с ним всё равно не умею... В общем, отказалась.

Зря, наверно.

И вот — ночь за окном, откуда-то слышится удар колокола, и Жиль изображает птицу в "центре" пентаграммы. Да, да, взлететь пытается. Безуспешно пока.

Интересно, а в этом Средневековье нет попкорна?

Наконец, по линиям пробегает искорка... одна... вторая...

В который раз убеждаюсь, что до наших голливудских спецэффектов средневековому колдовству — как до луны на велосипеде. Ну и что — горит схема трупно-зелёным цветом, Жиль, бледный, как смерть, стоит и машет мне: давай, мол, иди сюда. Я пожала плечами, подошла. Ещё спросить хотела: "Что, и всё?".

А потом ка-а-ак жажнуло!

Я наконец-то поняла, почему в мультиках, когда герой ударяется, над ним летают птички и звёздочки.

Звёздочки настойчиво толкались в глаза, а птички — орали в ухо. Интересно, мультяшки то же чувствуют?

— Леди! Катрин! — настойчиво шептали рядом. — Очнитесь! Ну же! Вставайте!

Чего? После такого?! Да меня на американских горках в Диснейленде так не укачивало! Какой теперь "очнитесь", да ещё и "вставайте"?!

— Леди, ну же! Ла-а-адно, тогда я... сейчас... заклинание... чтобы вам стало лучше...

Заклинание?!

— Мне уже хорошо! — гаркнула я, подскакивая. Жиль отшатнулся. — Если ты ещё раз... меня... заколдуешь...

Договорить я не смогла. Случайно бросила взгляд в сторону и...

Трупы — живописно и по всему коридору. Много. И, кажется, отнюдь не все были мертвы, когда их тут уложили...

— Леди! — воспользовавшись замешательством, парнишка сунул мне в руку "амулет, который точно приведёт к принцу". — Леди, идите!

Я ошалело посмотрела вглубь коридора.

— Куда? Туда? Одна?!

Жиль прорычал что-то ругательно-неразборчивое.

— Там уже никого нет, обещаю! Все слуги короля сейчас будут здесь! Идите!

Словно в подтверждение раздались знакомые мерные шаги королевских гвардейцев — и отнюдь не со стороны коридора.

Ну, если выбор между трупами ходячими и трупами лежащими, то я, пожалуй, за последние.

Я бежала по пустым коридорам, спускалась по лестницам, поднималась по лестницам и так много-много раз.

А что прикажете делать, когда "амулет, который..." оказывается, работает как магнит. Пробовали магнит к железке подносить? Во-о-от, для полного комфорта я должна была нестись с такой же скоростью.

Ну хоть Жиль не соврал, действительно никаких гвардейцев по пути не встретилось, даже просто слуг — никого.

У двери в тупичке (когда я уже красочно представляла, как с разбега в неё врежусь) "амулет", наконец, успокоился.

Я покрутилась туда-сюда, пытаюсь отдышаться.

— Эдвард? Эдвард, ты там?

Тишина...

Чёрт, никогда ещё так глупо себя не чувствовала.

Я потянулась к ручке.

— Эдвард, это я. Мы пришли тебя спасти и...

Дверь распахнулась.

— Я заметил, — отозвался король. — Особенно мне нравится это "мы".

— Знаешь, мне очень по душе наблюдать за вашими... м-м-м... действиями... — на ходу рассуждал король.

Мертвецы тащили меня следом, скрутив руки и зажав рот.

И да, первые секунд десять я вырывалась. Но упавшие на тебя чьи-то внутренности (кого я там так неосторожно толкнула?) очень успокаивают...

— М-м-м-м!

Не оборачиваясь, колдун махнул рукой — рот мне освободили.

— ... особенно, когда тебя украли практически у меня из-под носа...

— Вы хотели меня сжечь! — пискнула я.

— Да, это я сглупил, — хмыкнул король. — Знаешь, куда выгоднее принести тебя в жертву перед обрядом. Эмоциональный выброс у моего сына будет очень сильным, не сомневаюсь...

...!..!

— И сейчас мы это устроим, — улыбнулся король. — Раз уж тебя так кстати спасли... Ну, Катрин? Где же крики "Благородный лорд де Лашете вам обязательно отомстит"?

— Да пошли вы со своим лордом в...!

Король снова махнул рукой — и рот мне зажали.

— М-м-м-м!

— Время, время... опаздываем... — поморщился колдун, больше не обращая на меня внимания.

Один из гвардейцев распахнул дверь, перед которой мы остановились, шагнул внутрь...

Король покосился на окно-бойницу, в которое вовсю светила луна, сдавленно выругался и махнул гвардейцам.

Мы всей процессией зашли в комнату. Причём меня втащили первой.

— Эдвард, — устало вздохнул король. — Игра в прятки сейчас совершенно неумест...

И мягко осел на пол.

Эд опустил обломки стула и красиво швырнул их в кинувшихся было к нему мертвецов.

Конечно, гвардейцам было от этого совершенно не жарко не холодно, и беготня по комнате их тоже вряд ли сильно расстроила... зато впечатлил золотистый кнут, которым их с размаху огрел невесть откуда взявшийся Жиль.

В полной тишине стон приходящего в себя короля показался похоронным колоколом.

Мигнул и погас в руке парнишки кнут, а комнату вдруг стал окутывать чёрный искристый туман.

— Портал! — заорал Жиль.

И действительно что-то где-то сверкнуло, но что и где — различить в тумане было совершенно невозможно.

А потом ещё и загрохотало.

Я вскрикнула, когда меня схватили за руку — потом снова, но уже за другую, дёрнули и куда-то потащили.

В свистопляске и пронзаемой молниями тьме блеснуло что-то яркое.

— Катрин, успокойся! — выдохнул мне в ухо Эдвард, когда я попыталась вырваться. — Обними меня!

Туман неожиданно рассеялся, явив чудесную картину сражающихся магов. В основном их "сражение" было чисто зрительным: Жиль, прижавшись всем телом к стене, пялился на вышагивающего вокруг короля.

Знакомо заискрилась схема у нас под ногами.

— Катрин, скорее!

Я неуклюже обхватила Эдварда за плечи и пропустила мгновение, когда он вдруг полоснул себя по руке невесть откуда взявшимся кинжалом.

Жиль закричал, рванувшись вперёд, к нам, но схема (портала?) засияла, вспыхнула и... жажнула, как в прошлый раз.

Последнее, что я успела разобрать — метнувшихся к нам наперегонки колдунов. Причём у Жили как-то странно исказились черты лица, а тень у него за спиной совершенно точно принадлежать ему не могла.

Шумело море, воздух терпко пах солью, ветер гнал по серому небу тяжёлые тучи, а вдалеке высился замок... точнее, руины замка.

— Где мы? — выдохнула я, закашлявшись.

Зажимая рукой рану, Эдвард поднял голову, посмотрел на меня и неожиданно улыбнулся.

— Не там, где они хотели.

Глава 12

Шелест дождя... Отдалённое ворчание грозы, редкие вспышки молнии... И флейта.

Прислонившись к поросшей мхом стене, я сидела, поджав ноги, на каменном полу — поближе к камину. Для такого огромного — чуть не в полстены — костерок в нём был, конечно, маловат. Но когда-то приготовленные дрова, кучкой лежащие неподалёку, давно отсырели, потихоньку сгнивая. А из хвоста большой огонь не получился.

Рядом, поглядывая то на огонь, то на меня, сидел Эдвард, прижимая к губам флейту. (Похоже, этот музыкальный инструмент у него как "Я всегда с собой беру...". Вот-вот.) Под мягкие, нежные переливы мелодии хотелось закрыть глаза и дремать, да так, чтобы снилась

сказка про красивых дев, водящих хоровод, проезжающего мимо рыцаря, замок, где его ждёт невеста... Антураж располагал.

Так успокаивающе шелестел дождь за окнами... и в дыры потолка, лужицами стекая вниз, на следующий ярус.

Повезло нам с этими руинами. Груда камней — всё, что осталось от стен. Но главную башню, похоже, только разграбили. Да верхний ярус снесли почти начисто, зато главный зал сохранился почти полностью. Даже остатки столов и подгнивающие гобелены на стенах.

И ни души... Что нас очень даже устраивало.

Жаль только, еды совсем не было, но Эдвард сказал, что это поправимо — рядом море, а вдали — даже лес. Завтра нормально поедим. Точнее уже сегодня, но, может быть, вечером.

Где-то за серыми тучами, наверное, вставало солнце, но особой разницы пока не ощущалось — дождь по-прежнему деловито шептал, да и гром тише не становился. Зарядил...

— Эдвард, а научи тоже играть на флейте, — вырвалось у меня.

Музыка смолкла. Я поймала удивлённый взгляд и сама встрепенулась. Сон как рукой сняло.

Эдвард задумчиво покрутил инструмент с таким видом, будто раздумывал, а стоит ли его вообще доверять такой... такой как я.

— Ладно... А зачем?

Хороший вопрос.

— Ну...

Эдвард протянул флейту мне.

— Попробуй.

В смысле? То есть... прямо так?

Хотя... помнится, нам на первом уроке французского тоже выдали текст и сказали: "Читайте". Ну, мы, знатоки английского, и читали... Преподаватель хохотала, как ненормальная.

Я взяла флейту аккуратно, точно редкое насекомое... Надо же, такая лёгкая. И дырочки разной величины. Я интереса ради в них даже заглянула. Потом поднесла инструмент к губам, рассмотрела тот конец, который пошире и не дудочкой. Поднатужилась и выдохнула.

Флейта тоскливо ухнула.

Эд тихо рассмеялся.

Я обижено отдала ему флейту и, не выдержав, спросила:

— Эдвард, скажи... А почему ты тогда... за мной вернулся?

Смех стих, а вот улыбка стала ещё шире. Юноша улёгся на пол, и с интересом уставился на меня.

— А ты почему?

Я моргнула.

— Ну... Меня вообще-то никто не спрашивал. Запихнули в этот их... портал, как мешок с мукой... и...

— Ну, конечно, — фыркнул Эдвард. — Без тебя бы у них ничего не получилось. И не ври, Катрин, ты хотела вернуться. Иначе вы никогда бы не попали в нужный замок.

— В смысле? — удивилась я. — А как же тот волшебник?

— Волшебник только создаёт портал, — откликнулся Эд. — Но ему нужен человек,

близко знакомый с тем, кого он ищет. И желающий к нему попасть. Что-то вроде маяка для моряков.

Класс. Я смотрю, меня использовали на полную катушку.

— Ну да, хотела, — выдохнула я после паузы. — В конце концов, виновата была я... ты же пришёл за мной и... ну... в общем...

— Глупости, Катрин, — вздохнул юноша. — Тебе не в чем себя винить. Это я бросил тебя невесть где. Я не должен был, просто после Камиллы... Надо было сначала дойти хоть до какой-нибудь деревушки, проследить, чтобы ты устроилась... Ты же беспомощна, как ребёнок...

— Но если я тебе так мешала, — буркнула я, — то к чему церемониться?

— Катрин, — сокрушённо покачал головой Эдвард, — неужели ты так и не поняла? Со мной ты в большей опасности, чем без меня. Посмотри сама: король хочет меня убить, ненавидящие его лорды, к которым ты наверняка и угодила, жаждут заполучить меня в качестве знамени. И даже если они победят, на трон меня посадят только как марионетку... лорда де Лашете, допустим. А потом я скоростижно скончаюсь, успев написать завещание в пользу этого самого лорда. А в соседней Азвонии вот-вот умрёт король и его лордам, поверь, тоже не нужен наследник. Теперь ты понимаешь, что со мной тебе нельзя? Помнишь, что стало с Камиллой? А теперь даже если ты снова уйдёшь, тебя будут искать, так же как и меня... и как раз из-за меня!

— Вот и чудесно, — устало улыбнулась я. — Значит, вопрос снимается, и я остаюсь с тобой. Эдвард, ну что ты? Я же не ведьма, чтобы это... как там... вызывать демона и взрывать всё вокруг. Ладно, ладно, извини. Но, в конце концов, раз уже все вокруг так уверены, что я тебе дорога, то что поде...

— Ты мне дорога, — неожиданно перебил юноша, отводя взгляд. — Они правы. А я дурак. Катрин, ты даже не представляешь, насколько. Я ведь знал, чем всё это грозит — в отличие от тебя. И всё равно... всё равно... — юноша покачал головой... и наткнулся на мой взгляд.

— Э-э-э, — проблеяла я, потому что пауза как-то неудобно затянулась. — То есть...м-м-м... я тебе на самом деле не мешаю и...

— Ну конечно нет, — покачал головой Эдвард. — Нет, Катрин, ты конечно... не от мира сего, но, — он замаялся.

— То есть ты тогда солгал, — хмыкнула я. — Так?

Эдвард улыбнулся.

Я нервно прикусила губу. И легла рядом с ним — глаза слипались уже по-настоящему.

— Эдвард, врать не хорошо, — пробубнила, мешая слова с зевком.

В ответ раздался тихий смех. И ещё более тихое — на грани сна, когда я уже задремала:

— Я рад, что ты жива, Катрин. Прости меня.

— Эдвард, ну вот зачем он мне, а? — я помахала кинжалом. Солнечный лучик красиво блеснул на лезвии. — Я же им пользоваться ну совсем не умею. И что я с ним делать буду? Харакири?

— Хара... что? — засмеялся юноша. — Поверь, Катрин, если на тебя вдруг нападут, а меня рядом не окажется, кинжал тебе очень пригодится.

Я с сомнением покосилась на клинок. Да я его даже из ножен вытащить не успею! Ну его к чёрту!

Я взяла Эдварда за руку и вложила в его открытую ладонь злополучный кинжал.

— А давай ты лучше окажешься. И желательно хорошо вооружённый. Слушай, а может, стоит тут поискать, в этих развалинах — может, меч найдём.

Эд прикусил губу, словно пряча улыбку, и перехватил мою руку. Кинжал снова перекочевал в мою ладонь.

— Катрин, хватит. У меня есть лук. Или ты хочешь поменяться?

Я фыркнула. Ну уж, с луком я точно не совладаю. Разве что за тетиву, да разбойнику по физиономии. Но вряд ли это поможет.

— А, может, всё-таки поищем меч, а?

Эдвард улыбнулся и промолчал. Но искать со мной пошёл, правда, больше ходил рядом и зачем-то осматривал камни, абсолютно не реагируя на мои злобные взгляды и пыхтение.

Оружие мы так и не нашли. Да и вообще ничего — словно от всего нужного хозяева очистили замок хорошенько, пустым оставили и уехали. А потом вернулись и разбомбили несколько башен. Или просто сожгли. Камень местами почернел, а кое-где, сковыривая мох, я натыкалась на чёрно-серые "потёки".

Оставшиеся полдня мы с Эдом провели на берегу — рыбачили. Я продрогла насквозь, даже заботливо отданный Эдвардом плащ не помог. И брызги, и ветер — бр! В общем, ненавижу рыбалку. Всё время кажется: я тут сижу, как дура, а рыба наблюдает из воды и хихикает. Так что собранную из подручных материалов удочку держал Эд, а я чуть позже следила за процессом готовки.

Господи, чувствую себя просто никчёмной неумехой! Нет, я всегда знала, что не могу очистить рыбу... да вообще не знаю, что с ней делать, что можно есть (ну, кроме головы и хвоста), а что нельзя. А Эдвард ещё и долго хохотал над моим предложением нанизать улов на кочергу и тыкать в камин, пока не закоптится.

— Катрин, ты явно никогда не готовила, — заявил юноша, разделявая рыбу.

— А может, просто забыла? — буркнула я. Очень хотелось надуться и послать всё ещё улыбающегося юношу куда подальше, но голод не тётка. Поем и пошлю.

— Такое ты бы не забыла, — покачал головой Эдвард.

Я бросила на юношу обиженный взгляд "ну-не-все-же-такие-умные". Эд широко улыбнулся в ответ.

— А сам-то где научился? Во дворце, поди, слуги готовили, — "кольнула" я.

Улыбка моментально увяла.

— Я же не всегда жил во дворце, Катрин.

— Расскажешь, кто научил? — после паузы попросила я.

Эдвард окинул меня задумчивым взглядом.

— Позже, хорошо?

Хорошо. Позже. После ужина.

...- Эдвард! Ну, Эдвард! Ну, Расскажи-и-и! Ну что ты, а? Ну пожа-а-алуйста! — наседала я.

Юноша взвёл очи горе и с видом "ладно-ладно, только отстань", вдруг спросил:

— А ты, правда, никогда не готовила?

— Готовила, конечно! — моментально вскинулась я. — Только разделявать не приходилась. А так — я, знаешь, какую рыбу в муке запекаю! Пальчики оближешь.

Эдвард нахмурился.

— То есть у тебя есть слуги, которые очищают, но не готовят?

Я удивлённо уставилась на него.

— Я просто пытаюсь понять твоё место в том обществе, про которое ты с таким упорством рассказываешь, — невинно улыбнувшись, добавил юноша.

— Нормальное у меня место, — буркнула я. — А слуг у нас вообще нет.

— Врёшь, — после короткой паузы заявил Эд.

Я насупилась.

— Ну, у большинства нет.

— У нас тоже, — улыбнулся юноша. — Большинство и есть слуги.

Я уставилась на него, открыв рот.

— Да нет же! У нас не так! Вообще по-другому! И королей у нас нет, и графов, и этих... кто у вас тут ещё? Титулов всяких. Ну, по крайней мере, как у вас...

Как же меня бесит, когда он смотрит на меня, как на маленькую, несмышлёную девчонку!

— То есть, у вас нет лордов... правителей? — улыбаясь, уточнил Эдвард.

— Есть! — я вскочила. — Но мы их сами выбираем! Сами!

Какое-то время Эдвард пристально смотрел на меня, потом отвернулся к камину. Я, скрестив руки на груди, уселась на остатки подоконника. А море вечером краси-и-ивое, тадам...

И, уже почти задремав под вздохи волн, услышала тихое:

— Как хорошо, что у нас не выбирают.

Да что ж тут хорошего?!

Камилла хохотала, захлёбываясь кровью — алая тонкая полоса на шее дёргалась, выпуская тёмные струйки. Белые скрюченные пальцы тянулись ко мне...

— Извини, девочка, — вздохнул прислонившийся к каменному косяку король. — Ты мне, конечно, нравишься, но так надо.

Холодные, твёрдые, точно у манекена пальцы вцепились мне в горло, сжали...

...- Катрин, ты в порядке? — обеспокоенно спросил Эдвард, внимательно рассматривая меня.

Я зевнула и помотала головой.

— Да, просто не выпалась. Всё хорошо.

Эдвард нахмурился и покачал головой. Потянулся и осторожно положил ладонь мне на лоб.

— Ты не заболела?

Я закрыла глаза и снова зевнула.

— Да нет, наверное... А можно я с тобой сегодня охотиться пойду? Хоть посмотрю, как это. Никогда не охотилась.

— Мне было бы спокойнее, если бы ты осталась здесь, — после удивлённой паузы отозвался Эдвард. — Тут безопаснее.

Я махнула рукой.

— Безопаснее мне рядом с тобой. Если буду мешать, так и скажи.

— Не будешь, — опустив взгляд, тихо ответил юноша.

На самом деле мне было просто страшно. Сидеть одной в развалинах, где ветер воет (а местами и повизгивает) и ждать, пока мой защитник и добытчик вернётся... Ну просто средневековая дама сердца! То есть совершенно не я.

Мешала я на охоте, конечно, мешала. По лесу ходить бесшумно не умею, в засаде сидеть не умею, стрелять из лука тоже не умею. В общем, ничего не умею, а с первого раза всё это не получается, как ни старайся. В общем, Эд, в конце концов, уговорил меня остаться "отдохнуть во-о-он на той красивой полянке".

Как выяснилось, я не умею даже отдыхать, чтобы не нажить себе проблемы. Или в здешнем мире все мужчины низкого ранга — озабоченные самцы и при виде даже не очень опрятной и симпатичной девушки (смотрим правде в глаза) начинают думать не головой, а тем, что ниже?

Я беспомощно замычала в грязную ладонь, закрывшую мне рот. А чья-то рука уже шарилась по моей спине, груди...

Как я могла их не заметить, а?

Запах давно не мытого тела шибанул в нос, перед глазами стояла (честнее — плыла) чья-то физиономия (и это я ещё польстила), на ухо мне что-то не то шипели, не то шептали. Не знаю, как я не потеряла сознание. Может, просто понимала, что это не поможет?

Плача от страха, я ужом извернулась и укусила того, кто держал меня за руку. Ну, близко стоял мужик... В общем одна рука оказалась свободна — укушенный попытался (скорее всего, рефлекторно) выбить мне зубы. Я полоснула его невесть как найденным в закромах блию и вытащенным кинжалом. Правда, сразу же получила в зубы от второго — зато мне отпустили ноги.

Мда... ярость — страшная сила. Я умудрилась отбежать. Сердце бухало, к горлу подкатывала тошнота, в рот заливалась кровь — кажется, из носа. Я дрожала, судорожно сжимая кинжал, глядя как эти мерзавцы приближается... А потом красиво так заваливаются... со стрелами в горле — один за другим.

— Катрин! — всё ещё целясь, позвал Эдвард.

Я замороженно следила, как он осматривает... уже трупы. Но на секунду мне показалось, что сейчас они как вскочат, как вцепятся...

Эдвард перевёл взгляд на меня. Быстро выпрямился, убрал лук.

— Катрин, ты в порядке?!

Меня колотило, так что ничего умного я бы точно сейчас не сказала.

— Катрин, кинжал. Убери.

Я вцепилась в рукоять, как утопающий в соломинку.

— А-а-а-а... о-о-они..., - проблеяла я, указывая на мертвецов. — О-о-они... н-н-не...?

Побледневший Эдвард вымучено улыбнулся.

— Катрин, они мертвы. Идём.

Я выронила кинжал.

Да, это не первая смерть, которую я здесь наблюдаю... Вру. У меня на глазах — первая.

— Катрин, идём, — настойчиво произнёс, Эдвард, подбирая кинжал и ставя меня на ноги. — Идём, ну же!

Он всё-таки увёл меня оттуда. Точнее, унёс, потому что ноги у меня подкашивались. И тошнило — до вечера.

Эдвард мокрой тряпкой вытирал мне лицо, прикладывал компресс, подавал щербатую чашку с водой и вымученно улыбался.

— Тише, Катрин. Всё хорошо. Успокойся.

Я плакала, уткнувшись ему в плечо. Кажется, так и уснула.

Рухнул очередной воздушный замок моей иллюзии спокойной жизни.

Снаружи было холодно. Это я поняла, попытавшись устроиться поудобнее. В итоге в тёплом коконе где-то появилась дырка, да ещё дунуло так: у-у-у! Я скрючилась, пробуя укрыться с головой.

А ещё терпко пахло мятой...

Мя-а-а-той?

"У-у-у-у! — взвыл ветер. — О-о-о-у-у!" Что-то треснуло в погасшем камине, стукнуло на столе и с надсадным звуком покатилося-покатилося-покатилося... и упало на пол.

Я откинула одеяло, оказавшееся плащом Эда, выпуталась и огляделась.

— Эдвард?

Ветер снова засвистел, нарастая, застонал.

Я вскочила.

— Эдвард?!

Что-то со звоном упало на пол. Я машинально наклонилась.

Кинжал в ножнах. Тот, что Эд отдал мне. Тот, которым я вчера... человека...

— Эдва-а-ард?! — завопила я, шарахаясь к камину.

Вой ветра в ответ.

Дрожащими руками я опёрлась о выступ стены.

Да что же это... Он меня бросил?!

Не чуя ног, я метнулась к провалу окна, наклонилась, тщетно пытаюсь рассмотреть среди камней золотую макушку.

— Эдвард!

Ветер, радостно взыв, подхватил и унёс имя к морю.

— Эдвард, — всхлипнула я. Ноги подкосились, в ушах взревел ветер, вздохнуло море, а перед глазами застыл туман.

Всё-таки бросил... Одну. Снова.

Да как же я... как же я одна?!

Обняв руками колени, я заплакала уже навзрыд, кусая жёсткую ткань блио.

Почему... Зачем... врал... и...

— Катрин?

Я замерла.

Медленно, очень медленно подняла голову, обернулась...

Эдвард стоял у камина, изумлённо глядя на меня.

— Что случилось?

— Ты ушёл, — всхлипнула я.

Эд округлил глаза и открыл рот — возразить, успокоить, удивиться... не знаю. Не важно.

— Ты. Оставил. Меня. Одну! — взвилась я. — Как ты мог?! Я чуть с ума не сошла! Мне знаешь, как было страшно?! Ты! Да ты! Ты-ы-ы!

— Тише, — выдохнул, юноша, хватая меня за плечи. — Тише, Катрин, успокойся.

Я всхлипнула и дёрнулась.

— Пусти!

Эд разжал пальцы.

— Извини. Я думал, что ты не успеешь проснуться.

А я успела!

Я насупилась и уселась у камина. А вот возьму и не извиню! Будет знать, как меня пугать! Да я, может, и без него бы справилась! И вообще...

Эдвард тяжело вздохнул и неожиданно улыбнулся.

— Катрин, держи. Это тебе.

...И вообще я самостоятельная и... и... чего я вообще так испугалась. Да он...

— Малина?

— Это так она в твоём языке называется? — рассмеялся Эд, глядя с каким энтузиазмом я тянусь к ягоде. — Красиво.

Я хмыкнула. И, только когда ягод осталось с мой кулачок, спохватилась:

— А ты не будешь?

Эд покачал головой.

Ну и ладно. Мне больше достанется.

Эдвард целеустремлённо метался из угла в угол, собирая чашки-еду-плащи и бросая всё это на стол. Молча.

Я заинтересованно наблюдала.

Малина кончилась, злость прошла, прихватив с собой страх. Способность здраво размышлять вернулась.

— Эдвард, мы уходим? — спросила я, наблюдая, как юноша устраивает из обрывка гобелена что-то вроде заплечного мешка.

Эд кинул. Забросил "мешок" за плечо, вытащил откуда-то полуистлевшую верёвку и принялся что-то там перевязывать.

— Уже?

— Мы и так слишком долго отдыхали, — пробормотал юноша. — Катрин, я боюсь, что вчера мы столкнулись со следопытами.

Надо же! А с виду — натуральные бомжи.

Я последний раз оглядела руины зала и, вздохнув, принялась помогать Эду.

Сборы много времени не заняли: вещей у нас — кот наплакал. Так что очень скоро мы уже шагали к лесу. Замок печально чернел позади, грустно вздыхало море, тоскливо стонал ветер. Да-да, я тоже буду скучать!

Эдвард осматривался, когда думал, что я не вижу. Хм... Я проверила, на месте ли кинжал (у-у-у, какая я кровожадная!) и поинтересовалась:

— А куда мы идём-то?

Эд долго молчал, прежде чем ответить:

— В Мэир. Это порт. Если границы открылись... вдруг, то оттуда можно уплыть аж на Изумрудные острова.

Да, мне это о многом говорит.

— Изумрудные острова, — протянула я. — Красиво звучит.

Эд смущённо улыбнулся и покосился на меня.

— Тебе нравится? Ты поедешь со мной, Катрин? Если мы, правда, сможем выбраться?

Я хмыкнула.

— Конечно, поеду, — а куда я денусь?

— Говорят, там лето круглый год, — мечтательно произнёс Эд. — И ещё это очень далеко. Так далеко, что там меня никто не найдёт...

Я улыбнулась.

— Главное, что никто не найдёт, да?

Эдвард обернулся ко мне и серьёзно добавил:

— Я просто хочу жить, Катрин. Чтобы меня, наконец, оставили в покое. Просто жить и всё...

— А я домой хочу...

Эд мягко улыбнулся, протянул мне руку... и замер.

Очередной порыв ветра принёс со стороны леса отдалённый, но всё равно чёткий собачий лай.

Мы с Эдом переглянулись. И дружно бросились в сторону моря.

Двух псин Эд подстрелил, когда я споткнулась о какую-то корягу — невесть откуда на этом поле возникшую. "Ещё собак пять — и дело в шляпе", — мелькнуло в голове... когда из леса, понукая лошадей, выскочили всадники.

Побледневший Эдвард жестом указал в сторону моря. Собственно, другого пути и не было — собаки, да и всадники живо отрезали дорогу к лесу. Только чем нам море-то поможет?

Спустя буквально минуту стало ясно, чем. Эд решил сделать заплыв.

Да, блин, это не Египет! Холодно, а-а-а-а!

Я затормозила у самой воды, не решаясь лезть дальше. Позади азартно лаяли псы, отрывисто переругивались всадники, а впереди вода пенилась о здоровенные валуны так, что если бежать, одной отбитой ногой я вряд ли отделаюсь. Впрочем, выбирать и на этот раз не пришлось. Эд ванькой-встанькой возникший из-за валуна, дёрнул меня за руку. Шаг — и берег неожиданно кончился.

Цепляясь за Эда, я ухнула в воду с головой, вынырнула, отфыркиваясь.

— ...влево, — донёсся до меня шёпот юноши.

Господи, какое счастье, что я умею плавать! Жаль только, к холодной водичке не привыкла. Здесь хоть градусов пятнадцать есть?

Проплыв под водой следом за Эдом влево, я скрючилась рядом с ним среди камней. Тело колотило, лицо то и дело окатывало водой и брызгами, а ещё приходилось дышать аккуратней, потому что в отличие от собак всадники в воду лезть не побрезговали и вполне могли нас если не увидеть, то услышать. Правда, с берега, там, где мелко. А потом кто-то умный решил спешиться и попрыгать по камням...

Эд знаком приказал мне нырять. А потом ещё пришлось бороться с течением и... Плавать в тёплом Красном море среди рыбок намного приятнее, чем в обжигающе-ледяной воде, которая так и бросает тебя о камень, так и бросает! Нам нужно было за этими камнями прятаться, то есть в идеале не шевелиться, но как — если тут прибой? Не будь рядом Эда, я бы давно пошла ко дну. Но он держал меня за руку и он же ладонью закрывал мне рот.

Ревело море, красиво пенясь у камней, раз за разом окуная нас с головой. Очень отдалённо, словно сквозь вату, доносились голоса всадников. Эдвард обнимал меня, сосредоточенно глядя вверх, на камни.

— Как только они появятся, ныряй и плыви к замку, — шепнул он мне на ухо.

Я замотала головой, пытаюсь возразить.

— Ваше Высочество! — завопили вдруг совсем не с той стороны, откуда мы ждали (ладно: я ждала).

Эдвард вздрогнул, оборачиваясь и с силой толкая меня в воду. Я и пикнуть не успела,

как окунулась с головой. Рука юноши разжалась, меня тут же подхватило течение и поволокло от берега.

Да чтоб вас всех!

Отфыркиваясь, я вынырнула, без труда нашла камни, где мы с Эдом прятались: сейчас вокруг толпились люди, кто-то даже прыгнул в море, стоя в воде по грудь.

Та-а-ак... "Плыви к замку" значит? А потом Эда уведут, я останусь одна — снова, и заметьте: абсолютно не обладаю навыками скрываться по деревьям и весям. А искать меня станут, это уже недвусмысленно дали понять и король, и лорд этот... как там его? Ну уж нет, такой вариант мне не подходит.

Кинжал лёг в руку, словно того и ждал. Я глубоко вдохнула и нырнула снова.

А! Умирать — так с музыкой!

Звуки в воде искажаются сильно. Кажется, травившие нас собаками господа пытались Эду что-то внушить. Причём на повышенных тонах. А у меня уже кружилась голова и не хватало воздуха. В общем, первые же ноги, топчущиеся под водой я и пырнула. Колготки, в смысле шосс, вроде не Эда. Да, точно! Красиво пырнутый свалился, да-а-а! Я снова ткнула кинжалом, на этот раз вслепую — судя по воплю, попала — и вынырнула.

В общем, имей я больше практики, больше кровожадности и хоть немного представляй, сколько на самом деле человек окружило Эда — всё бы могло получиться. А так, стоило вынырнуть, меня тут же схватили за шиворот и хорошенько приложили о ближайший камень.

Эдвард что-то кричал, по крайней мере, его голос я различила. Ещё, когда голова перестала звенеть, отчётливо слышала шёпот на ухо:

— Катрин, да? Ну-ка, убеди принца пойти с нами.

— Да пошёл ты, — сплёвывая солёную воду, прошипела я по-русски.

Меня тут же снова дёрнули и — вот класс! блеск просто! — прижали к горлу мой же кинжал.

Я замерла, очень-очень хорошо чувствуя шейей острое лезвие. Если вздохнуть чуть посильнее, кровь точно пойдёт...

— Хватит! — раздался голос Эдварда. — Я иду с вами. Отпустите её.

— Я думаю, принц, вы пойдёте вместе, — отозвался тот, что держал меня. — Давайте, Ваше Высочество. Вы же не хотите, чтобы у вашей подруги появилась ещё одна улыбочка? Или шрам на лице? Тогда отдайте лук. Хорошо. А теперь...

Что "теперь" мы так и не слышали. Рука с кинжалом у моей шеи дёрнулась и разжалась. Кто-то закричал, потом этих "кто-то" стало больше. А ещё через мгновение я поняла, что свободна и мягко оседаю в воду.

Господи, ну что опять?

Меня снова поймали за руку, на этот раз, слава богу, Эдвард.

— Что происходит? — с трудом выпалила я, глядя на корчащихся в воде людей. — Что...

В ответ Эдвард с силой прижал меня к себе и развернулся в сторону берега.

— Выходи, мальчик, — донёсся спокойный женский голос. — Я не собираюсь лезть за тобой в воду.

Эд вздрогнул и обречённо закрыл глаза.

— Ну же, мальчик. Не заставляй меня ждать.

Эдвард отпустил меня и, словно на привязи, медленно пошёл к берегу. Я мгновение

тупо смотрела ему в след. Потом нагнулась, подобрала упавший на камень кинжал и побежала следом.

На берегу нас ждала женщина — немолодая, с тонкими морщинками на лбу, в уголках глаз и губ, но явно красивая в молодости. Распущенные тёмные волосы трепал ветер (как и полы дорожной накидки), тонкие губы кривились в усмешке, чуть раскосые пронзительные глаза смотрели в упор: сначала на Эдварда, потом на меня.

"Ещё одна родственница", — мелькнуло в голове. А женщина, улыбнувшись одними губами, шагнула навстречу Эду. Схватила юношу за подбородок, поворачивая голову вправо-влево.

— Ну наконец-то, мальчик. Как, оказывается, трудно тебя найти...

Эдвард отшатнулся. Быстро повернулся ко мне.

— Катрин, уходи!

Я дёрнулась. И, к своему изумлению, выронила кинжал. Тело словно одеревенело и абсолютно не желало слушаться.

— Никуда девочка не уйдёт, — усмехнулась женщина. — Люди лорда де Лашете оцепили весь лес. Нет, мой милый, ни тебе, ни ей идти некуда. Так что вы поедете со мной.

Откуда-то появились ещё всадники. Женщина что-то произнесла и двое выехали вперёд.

— Скажи спасибо, мальчик, что я так вовремя вас нашла, — снова одними губами улыбнулась женщина.

Судя по взгляду Эда, у него много было чего сказать — и совсем не благодарностей. Но он промолчал. И молча же позволил одному из всадников посадить себя в седло. Только напряжённо следил, как второй пытается втащить на лошадь меня. Потом шепнул что-то своему всаднику, тот поморщился, но снял плащ и кинул мне. Я укуталась в него с головой, с трудом держась за луку. Тело била крупная дрожь — непонятно, то ли от холода, то ли от страха. Но, по крайней мере, сейчас оно меня более-менее слушалось.

Ну и к кому на этот раз нас занесло?

Глава 13

— Эд, — пробормотала я непослушными губами. Во рту пересохло, в глаза словно песок насыпали, по вискам тёк пот. Странно, учитывая, что меня морозило. Я попыталась укутаться получше, но тонкий плащ от холода не спасал. — Эд... вард!

В глаза вдруг ударил резкий, слишком яркий свет. Я дёрнулась, пытаюсь заслониться. Сразу откуда-то появились звуки — словно из ушей вдруг вату вытащили. Шорох, стук, чьи-то незнакомые голоса, произносящие непонятные мне слова.

Я вдохнула сильнее и согнулась в приступе кашля. Господи!

— Эд... вард! — задыхаясь, прохрипела я. — Эд!

Какая-то тень метнулась ко мне, заслонила свет. Я инстинктивно отшатнулась и вдруг почувствовала прохладную руку у себя на лбу.

— Тс-с-с, Катрин, тише-тише, — произнёс голос Эдварда. — Расслабься.

Я стиснула зубы, переживая внезапный приступ боли в животе. Тень перед глазами превратилась в расплывчатый образ Эда. Я облегчённо выдохнула. Он рядом. Хорошо. Я не одна.

В губы упёрся твёрдый край чашки. В нос ударил запах мяты, и к горлу тут же подкатила тошнота.

— Катрин, выпей. Пожалуйста, — голос Эдварда раздавался словно издалека.

Я попыталась отвернуться, но деревянный край ткнулся в губы настойчивее.

— Не надо, — попыталась пробормотать я, но в итоге чуть не захлебнулась прохладным мятным настоем.

Желудок снова скрутило — внутренности будто в узел завязались.

Что со мной?

— Чш-ш-ш, — шепнул Эд. — Всё хорошо. Отдохни, Катрин. Ты должна отдохнуть.

Да. Я посплю, и всё пройдёт. Может, я даже проснусь дома. Может, всё это просто очень затянувшийся сон.

Я с благодарностью закрыла глаза и провалилась в серый туман, почему-то пахнущий мятой. И Эдвардом.

В следующий раз, когда я проснулась, живот уже не болел — только чуть-чуть ощущалась неприятная тяжесть. Зато безумно страдало горло. А стоило вдохнуть поглубже — лёгкие взорвались в приступе кашля.

Я, стиснув зубы, попыталась не шуметь — вроде получилось. Немудрено, где-то рядом слышался гул голосов, кто-то орал песню — несвязную и наверняка неприличную.

Я с трудом выпрямилась и огляделась. Маленькая каморка, тёмная, грязная.

Кашель снова дал о себе знать, я согнулась, пытаюсь облегчить раздирающую грудь боль.

Прислонившийся к стене у двери Эдвард открыл глаза. Резко повернулся ко мне.

— Катрин? — хрипло шепнул он. — Как ты? — добавил мгновение спустя, оказываясь около меня.

Я молча помотала головой. Эд отвернулся, пошарил рукой и протянул мне чашку.

— Воды?

Чашка плясала у меня в руках, но, несмотря на холодную, почти ледяную воду, горло перестало скручиваться в спазмах, да и лёгкие уже не пылали, как раньше.

— Где мы? — возвращая чашку, выдохнула я.

— На границе Азвонии, — откликнулся Эд, внимательно вглядываясь в меня. — Катрин, как ты себя чувствуешь? Ты была без сознания три дня, я...

— Три дня?! — перебила я. — Господи! Что со мной?!

— Травник сказал, что ты наглоталась морской воды. А ещё у тебя был жар, я боялся, что ты подцепила лихорадку, — ответил Эдвард.

Морская вода, значит?.. Ну да, наглоталась, конечно. И наверняка простыла, отсюда и температура. Ну ещё бы — сколько я в воде бултыхалась.

— Мы едем в Азвонию? — пробормотала я, снова укладываясь на ворох соломы: перед глазами заплясали чёрные точки. — Почему в Азвонию? И как мы пересечём границу?

— Уже пересекли, — тихо произнёс Эдвард.

Я уставилась на него.

— Как? Ты же говорил, границы закрыты! Они открылись?! Мы можем уехать на эти твои... как их там... острова?

Эд покачал головой и грустно улыбнулся.

— Границы по-прежнему закрыты. Нам удалось проехать только благодаря леди Адриане. И я очень сомневаюсь, что она так просто нас отпустит.

Леди... Та женщина с пронзительным взглядом?

Я глубоко вздохнула.

— Кто она? Эта леди.

Взгляд Эдварда метнулся к закрытой двери.

— Леди Адриана де Сорсес, — тихо откликнулся юноша. — Придворный маг короля Азвонии.

— Маг, — эхом повторила я. — То есть она ведьма...

Эд молча кивнул.

Ну конечно... Моё тело отказалось мне повиноваться, напавшие на нас воины вдруг оказались не способны сражаться...

Господи, это когда-нибудь кончится? Ведьмы, магия, закрытые границы... Сумасшедший мир. Сумасшедший сон.

— И зачем ты ей? — тихо произнесла я, глядя на Эдварда.

Юноша прикусил губу и уставился в пол.

— Полагаю, она отвезёт меня к королю Азвонии.

— Как наследника, — закончила я, хмурясь. Что-то тут не сходилось. С наследником обычно лучше обращаются. А тут заперли в камере без удобств. Прямо тюрьма какая-то.

— Скорее как пленника, — Эдвард принялся чертить на пыльном полу странные фигуры. — А ещё точнее — заложника.

— Заложника? — удивилась я. Зачем, интересно, Азвонии заложник из страны, которая ко всему прочему ещё и закрыта для въезда-выезда? Ну, почти закрыта.

Эдвард искоса глянул на меня.

— Насколько я понял, ходят слухи, что наш король собирает армию мёртвых. В последний раз так было, когда он напал на Азвонию. Азвонцы проиграли и до последнего время платили довольно крупный откуп, чтобы ожившие мертвецы держались от их границ подальше. Сейчас они боятся, что король нарушит мирный договор.

— Вот даже как! — вздохнула я. Азвонцы, откуп, мертвецы, король-колдун вертелись в голове в хаотичном порядке, не складываясь в цельную картину. — Эдвард... что теперь с нами будет?

Эд глянул на меня и снова уставился в пол.

— Не знаю.

Я с силой прикусила губу. Господи, да когда же всё это кончится? Хватит. Я не могу так больше. Хватит.

Больше по наитию, не задумываясь, я потянулась и взяла Эда за руку. Сжала.

Юноша удивлённо посмотрел на меня. Я улыбнулась и закрыла глаза. Сон укутывал мягким, тёплым покрывалом, заставляя забыть все проблемы и просто... просто жить дальше?

Засыпая, я почувствовала, как рука Эдварда осторожно высвободилась — только для того чтобы прижаться снова. Наши пальцы переплелись, и от этого простого жеста стало тепло-тепло и очень спокойно.

Всё будет хорошо — пока он рядом.

Всё будет хорошо. Не может не быть.

Нет ничего "чудесней", чем трястись весь день в седле — поверьте на слово. Ха, это я раньше на сдвоенных лекциях думала, что знаю все прелести долгого сидения на одном месте. Ха-ха. К концу этого дня мне удалось узнать о себе много нового — например, о тех частях тела, о которых я и понятия не имела. Внизу болела каждая точка, каждая клеточка, вся попа и все ноги превратились в сплошной синяк, а, может, и кровавую ссадину. О, как я мечтала даже не просто оказаться дома, а потерять сознание. Когда меня лихорадило, ничего

подобного даже не волновало. Зато сейчас я сполна насладились всем букетом ощущений!..

В общем, когда мы, наконец, остановились у какого-то трактира, я, охая и кусая губы, съехала с седла и мешком свалилась на землю, думая, что сама точно не встану.

Эдвард дёрнулся было ко мне, но ему загородили дорогу. А меня подхватил кто-то (может, мой же всадник) и буквально волоком оттащил в какую-то комнатку. Точнее, каморку — маленькую, грязную и пустую.

Туда же скоро заявила неопрятная служанка, поставила передо мной тазик с водой и кружку с отваром. Отвар одуряюще пах мятой и приятно охлаждал горло, когда я в один присест его выпила.

С водой пришлось повозиться: хоть какого-то полотенца или даже тряпки мне принести и не подумали. Да и тазик оказался удручающе маленьким. Я кое-как обтёрлась, также кое-как умылась и натянула на мокрое тело всю эту "капустную" одежду. Очень хотелось помыть волосы, но оставшаяся вода посерела, так что я не стала и пытаться. Толку, если всё равно грязная...

Не успела я управиться с мытьём, как дверь распахнулась, и какой-то силуэт, напомнивший сопровождающих нас с Эдом всадников, что-то требовательно произнёс — я абсолютно ничего не поняла. Не дождавшись ответа, силуэт сунулся внутрь, схватил меня за шкуру и выволок в коридор.

Мда, феминисток на них нет. Я мечтала обладать хоть какими-то навыками рукоприкладства, в смысле, единоборства, или, на худой конец, знать местный язык — чтобы этому мужлану жизнь малиной не показалась. Пока что малиной (да что там — кислым крыжовником) она не казалась мне.

Комната, куда меня втокнули, была на порядок лучше каморки. Но, увы, Эдварда в ней не оказалось. Зато присутствовала та ведьма, как бишь её... Ариадна? Адриана? Высокая, статная, с распущенными тёмными, до пояса волосами, в синем платье... блию, то есть. Забавно, уж кому-кому, а ей бы и вовсе удобней было в штанах путешествовать. Тоже ведь верхом ехала, а одежду даже не измяла. Мда, на-а-авык...

Женщина стояла у окна, что-то там пытаюсь разглядеть в темноте, а я смотрела на соседнюю комнату. Сквозь щель открытой двери и косяка хорошо виднелась... ванна. О-о-о..!

— Итак, ты и есть Катрин? — тем же спокойным, властным голосом произнесла ведьма.

И, обернувшись, глянула на меня, как на блоху. Даже брезгливо поморщилась, мерзавка. Последнее особенно добило — я уставилась в ответ, да так, что глаза слезиться стали.

Женщина усмехнулась.

— Смелая. Интересно...

Смелая, ага. Потому что не знаю, чего бояться.

Я сморгнула слёзы и прищурилась.

Улыбнувшись, женщина прошла к креслу с высокой резной спинкой.

— Ты знаешь, кто я?

Глядя, как она садится — изящно, привычно подхватывая длинный "капустный" подол, так, что ткань ложится красивыми складками, — я прикусила губу и пожала плечами.

Женщина какое-то время разглядывала меня, потом повернулась к камину.

— Ты можешь звать меня леди Адриана, — высокомерно произнесла она.

— Где Эдвард?

Кажется, "леди Адриана" ожидала другой реплики.

— Тебе стоит вспомнить своё место, — холодно откликнулась она.

Ага. Уже.

— Моё место рядом с Эдвардом, — отдельно произнесла я, не опуская глаз.

Брови леди удивлённо поползли вверх.

— Изумительно. Девочка, ты мне всё больше и больше нравишься. Раньше я считала, что ты обыкновенная девка, которую юный Дебуа по странному капризу судьбы вытащил из подворотни. Но ты, похоже, та ещё плутовка... Расскажи мне о себе. У кого ты служила?

— Служила? — удивлённо повторила я.

— Именно, — руки Адрианы, облачённые в элегантные синие с золотом перчатки, покоились на резных подлокотниках. — Дай угадаю... лорд де Лашете? А, может, сам король? Хотя нет, конечно, нет... Итак?

— Я понятия не имею, о чём вы говорите, — отчеканила я, пытаюсь скрыть растерянность.

Адриана замолчала.

— Хорошо, — произнесла она, наконец. — Откуда ты?

— Не помню, — соврала я, отводя взгляд.

Леди усмехнулась.

— Чудно, — задумчиво протянула она. И уставилась на меня, как коршун на перепёлку.

Прошла минута. Две. Три...

Я переступила с ноги на ногу и снова с тоской покосилась на соседнюю комнату.

Ну и чего мы ждём?

Тяжело вздохнув, Адриана откинулась на спинку кресла.

— Изумительно. Просто изумительно. Тебя заколдовали, милочка!

Где-то я это уже слышала...

Я снова пожала плечами.

— Наверное. Не помню.

Леди мгновение смотрела на меня — и рассмеялась.

— Чудесно, просто чудесно. Меня ты не боишься, прочитать твоё прошлое никто не в состоянии... Сколько тебе лет?

— Восемнадцать, — отозвалась я, снова покосившись на ванну. Когда этот глупый разговор закончится?

— Смелая, отчаянная, молодая и к тому же девственница, — подытожила ведьма. — Очень хорошо, очень.

В горле странно пересохло, я тяжело сглотнула, чувствуя неприятный, металлический привкус.

Щёку ожгла резкая боль.

— Вставай, — вдруг приказала Адриана, возвышаясь надо мной. — Пошевеливайся, милочка.

Я потрясла головой и, шатаясь, встала. Когда я успела упасть на пол?

— Ты ужасно выглядишь, — поморщилась ведьма, подцепив пальцев мою прядь. — Идём. Только вшей мне ещё и не хватало.

И неправда! Вшей у меня точно нет!

— Ты будешь присматривать за Эдвардом, — заявила Адриана, глядя, как я пытаюсь

вымыть из волос дорожную пыль и морскую соль. — И докладывать мне. Обо всём. Что он говорит, что думает, что собирается делать. Поняла?

Шпионить? Для тебя? За Эдом?

— А вам зачем? — буркнула я, макая волосы в воду. — Вы же мысли читаете и всё такое. Сами, поди, можете.

Ведьма снисходительно улыбнулась.

— Девочка, волшебство помогает, но пользоваться им всегда — впустую тратить собственные силы.

Уж конечно. Зачем собственные — когда есть шикарная возможность потратить мои.

— Эдвард мой друг, — сообщила я. — И я не собираюсь его предавать.

— Друг? — рассмеялась Адриана. — Девочка, Эдвард — опальный принц и наследник двух государств. Его песенка спета, чтобы он — или ты — об этом не думали. Но он тебе верит — отлично! Будешь служить мне, и я устрою тебя во дворец. А может, даже дам азвонское подданство.

Я отпустила волосы и посмотрела на ведьму из-под мокрой чёлки.

— Зачем вам Эдвард? Что вы с ним сделаете?

— А это не твоего ума дело, милочка, — одними губами (зато сладко) улыбнулась ведьма.

Я хмыкнула и потянулась за полотенцем.

— Я не буду вам служить. И шпионить не стану. Ясно?

Здесь леди Адриане полагалось рассвирепеть и позвать стражу. А, может, выкинуть голую меня за дверь (поэтому я на всякий случай крепко вцепилась в полотенце). Или чего-нибудь колдануть.

Адриана улыбнулась и развела руками.

— Как хочешь, милочка. Но в таком случае я тебе не завидую.

Ага. Я себе тоже не завидую. И давно.

Эдвард ходил по комнате — из угла в угол. На столе стыл ужин (довольно бедненький), в камине весело танцевал огонь, на кровати валялась новенькая флейта.

Меня втолкнули в комнату и старательно закрыли дверь на засов.

— Катрин! — выдохнул Эд, бросаясь ко мне. — Ты в порядке?

Я увернулась, осторожно положила рядом с флейтой сменную одежду на завтра, распутала полотенце и потребовала:

— Отвернись.

Эд широко улыбнулся и круто повернулся к стене.

— Gloria Domini...

Чего "слава богу"? Какая-то расфуфыренная тётка с паранормальными способностями взяла нас в плен и невесть куда тащит. Впереди — ничего хорошего. А он — "слава богу"?!

— Тогда уж — Дьяволу, — пробормотала я по-русски. — Какой уж тут Бог...

Эд без спроса обернулся — я только-только справилась с сорочкой и решила, что этим и ограничусь.

— Катрин, я тебя люблю, — со странной нежностью глядя на меня, выдохнул юноша.

— Ага, — хмыкнула я, убирая одежду на лавку. — Я тебя тоже. Эд, ты будешь ужинать? Я голодная, как не знаю кто. И ещё: ваши лошади — великое зло. Срочно пора переходить на машины. А ещё лучше — на самолёты.

Эдвард, рассмеявшись, шагнул к столу, соорудил нечто вроде бутерброда и подал мне.

— А фы? — вгрызшись мясо, пропыхтела я.

— Не хочу, — покачала головой Эд. — Катрин, Адриана предлагала тебе стать её служанкой?

— Офкуда фы фаешь? — отдавая должное еде, прошепелявила я.

— И ты отказалась, — на губах Эдварда снова заиграла улыбка. Для разнообразия — печальная.

— Фа, — кивнула я.

— Дурочка, — вздохнул юноша, садясь рядом со мной. — Катрин, ты невозможная дурочка!

— Фам факой, — хмыкнула я, наслаждаясь его взглядом и бутербродом.

Не-е-е, может, я и дурочка. Но, это, чистую совесть ещё никто не отменял, а?

Под окном чего-то орали. Может, и не под окном. Не знаю — порой, казалось, словно со всех сторон кричат. Но одно и то же.

Больше всего меня бесило, что ничегошеньки непонятно. Вот прямо ничегошеньки.

— Эдвард? Ты спишь? — прошипела я в промежутках между криками.

— Да. И тебе советую, — мрачно откликнулся юноша, не поворачиваясь. — Завтра снова весь день в седле.

Очередной крик заглушил мой стон.

— Такое чувство, что там кого-то убивают, — пробормотала я.

— Скорее уж любят, — хмыкнул Эд.

Я ошеломлённо прислушалась и изумлённо выдохнула:

— А голос вроде мужской...

Эдвард всё-таки повернулся ко мне, содрогаясь от смеха.

— Катрин, откуда ты такая наивная, а? Касьон аморе это.

Я узнала слово "аморе". Умная я.

— Какая страстная у них аморе...

— У него, — задыхаясь от смеха, с трудом проговорил Эд. — В любви он признаётся. Даме сердца.

Я нахмурилась.

— Э-э-э... а дама что?

— А дама не слышит, поскольку, — икнув, закончил юноша, — далеко.

— Это ей повезло, — протянула я, слушая завывания за окном. Касьон аморе, получается, что-то вроде серенады? — Слушай, я теперь понимаю, почему эти... с молодыми жёнами тебя нанимают. Чтобы всякие под окном не орали.

Эдвард захохотал, покотившись по кровати.

— Катрин, ты невозможна. Напомни мне как-нибудь, я сыграю настоящую касьон аморе. Тебе понравится.

— А сейча-а-ас? — сложив губы трубочкой, провыла я.

— А сейчас гитары нет, — вздохнул Эд.

Я покосилась на окно.

— Слушай, Эдвард, я всё спросить хотела... Эти, как их, азвонцы, они на другом языке, что ли, говорят? Я их вообще не понимаю.

Эд лёг рядом, положил руки под голову.

— Ты и меня не всегда понимаешь. Но да. На азвонском они говорят. Конечно.

Ну, если на азвонском...

— А Адриана со мной не на нём разговаривала, — поделилась я.

Эд усмехнулся.

— Леди Адриана — придворная дама. Вполне естественно, что она знает другие языки, кроме родного.

Угу. Латынь, например.

Я потеряла краешек покрывала.

— А ты этот их... азвонский тоже знаешь?

Эд улыбнулся.

— Моя мать была азвонкой. Конечно, знаю.

Я пожевала губу.

— Научишь меня? Как-нибудь. Я тоже языки люблю.

— Как хочешь, — зевнув, отозвался Эд.

Я покосилась на окно. Вот бы иметь подоконник, горшок с цветком — и скинуть на этого кота мартовского с его серенадой. Да чтоб насмерть. Насмерть...

— Спи, Катрин, — пробормотал Эд. — Спи.

Я положила голову ему на плечо — да, как Камилла когда-то. Закрыла глаза. И спустя какое-то время услышала тихое, напевное:

— ...Swefns of summor niht cwФЧ hit, ЧФt wooer weardaЧ swa in niht sl?pЧ, m?n idesa sl'pЧ...

Я ничего не поняла, на старофранцузский и даже на местный, азвонский, это совершенно не походило, но надо отдать Эдварду должное — в отличие от чудака за окном у него получалось не в пример мелодичнее.

И я очень надеялась, что он поёт для меня.

Спустя три дня мы впервые оказались у какого-то большого города. Правда, большого, я тут таких ещё не видела. Одна стена крепостная чего стоит. И ворота. С завитушками — мило. Позолоченные. Блестят. И флаги такие забавные. Со львом и единорогом в венке роз. Класс.

Стражники нас приветствовали. И даже некоторые жители приветствовали, когда из-под копыт не шарахались.

Я сидела за спиной кого-то из всадников (они каждый день разные, хмурые и говорят непонятно, так что я давно оставила попытки познакомиться) и крутила головой, восторженно оглядывалась.

Суесящиеся люди, весёлый колокольный звон, жонглёры и кукольники, музыка гитары...

И только мрачный взгляд Эдварда отравлял всё радостное впечатление.

Хм... Это ведь ещё не столица... как там её... Азвонии. Нет?

Я перевела взгляд на виднеющийся вдали замок и вздохнула. Ничего. Прорвёмся. Наверное.

Глава 14

В зеркале отражался силуэт. Кажется, меня. Или, может, снующей взад и вперёд за моей спиной Аглаей.

Я протянула руку и осторожно коснулась золочёной рамы. Аглая пискнула и бросилась проверять, не собираюсь ли уронить драгоценность — мутное потрескавшееся зеркало величиной с плоску.

— Госпоша! — застонала Аглая, снова принимаясь бегать вокруг меня. — Вы есть не надо нервнищать! Вы быть спокойна. Только спокойствие есть красота для шенщина, — глубокомысленно заключила она.

Я хмыкнула и снова глянула в зеркало. Даже будь оно нормальным, новеньким и чистеньким, себя бы я в нём вряд ли узнала.

Сразу по прибытии нас с Эдвардом разлучили. Я ожидала очередной каморки, только не трактирной, а замковой. Если бы! Упирающуюся меня водворили в апартаменты из трёх комнат: приёмной, спальни и будуара, выделили служанку — Аглаю — и так оставили. Хотя нет. Ещё прислали парикмахера и портного, так что уже на следующий день я обзавелась новыми нарядами. Мда... я честно пыталась объяснить, что мне нужны пара блузок и брюки, ну, почти как у Эдварда. Или всадников. Или местных стражников.

Меня не поняли и одарили "капустными" одежками, не шибко меня вдохновившими. Так что следующие три дня превратились в кошмар — я привыкала "это" носить. "Это" довольно сильно отличалось от того, что я одевала раньше, даже у Эда в борделе. Во-первых, добавился лишний слой (на кой чёрт?), во-вторых, — оборки, в-третьих, длина подола достигала пола, а не щиколоток, как раньше. И ещё приходилось закрывать волосы тоненькой, полупрозрачной тканью. Поверьте, это неудобно, когда на улице ранняя осень. Это ещё неудобней, когда в комнате душно и жарко. И вообще, я теперь понимаю, почему все тут так боятся вшей.

Мои возражения и недовольства никто не слушал. Эда приводить тоже никто не желал. Они все тут притворялись глухонемыми в моём присутствии. Кроме Аглаи, но от неё помощи, как от курицы. Причём вдвойне глупой и скоростной. Как же меня донимает, когда она бежит за спиной... А-а-а!

И окна здесь маленькие (зато много) и выходят на какую-то стену. Ну просто караул!

— Госпоша не хочет сыграть в шахматы? — предложила вдруг Аглая, для разнообразия останавливаясь.

"Госпоша" не хотела. После того, как эта бегунья с куриными мозгами обыграла меня три раза — три! — играть в шахматы я зареклась.

— Госпоша не есть грустить, — вздохнула служанка. — Госпоша брать пример со Святой Алоизы.

Я сжала кулаки. Опять Святая Алоиза!

— Когда Святая Алоиза быть разлучена с церковью, она не есть грустить, нет! Она есть молиться и собирать еди... моно... едимono...

— Единомышленников, — поправила я. — Аглая, стража так и стоит у двери?

Служанка с видом "а куда ж она денется, твоя стража" вздохнула.

Что ж... Меня упекли в клетку, и что такого, если эта клетка золочёная? Примерно то же ждало бы нас с Эдвардом и у лорда де Лашете.

А что с Эдом сейчас?

— Я хочу прогуляться в саду, — объявила я.

Аглая снова вздохнула и, шепча что-то про Святую Алоизу, шагнула к двери.

Узникам, говорят, тоже разрешено гулять. А ещё молиться. Меня тоже отводили в какую-то церковь, но толку никакого. И исповедоваться толстому, похожему на хомяка

монаху я не желала. Знаем мы их тайну исповеди! К тому же ни одной молитвы я не учила, на латыни не гвоорила, так что мы просто друг друга не поняли.

Но, конечно, кому до этого было дело. Аглая и какой-то офицер (Или капитан. Чёрт разберётся в здешних воинских званиях) с грехом пополам объяснили, что если не исповедаться, меня объявят одержимой. Или ведьмой. Причём дикой. Я посмотрела на хомяка-монаха и решила, что ведьмой и одержимой хочу быть ещё меньше. Ну, и...хм... исповедалась. Но слова "mea culpa, mea maxima culpa" мои познания в латыни исчерпались и дальше я "исповедовалась" на русском. Объявили сумасшедшей. Класс!

Зато разрешили гулять в саду. Маленьком, три дорожки, две беседки. Но уже что-то.

Я чинно вышагивала рядом с Аглаей вокруг весёленького, в виде рыбки фонтанчика и смотрела, как садится солнце. Нет, природа здесь... ничего такая. Воздух ароматный, свежий. Ветер тёплый, ласковый.

Но как же тоскливо!

Если бы я согласилась служить Адриане, наверное, была бы свободна... Только, жаль, не от неё. Что хуже — жить в клетке или предать друга?

Аглая давно выпустила мой локоть и бегала от фонтана до ближайшей тропинки, рассуждая о том, как Святая Алоиза собрала паству и сказала Слово. Я как раз размышляла, не подставить ли ей подножку (или это будет совсем не богоугодно и меня опять припрягут к исповеди?), когда рядом послышался подозрительный шорох.

Я глянула на не унимающуюся служанку и шаг за шагом стала отступать к шуршащей беседке. Аглая продолжала тарахтеть как ни в чём не бывало, абсолютно не обращая внимания, куда уходит её подопечная. Естественно, садик маленький, вокруг — стража. Куда мне идт... ай!

— Извини, — шепнул Эдвард, поправляя виноградную лозу. — Я боялся, что ты не заметишь... Ох, Катрин, ну что ты!

— Я волновалась, — прошипела я. — Где ты был?!

— Тише, Катрин, тише, — прошептал, обнимая меня, юноша. — Ты не представляешь, как сложно сюда попасть. Так что чем дольше нас не найдут, тем лучше.

— Эдвард, давай сбежим, — заканючила я. — Меня никуда не пускают, даже к тебе, а только к какому-то хомякастому монаху и в этот загончик!

— Я знаю, — не спеша меня отпуская, отозвался Эд. — Мы не сможем сбежать, Катрин. Не в этот раз.

— Почему? — я уставилась ему в глаза. Отчего-то это успокаивало. — Ты же отовсюду можешь сбежать!

Эд слабо улыбнулся и покачал головой.

— Не отсюда. Пока я в замке и не уйду дальше внутреннего двора, на мои ухищрения будут смотреть сквозь пальцы. А из замка нам не выбраться. Адриана — ведьма, даже если сбежим, далеко уйти не сможем — найдёт.

Я прикусила губу. И что? Сдаться и сложить ручки?

— Эдвард... что нам делать?

Юноша снова улыбнулся.

— Ждать. Не бойся, Катрин, лучше послушай. Завтра приезжает лорд Октавий, он наместник южных провинции Азвонии. И сразу же по его приезду состоится совет Пламени.

— Почему пламени? — вырвалось у меня.

Эд нетерпеливо мотнул головой.

— Неважно. Тебя наверняка позовут. Что бы тебя ни спросили, уверяй, будто ничего не помнишь, ничего не знаешь и усиленно делай вид, что ты дуручка. У тебя это всегда хорошо получалось.

Я усмехнулась, и Эд схватил меня за руку.

— Катрин, пожалуйста! Чтобы ни случилось, ты никому ничего не должна обещать. Вот что... ты умеешь падать в обморок?

Я молча уставилась на него. Чего... зачем?

— Все придворные дамы умеют, — по-своему истолковал мой взгляд Эд. — Но ты... Если что-то пойдёт не так, ты должна убедительно потерять сознание. Неважно, что...

— Я тебя не оставлю, — мрачно перебила я. — А если они захотят нас снова разлучить? Я...

— Ты ничего не сможешь сделать, — повысил голос Эд. — Катрин, ничего! Слушайся меня, хорошо? Мы выберемся. Вместе. Только...

Снаружи вдруг зашумели, затопали. Рядом раздался голос Аглаи. Курица, наконец, опомнилась и звала меня.

Эдвард сжал мои пальцы, тут же отпустил и метнулся в заросли винограда.

Я, соорудив невозмутимую физиономию, степенно выплыла из беседки.

— Аглая!

— О, госпоша, я есть вас потерять, — засуетилась служанка.

Сопровождающие её двое стражников внимательно оглядели меня и шмыгнули в беседку.

— Госпоша, где вы быть? — поинтересовалась курица, хватая меня за руку.

Я покосилась на заросли винограда и пожала плечами.

— Устала от солнца, решила посидеть в тенишке.

— Так солнца не есть! — изумилась Аглая, бросая взгляд на сиреневое небо.

Я вздохнула.

— Да, уже совсем не есть... Пойдём в комнаты, Аглая. Мне надоело гулять.

Эдвард оказался прав — меня действительно вызвали на совет Пламени. Если верить Аглае — чуть не подпрыгивающей от возбуждения — с этим пресловутым Пламенем связана какая-то легенда. То ли местный пророк его преподнёс в дар королю тогда ещё азвонского племени, то ли это пламя рухнуло на пророка, а, может, на короля... Аглая так тархтела, пока укладывала мне волосы, что точно разобрать сюжет я не смогла. Зато очередной новый стражник — мальчишка моего возраста, с забавными усиками и очень значительной миной на лице — ясно объяснил, что я должна на этом совете делать. Сидеть в уголке и говорить правду, если спросят.

Да я вообще правдивая. И за уголок всеми руками и ногами. А, может, вы ребят колданёте и домой меня отправите, а? Хотя погодите... домой... Нет, только вместе с Эдом! Тут ему делать нечего, у меня он хоть точно ни с кем в родственных узах не состоит, претендовать ни на что не может. А то сил уже нет — в этой санта-барбаре участвовать...

Аглая с любопытством всё той же курицы пыталась проскользнуть в зал совета следом за мной. Не пустили. Хоть какое-то счастье в этой жизни — отдохну от её кудяхтанья.

Меня и впрямь усадили в уголок. Самый что ни на есть угол, я даже испугалась — ничего не увижу, когда главное начнётся. Пока-то всё просматривается: зал большой, овальный стол посередине... М-м-м, нет, не овальный. Дугообразный, но почти замкнутый.

Ну, как полумесяц. Дальше, партером — кресла. Моё на галёрке, но близко к проходу. Мда... А бинокли тут не дают? Ну, чтобы все действующие лица видеть в подробностях?

Офицерик, разъяснявший мои обязанности, похоже, за меня же и отвечал. Устроился рядом и смотрел, как волкодав, готовый укусить, если что не то сделаю. Хотя какой из него волкодав... так, левретка.

Ой, что-то я нервничаю... И живот скрутило. А туалет тут предусмотрен? А выйти дадут во время совета, или лучше на всякий случай про запас сбегать? А самое неприятное: как буду без Аглаи объясняться с моей левреткой... в смысле, волкодавом?

Заиграла музыка, взвыли трубы, офицерик рядом вскочил, прижав руку к сердцу. Я вздрогнула от удивления, изучила его вытянувшуюся, одухотворённую физиономию и чуть не пропустила главное действо: в зал чинно, сверкая и позвякивая — кто ритуальными доспехами, кто — ритуальными платьями, прошествовали десять человек.

Зря я боялась — на дополнительные стулья никто не сел. И чего было тогда нас в угол загонять? Хотя... нет, вон опять кто-то входит. Партиями их, что ли, запускают?

Музыка на этот раз была другой, но трубы остались. Передо мной устроился какой-то дед в шапке. Я заёрзала, пытаюсь подвинуть стул, чтобы эта шапка смотреть не мешала. Дождалась яростного взгляда от офицера-ливретки. Он ещё прошипел что-то, но на своём, на азвонском. Ладно, ладно, сижу спокойно, всё.

"Спокойно" кончилось, когда ввели Эдварда. Без музыки и с такой охраной, что для полного и убедительного впечатления "узник особо опасный" не хватало лишь цепей.

Отконвоировав Эда до стола, стражники рассредоточились по залу. Шапка впереди качнулась, закрыв обзор, так что дальше я только слушала.

Кто-то по очереди говорил. На своём, естественно, азвонском, так что ничерта я не понимала. Сначала вещал что-то мужской гулкий бас, потом, вроде, Адриана. Дальше — звонкий фальцет. И писк, от которого разве что уши не закладывало. Снова бас. И Адриана. И...

Очнулась я, когда раздался голос Эдварда. Тоже на азвонском, но слушать всё равно было приятно. Хоть и немного странно. Непонятные слова, официально-спокойный, даже усиленно спокойный тон. Ему вторил такой же спокойный голос Адрианы. Их перебил бас. Снова Адриана. Ещё немного Эдвард...

Я зевнула, встретила взглядом с офицериком и не выдержала — скорчила рожицу. Глаза офицера расширились, он зачем-то вскочил, помедлил и, решившись, бесцеремонно дёрнул меня за локоть... И тут я поняла, что в зале повисла тишина.

Та-а-ак, начинается.

Жалко, что в туалет про запас не сходила...

Меня поставили рядом с Эдвардом, но мы даже взглядами не встретились. Я попыталась повторить его равнодушную мину, но, вроде, не получилось. Так, что там — дурочкой притворяться? Это мы быстро!

На самом деле очень легко делать вид, что ты идиотка, когда не понимаешь, чего от тебя хотят. Какой-то чудик в алом и золотом, расплывшийся на полстола, повторил вопрос три раза. И наконец-то додумался перейти на язык Эдварда.

Меня, оказывается, просили рассказать про короля Дерика Дебуа.

Эд усиленно смотрел в сторону, зато пялились остальные. Обалденное ощущение — удав на кролика и то не так плотоядно смотрит. В общем, заикаться и "забыть" местный язык, когда у тебя коленки дрожат, легко донельзя.

Да, я честно попыталась отвечать. Вряд ли господин "полстола" что-то понял в мешанине русского и старо-новофранцузского, но я ему всё рассказала. Особенно о том, как меня сжигали. В подробностях!

Новый вопрос. А, про де Лашете узнать хотите? Извольте. Он такая...! И... и даже... У-у-ух, я б ему... Это по-русски было, конечно. Дальше меня пробрал истерический смех. А вы не замечали, что смех по звуку напоминает всхлипывания? Особенно, когда пытаешься его заглушить.

О, я так рыдала. Так рыдала...

Под конец господа совещающиеся что-то буркнули про Эдварда. Где я его нашла, какие у нас отношения и почему он меня спас, и ещё, кажется, не беременна ли я.

На меня и до этой "весёлой" ноты находил совершенно искренний хохот. А тут так разобрало, что я поняла: хватит. Эдварда компрометировать нехорошо, на совет я уже насмотрелась, ничего хорошего не скажу, а ну как они даже из моей болтовни какие-нибудь не те выводы сделают? И ну как не в нашу с Эдом пользу?

В общем, я покачулась в сторону моего офицера-левретки. И, всхлипывая, изобразила обморок. Я теперь знаю, это делается примерно так: закатываешь глаза, душераздирающе стонешь и, теряя равновесие, ждёшь, когда тебя подхватят.

Вместо того чтобы изобразить галантного кавалера, офицерик отшатнулся.

Я бухнулась на пол, выдала пару непечатных русских слов и, не открывая глаз, затихла.

Ну что, достаточно убедительно?

Кажется, грубое "появление" (а как по мне — вламывание) стражи в девичью спальню традицией здесь не было.

Я не хуже Аглаи вытаращилась на гавкающего караульного. Что он от меня хочет?

Караульный — офицер, наверное, нашивки как у моей вчерашней левретки-волкодава — замолчал, выжидающе глядя на меня. Лицо в неровном свете свечей злобное, глаза яростно блестят... Нет, если бы убивать явился, вряд ли вел бы со мной переговоры, да?

Очнувшись Аглая что-то твякнула, офицер гаркнул, и меня чуть не за волосы выволокли из постели.

— Эй! Что вы себе поз..., - заверещала я спросонья по-русски.

В унисон завопила Аглая, кинувшись ко мне, — нелепая в своём чепчике и сорочке. Служанку живо оттеснили, а затихшую меня поволокли к дверям.

Коридор, зала, анфилада, коридор, снова зала, и, наконец, чей-то кабинет — судя по обстановке. Роскошный для местных комнат — красивая резная мебель, очень массивная, целых три зарешёченных окна, горящий камин, какой-то гобелен с собачками...

В кресле у камина восседала Адриана в чём-то фиолетовом. Не то блию, не то накидке. По виду леди — она так и не ложилась. Забавно, я сама заснула только за полночь — здесь часы отбивал колокол и точно так же, как в стране Эда.

Кстати, сам Эдвард стоял напротив Адрианы и господина в чёрном, похожего на хорька. Сильно похожего — я на полном серьёзе ожидала увидеть у него хвост, когда лорд соизволит подняться.

В общем, меня втолкнули в кабинет. Что-то по-военному пролаял сопровождающий меня офицер. Адриана, Эд и хорёк моментально повернулись к нам. Ведьма, быстро меня оглядев, прошипела нечто, по тону приказное. Ничего не случилось. Тогда Адриана повернулась к хорьку и принялась шипеть на него, а я смотрела на Эда. Снова маска

равнодушия, но глаза... отчаянные. Кажется, моего принца загнали в угол. А, значит, и меня.

Я усиленно прислушивалась, пытаюсь разобрать хоть какие-то слова. Мы тут с Аглаей от нечего делать развлекались, подучивая чуть-чуть азвонский. Ничерта не получилось, но...

Хорёк что-то прорычал, держащий меня офицер вздрогнул и выхватил кинжал.

Сколько раз в этом сумасшедшем мире мне тыкали клинком в горло? Мда... и ведь не привыкнешь.

Я задрожала, как дурочка, глядя на Эдварда.

Адриана и хорёк тоже уставились на Эда. Хорёк что-то пробурчал — лениво так. И стрельнул глазками в мою сторону.

Клинок тут же прижался к горлу сильнее, я инстинктивно задержала дыхание...

Эдвард сжал кулаки так, что пальцы побелели. Посмотрел — как тогда, у помоста, где меня сжечь собирались. Вот тут-то я и поняла, что нам крышка. Что этот хорёк с ведьмой хотят от Эда, не знаю, но это что-то очень, очень нехорошее и мне определённо не понравится.

Эдвард опустил голову, повернулся к хорьку. У меня зашлось сердце. Сейчас он согласится. На всё согласится и наверняка из-за меня. Навязалась же я на его голову! И стою как беспомощная дура, обливаюсь потом, пытаюсь подавить дрожь и дышу через раз...

Хорёк улыбнулся, предвкушая. Повторил. Что-то принялась было говорить Адриана, но замолкла. Эдвард на мгновение зажмурился, вдохнул поглубже...

Дверь у меня за спиной распахнулась. Кинжал дёрнулся, оцарапал мне шею, я пискнула. А какой-то взлохмаченный солдатик пролетел мимо, бряцая сумкой с чем-то вроде брелоков. И, преклонив колени перед хорьком, протянул ему свиток. Хорёк взял. Развернул. Вчитался. И заревел...

Дальнейшее я не видела — меня так же грубо и бесцеремонно поволокли обратно в спальню. Хорошо хоть клинок убрали.

Позже, слушая причитания Аглаи и глотая какой-то отвар, я пыталась вспомнить, что орал хорёк. Служанка бы помогла с переводом, всё равно эта курица ничерта не соображает...

— Аглая... А что такое "эхерсито"?

Служанка на мгновение заткнулась, вытаращилась на меня.

— Госпоша... Это значить "армия". А где вы это слышать?

Я пожала плечами.

— Да так. Чудной у вас язык.

— Госпоша есть напомнить мне одну историю из житии Святой Алоизы...

...Армия? Какая армия?

Шея чуть-чуть побаливала. Аглая, кудахтая, приготовила какие-то примочки и не забывала их мне давать. Примочки жгли, но вроде бы так заживало быстрее. Не знаю, в зеркале — точнее, местной его версии — хорошо просматривались только сами примочки.

Ну и чёрт с ними.

— Госпоша есть успокоиться... Не волноваться..., - тарахтела моя курица.

А я и сама чувствовала себя птичкой в клетке.

Прогулки — даже на исповедь — запретили. Теперь я всё время либо бегала из угла в угол, пародируя Аглаю, либо торчала у окошка — ничего не видать, но всё же свежий воздух и звуки.

У дверей усилили стражу.

Эдварда я больше не видела. И это, честно говоря, пугало. Настолько, что спустя два дня полного молчания и неизвестности, я даже решилась спросить у караула, где мой принц. Караульные прикинулись глухими. И даже после того, как Аглая перевела.

На четвёртый день я совсем отчаялась и теперь бегала из угла в угол постоянно. Сидеть и чего-то ждать сил не осталось.

Сбежать из этой клетки бы не получилось — по крайней мере, у меня. Слишком маленькие окна, слишком много караульных у двери (можно подумать, я бы с одним справилась!) и, к тому же, идти мне некуда.

Оставалось ждать, а мне уже хотелось биться головой о стену от безысходности.

— И тогда Святая Алоиза сказать: "Не бояться мучений, но бояться нрава потери". И склониться перед ней есть люди, и стражи, и...

Я тупо смотрела в окно, в который уже раз слушая этот бред. Чем-то сладковатым пахло от камина. А может, снаружи. Наверное, караульные пьют? Вот бы до потери сознания... Хотя толку-то. О, господи, я не могу уже так больше. Хватит! Ну, хватит же...

Я прервалась, зевнула. Одновременно прикрыла рот ладошкой и Аглая.

— Тогда посадить Святую деву на осла и повести через Золотые ворота. И быть великий почёт и хвала благословлённой..., - Аглая снова зевнула. — Благословлённой...

Да уж. Полный почёт — на осле-то. Выдворили твою Алоизу из какого-то там града. И правильно сделали — достала, как ты меня...

Я прислонилась лбом к стене. Рядом замолчали и чем-то бухнули. Смотреть, что там эта курица вытворяет, не хотелось. Глаза слипались, дрёма казалась такой сладкой...

— Катрин! Катрин!

— М-м-м! — недовольно промычала я.

— Катрин!

Открывать глаза не хотелось совершенно. Кому там неймётся... ай!

— Прекрати! — путаясь в слогах, пробормотала я по-русски и всё-таки открыла глаза. — Эдвард?

— Наконец-то! — выдохнул юноша. — Катрин, умоляю, тише.

— А... Ага, — я зевнула и покосилась на дверь. — А как ты тут оказался? А почему ты такой... чумазый?

Эдвард схватил меня за руку и подтащил к камину.

— Катрин, мы уходим.

— Да? — хмыкнула я, пытаюсь продрать глаза. — А как? Ой! Эдвард? Эдвард, куда ты делся?! Только что здесь стоял...

— Катрин! — прошипел камин. — Залезай!

Я уставилась на него. Догадалась шагнуть внутрь, заглянуть в трубу.

— Ну! — провыла труба. — Катрин, скорее!

Интересно, это мне снится? А если снится, то и фиг с ним.

Я содрала с себя блио, сбросила обруч с накидкой и принялась ощупывать кладку. Словно по заказу под носом закачался жгут, оказавшийся чьим-то плащом. Уй, так очень даже комфортно.

— Спасибо, Эд, — промычала я, хватаясь за жгут.

Свежий ветер и яркое полуденное солнце быстро прогнали сон. Потирая ободренные руки, я зачарованно смотрела по сторонам и наслаждалась. Спустя две трубы и один туннель мы как-то умудрились выбраться на крышу — покатую, но с удобными желобками, сейчас сухими. А какой вид на город отсюда открылся! Солнце палит нещадно, извилистые, тонюсенькие улочки выются от площади перед замком, пронзая лабиринт громоздко-вычурных зданий с какими-то оборочками в виде статуй и обелисков. Развешаются по ветру флаги, поскрипывают и ловят солнечных зайчиков флюгеры. Тихо так, спокойно. Хорошо...

Эдвард зачем-то упал передо мной на колени и принялся то ли ощупывать мои ноги, то ли проверять подол сорочки, что-то при этом говоря.

— Туфли, Катрин! — раздалось сквозь завывание ветра. — Их нужно снять. И шоссы.

Обувь-то я скинула сама, а вот с местными чулками, почему-то именуемыми шоссами, пришлось повозиться.

— Катрин, посмотри на меня, — потребовал Эдвард, когда мы закончили.

Я посмотрела и с трудом сдержала улыбку. Чумазый, как угольщик! И золотые некогда волосы присыпаны таким слоем пепла, что сразу и не поймёшь, какого они цвета.

Эд растёр мне щёки, взлохматил волосы и кивнул.

— Катрин, теперь очень осторожно иди за мной. Не хватайся за трубы и смотри, куда наступаешь. У тебя голова не кружится?

Я фыркнула. Носится со мной, как нянька! В замке наверняка шум подняли и нас уже ищут. Время же, поди, поджигает!

Эд снова кивнул и медленно, осторожно направился к сверкающей на солнце трубе. Я — следом.

Мда, а тут и впрямь высокогато. А, блин, и штыри какие-то... Или это местная черепица? Один чёрт, идти неудобно. Скользкая...

Эд ловко схватился за шпиль и перепрыгнул на соседнюю башенку. Я замешкалась, невольно посмотрев вниз. Ой, мамочки!

Чумазая физиономия Эда выглянула из-за резной оградки (начерта они на крыше?) и сделала большие глаза.

Я закусила губу. Та-а-ак... Разбежаться бы — да места нет. В общем, я зажмурилась и попыталась вспомнить школьную физкультуру.

О да, физ-ра — наше всё...

Получилось!

Эд, быстро улыбнувшись, вновь побежал, а местами (теми, что без оградки) пополз по крыше.

Длилось это долго. Пару-тройку раз снова пришлось прыгать. Я обливалась холодным потом, скрещивала пальцы, кусала губы. Но Эдвард шёл дальше, и я старалась не отставать.

Крыши кончились неожиданно, плавно перейдя в крепостную стену. Ну, почти плавно, но этот деревянный мостик над "пропастью" я вспоминать не хочу. Снова башенка, но в неё мы вломились, слава богу, через окно.

Уф, пусто... Ура!

По стеночке, тенью мы метнулись к закрытому люку. Лестницу нам, конечно, никто не приставил.

Эд скользнул вниз и дал знак прыгать мне. Я в который раз впилась в многострадальные губы и свалилась на руки Эдварду. Всё, несите меня...

Так, чертыхаясь, мы добрались до двери — ура, не закрытой на засов или замок. А

оттуда — на площадь и — снова ура! Свобода!

Ох, мои бедные ножки, не привыкшие ходить босиком... Какие там красоты города, которым я восхищалась с крыши! Холодные или наоборот, нагретые камни, отбитый палец и металлический привкус во рту — вот и все впечатления.

Эд целеустремлённо вёл меня прочь от замка по лабиринту улиц, улочек и проулков. Пару раз мы утыкались в тупики и возвращались, пока, наконец, не остановились в какой-то подворотне, достойной того города, в котором я очнулась после Москвы. Спугнув пару кошек и голубей, Эд устроился за какой-то развалиной, бывшей, наверное, некогда домом.

— Эдвард? — шепнула я. — Что теперь?

— Ждём, — устало откликнулся юноша, закрывая глаза. — Пока не стемнеет. Катрин, можешь..., - дальше шло странное выражение, совершенно мне не понятное. Не дождавшись ответа, Эд открыл глаза, посмотрел на меня и вздохнул. — Проследи, чтобы нас не нашли, ладно?

— Ладно, — хмурясь отозвалась я. — Эдвард, скажи, а дальше куда? Адриана же нас быстро найдёт, ты сам говорил.

— Адриане сейчас не до нас, — отозвался Эд, зевая. — Катрин, пожалуйста... Я не спал три ночи... Давай... Поговорим... Позже...

Я, привычно закусив губу, изумлённо уставилась на спящего юношу. Три ночи! Это пока я жаловалась на Аглаю, дрыхла, как сурок, и наедалась от пуза? Эдвард-Эдвард... Что же они с тобой делали...

Солнце светило ярко, мусорная куча рядом смердела, в ногу ткнулся чей-то мокрый нос. Я ахнула от неожиданности и посмотрела вниз. Жёлто-коричневый щенок, умильно глядя на меня, завилял хвостом, трогая мою ногу лапкой.

— Ну что, будем сторожить, дружок? — хмыкнула я, прижимая колени к груди.

Щенок совсем по-человечески кивнул и устроился рядом.

Солнце медленно катилось куда-то за крыши, рассыпая напоследок сноп алых лучей. Небо порозовело, как запыхавшаяся Аглая. Вдалеке лаяли собаки и топали люди. Щенка, развлекавшего меня до вечера, унесла мать: деловито, за шкирку, настороженно косясь на меня. Щенок болтался у неё в зубах, умильно сверкая розоватым пузиком.

Ну а больше ничего и не случилось. Я почти задремала... Но стоило стемнеть, завыли собаки. Безутешно так, словно что-то предчувствуя. Где-то рядом запричитала женщина, ей вторил сердитый мужской голос, потом всё стихло.

Эд, вздрогнув, открыл глаза. Быстро осмотрелся и прижал пальцы к вискам.

— Эдвард? — шепнула я.

Слабая улыбка тронула искусанные, как и у меня, губы.

— Всё хорошо, Катрин, — Эд прислушался и добавил. — Ещё чуть-чуть и можем уходить. Ты голодная?

Я удивлённо помотала головой. А если да, он что, как волшебник, еду из воздуха достанет?

Эд снова прижал пальцы к вискам и поморщился.

— Ты хотела узнать, куда мы идём. И ты... должна... знать, — пробормотал он.

Я схватила бледного юношу за руку. Горячая.

— Эдвард, тебе нехорошо?

Снова эта грустная улыбка.

— Рано бояться, Катрин... Ка-тъа, — неожиданно нежно добавил он, сжав мои пальцы и ловя взгляд. — Сейчас совсем стемнеет, и мы проскочим через ворота. Я пойду дальше, к Фрэснийскому тракту, а ты обещай, что останешься и будешь ждать меня у стены. Обещай, Катрин!

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Эдвард, в чём дело? — медленно и очень-очень спокойно произнесла я.

Юноша до боли стиснул мои пальцы и вздохнул.

— Мой отец... призвал Проклятую армию, — выдавил он. — Сегодня к полуночи она будет здесь.

Я стиснула зубы. Так... Так-так-так... Что ж, ясно, почему воют собаки, мечутся люди и чем занята Адриана... Там, выходит, мертвецы за воротами разгуливают.

— Эдвард... Причём здесь ты?

Юноша опустил взгляд.

— Я попытаюсь их подчинить. Я не уверен, получится ли, поэтому ты...

— Получится? — перебила я. — Получится?! Эдвард, с Посланцами у тебя не получалось! В замке у короля у тебя не получалось! Ты рехнулся?! А зачем ты бежал от них десять лет, забыл?!

— Катрин, тише, — вымазанный в золе палец прижался к моим губам. — Проклятая армия — это не Посланцы. Это духи, Катрин. Они... ну почти демоны, только их можно призвать, скрепив договор кровью или душой.... Демоны Нижнего круга. Адриана считает, что Дерик... мой отец собирался вызвать их против де Лашете, но что-то пошло не так. А потом он, наверное, решил и из этой ошибки извлечь выгоду, снова поставив на колени Азвонию, потому что Проклятая армия движется сейчас к азвонской столице по Фрэснийскому тракту... Катрин, пойми, нам некуда идти, и если мне удастся скрепить моей кровью заклинание призыва... Дерик... отец же не знает, что я здесь. Наверняка не знает... И если получится, тогда все, все нас оставят в покое, и мы сможем уехать за море, может, даже на Изумрудные острова, — неуверенно закончил Эдвард.

Он, что, серьёзно?

— А если не получится? — скрестив руки на груди, поинтересовалась я.

Эд закусил губу и промолчал.

— Эдвард, — тихо произнесла я. — Давай сбежим. Просто сбежим, ну их, эту армию, давай... просто... А?

— Катрин, — вскинув голову, глухо откликнулся юноша. — Нам некуда идти. Мне некуда. Адриана знает, чьей кровью можно остановить Проклятую армию. А если у них не выйдет, меня оставят заложником для короля Фрэсны... моего отца. Это тоже дорогого стоит. А тебя будут использовать, чтобы "уговорить" меня. Катрин, ты этого хочешь?

Я ошеломлённо моргнула.

— Я... Но... Но должен же быть выход!

— Это единственный выход! — припечатал Эд, больше не глядя на меня. — Прости, Катрин, я втянул тебя в это. Мне не следовало...

— Да! Тебе следовало оставить меня гореть на заботливо разведённом твоим отцом костре! — перебила я. — Эдвард, хватит! Скажи честно: есть хоть малюсенький шанс сбежать, не ввязываясь в игры с армией и королями?

Эдвард поднял взгляд и тихо ответил:

— Нет.

Сейчас я бы с удовольствием присоединилась к воющим собакам...

Наверное, безумные вещи так и делаются. Спокойно, почти хладнокровно, с трезвым расчётом. По крайней мере, у Эдварда всё получалось именно так.

Я далека от мысли, что он не понимал, на что идёт, или сошёл с ума. Прекрасно понимал — намного лучше меня. Не могу с уверенностью судить, было ли так всегда, но Эдвард, которого я знаю, обязательно сбежал бы, найдись хоть маленькая лазейка. Он всегда сбегал — так или иначе. Раньше я назвала бы это трусостью. Раньше я не знала, как прошибает холодный пот, когда к горлу приставляют клинок, или под ногами горит костёр, а внизу у помоста беснуется толпа. Кто, может, и вправе его судить, так уж точно не я.

Знаю одно: смерти Эд боялся, как и я.

"Я просто хочу жить"...

Я никогда раньше не думала, как это оказывается страшно, когда ты бессилен. Раньше казалось — выход есть всегда, если ты достаточно умён, чуть-чуть удачлив, ещё лучше — красив и немного хитёр.

Не всегда.

Закат догорел, сгустились сумерки — слишком быстро, быстрее, чем раньше. На небе засияла луна и крупные, точно сверкающий горох, звёзды. Собачий вой не стихал, зато людей больше не было слышно. И ни фонарика, ни огонька — закрытые ставни, запертые двери. Сбежали все, что ли? Или попрятались?

Мы с Эдом пробирались пустыми переулками. Странно пустыми, точно мёртвыми. Я заранее дрожала от страха — вид готовящегося к нападению города не располагал к радости и мыслям о благополучии. Ещё меньше к ним располагала стража — наверняка усиленная. Вряд ли они в мирное время такими отрядами разъезды устраивают. Помню я, как мы через ворота проезжали — столько человек на площади и улицах — не протолкнуться. Но за теми, кто входит, следили куда сильнее, чем за теми, кто выходит. И в этом нам повезло.

Ночь, густые тени, неровный свет факелов... Выскользнуть из города оказалось куда проще, чем из замка.

Действительно, и Адриана и тот человек-хорёк наверняка были заняты армией, а не нами. И конечно, Адриана не знала, как с помощью Эда эту армию остановить. А если не знала она, ведьма, что может знать Эдвард? Будь хоть малюсенький шанс остановить этих Проклятых (или подчинить) — из замка нам бы уйти не дали.

А Эдвард всё равно решил попробовать. Неужели на что-то надеется?

Мы спустились с холма. Последняя стена, мост через реку, конечно, поднят. Хорошая река, быстрая, глубокая. Холодная, бр!

Купание под луной и звёздами, прекрасный принц, идущий умирать... Романтика, блин! — Катрин, — выстукивающий зубами от холода смертник — Шекспиру и не снилось! — Ты должна ждать меня здесь.

Ага. Уже. А ты один пойдёшь и умрёшь, как последний... герой.

Я кое-как уняла дрожь и твёрдо ответила:

— Нет.

— Катрин! — в лунном свете взгляд Эдварда казался не сердитым, а каким-то... мёртвым. — Ты сделаешь то, что я сказал!

О-о-о, "молчи, женщина". Ха-ха.

— А если нет? — подбоченившись, поинтересовалась я. — Знаешь, Эдвард, я в любом

случае за тобой пойду. Даже если сейчас "согласусь" остаться. Так что давай лучше вместе. Не так страшно.

Эд со вздохом опустил голову.

— Катрин, — вот, теперь и голос мёртвый, — ты знаешь, что демоны делают с девственницами?

Наверное, что-то ужасное.

— Во-первых, я не девственница, — солгала я. И не очень уверенно добавила. — Во-вторых, сказки всё это. Эдвард, серьёзно, хватит. Я замёрзла. Пошли уже, а?

— Катрин, — шепнул юноша. И куда громче продолжил. — Ты слабоумная, жестокая, лживая, упрямая девица!

Я улыбнулась, кусая губу.

— Спасибо за комплимент, — это я ещё тебя не описывала, смертник чокнутый!

— И только посмей умереть, — отчеканил Эд. — Я стану тебя преследовать в посмертии, как ты меня — здесь!

Да куда тебе до меня, принц-изгнанник!

Я сглотнула комок в горле.

— Учту.

Эдвард не ответил. Больше не глядя на меня, он отвернулся и направился к белеющей в стороне дороге.

А у страха, говорят, глаза велики... Не врут.

"Местные" демоны — если это, конечно, они — не впечатляли совершенно. Увидь я их в кино, долго бы ругала режиссёра. Что, ничего более эффектного не придумали? Я имею в виду, ничего более эффектного, чем... люди? Абсолютно, совершеннейшие люди, разве что невыразительные. Ну, в смысле, лица-маски. И движения как роботов.

А где клыки-рога-хвосты?!

Не смотри я на них с холма и не собирайся к этим людям-теньям спуститься, не испугалась бы совершенно. А вот Эдвард напрягся. Знает о них что-то такое, чего не знаю я?

Проклятая армия в полной тишине скользила по залитой лунным светом долине. И не было ей никакого дела до замерших на вершине холма фигурок.

А может, обойти этих... Проклятых стороной и податься к морю, как раньше хотели? А что, Адриана занята. Король с де Лашете наверняка тоже заняты — хотя бы обоюдной грызнёй. Чего мы-то крайние?

Эдвард, не оглядываясь на меня, стал спускаться. Луна высветила бледное лицо, кажущиеся светло-золотыми в серебристом свете волосы. Сжатые губы, сосредоточенный взгляд, подрагивающие пальцы.

Я перевела взгляд на демонов. Если Эд их так боится, значит, есть причина. Он-то точно храбрее меня.

Ох, ну вот, и мне жутко стало.

Стараясь не отставать, я побежала за юношей. Демоны, не демоны — одного не пущу! Я ему должна, между прочим. И вообще... вообще...

Все мысли как языком слизнуло, когда Эдвард выскочил на дорогу перед марширующей армией. И та остановилась — словно единый механизм! А ведь такая куча наро... э-э-э... демонов.

Эд тоже замер, напряжённо разглядывая первый ряд воинов. Мда... Даже на вид лёгкие,

и, кажется, какие-то струящиеся доспехи. А может, одежда у них такая? Шлемов, вон, нет. И похожи все, как братья. С кого их, интересно, лепили? И уставились на Эда как мышь на крупу. Чего ждут? Условного знака? Мы... точнее, Эдвард что-то должен сделать?

Минута тишины, две, три... Над ухом настойчиво зажужжал комар. Вот ему никакого дела нет до армий, демонов, королей, изгнанных принцев... Счастливый...

Не отрывая взгляда от кого-то среди рядов "безликих" воинов, Эдвард двинулся вперёд. В пяти шагах позади него пошла и я.

Демоны расступились — в полной, какой-то сонной или мёртвой тишине, не меняя выражений лиц, продолжая смотреть на Эда, пристально, зачарованно.

А Эдвард всё шёл. Вглубь армии, между рядов, сверху казавшихся отдельными "прямоугольниками".

Тишину пропорол хрип и почти человеческий вопль.

Я вздрогнула, быстро осмотрелась...

К нам скакал всадник. Один из немногих кавалерийцев среди этой пехоты. И такой же безликий, как и остальные, если не считать наряда. Серебристая одежда-доспехи на других, на нём была чёрной.

Завораживающее зрелище, если честно. Спокойное, бледное лицо, острый взгляд, отливающие алым зрачки (и, кажется, светящиеся), развевающиеся по ветру длинные тёмные волосы. Чёрная, струящаяся одежда, меч у пояса (Или жезл? Чем тут демоны сражаются). А ещё колоритный конь — чёрный, с глазами — алыми фонариками, издающий звуки, как заправская камера пыток, только что тихая. Всхлип, стон, хрипение, снова всхлип... Всё это очень гармонично выписывалось в полную сонного марева картину. Очень.

Эдвард остановился, поджидая всадника. Тот шагах в пяти от юноши осадил коня.

Я стиснула зубы, теребя пальцами рюши на вороте замызанной сорочки, а эти двое вперились друг в друга, словно борцы сумо перед поединком. Хуже всего, что остальные демоны продолжали смотреть на Эда, минуя меня. От этого становилось... не по себе. Ещё луна и сонная тишина... И...

Может, стоило всё-таки остаться там, на холме. Эд бы сам спустился, разобрался, а нет — демоны прошли бы стороной... от меня... и всё... Все бы считали, что я погибла с Эдом... да и кому я без него нужна...

Я с силой закусила губу. Трусиха! Да ещё и эгоистичная. Без меня Эд давно бы сбежал от всей этой своры. Может, никогда бы и не попался... наверное...

В любом случае — хватит трястись!

Тишина длилась и длилась, Эд и демон не шевелились, и я чудом не пропустила момент, когда всадник соскользнул с лошади и красивым плавным движением опустился на колени, протягивая Эдварду обнажённый кинжал. Эд шагнул ближе, взял клинок и, словно выполняя часть ритуала, полоснул себя по ладони и вытянул руку.

На серебристую в лунном свете землю медленно капнула тёмная, почти чёрная кровь... И, стоило первой капле затеряться в пыли, демоны, все как один, тихо и спокойно, не меняя выражения лиц... упали перед Эдвардом на колени. А тот, в чёрном, наоборот поднялся, шагнул ближе, прижал ладонь к груди и гулким, но вполне человеческим голосом отрывисто произнёс:

— Мы приветствуем нашего Повелителя. И ждём его приказаний.

Эдвард шумно выдохнул, пошатнулся и обвёл неверящим взглядом армию демонов. Одинаковые коленопреклонённые фигурки, в лунном свете кажущиеся струйками тумана.

Замершего предводителя в чёрном. Меня.

— Получилось? — одними губами произнесла я.

Эдвард моргнул и медленно, нерешительно кивнул.

Я глотнула холодного, ночного воздуха и шумно выдохнула.

Получилось?!

Я ожидала, что Эдвард распустит армию. Прикажет этим коленопреклонённым истуканам валить в своё пекло и не возвращаться.

Или поведёт на город, откуда мы сбежали.

Эдвард приказал ждать. И двинулись мы только утром, с первыми солнечными лучами. Медленно, подстраиваясь под мерный шаг пеших. Нам с Эдом выдали коней. Да, тех забавных "пытчных". Утром они, правда, молчали. И шли медленно, красиво так, что даже я не испугалась сесть в седло одна. Тем более, что Чёрный предводитель (Как-то его, наверное, зовут? Надо попросить Эдварда узнать) сказал, что эти кони седоков не сбрасывают никогда. Что ж, поверим.

Эдвард молча ехал справа от меня. Кони чеканили шаг, демоны тоже... По небу поднявшийся ветер гнал золотистые облака. Я зябко ёжилась, но одежды, в отличие от коней, у демонов для нас не нашлось.

Забавно, они действительно подчинялись Эдварду. Во всём. Любой приказ исполнялся быстро и чётко. Или также быстро и чётко следовало объяснение, почему он не может быть исполнен. А вот меня те же демоны как будто не замечали. Не смотрели, обходили стороной, делали вид, что меня нет. И ещё более странно, что это не казалось чудным. Чего ждать от роботоподобных безликих людей?

Эдвард сосредоточенно молчал, а я пока не решалась расспрашивать. Он меня не оставит и в обиду не даст — это главное.

Но вообще, будь у меня такая армия, первым делом завоевала бы тот город, откуда мы удрали. Да... Обосноваться там и тыкать кинжалом в того хоряка, который мне угрожал. И... и...

Может, Эд это и хочет?

К полудню мы подошли к воротам. Запертым, что естественно. На стенах — никого. И тишина...

Ну? Кто нас тут обижал? Щас всех порвём!

Эдвард переглянулся с Чёрным. Тот абсолютно ничего не сделал, но войско остановилось, не приближаясь к воротам вплотную. Хм... Значит, штурмовать не будем? Осада?

Эдвард выехал вперёд. Я, держась чуть позади от него, тоже.

И тишина. Мёртвая. И демоны без кос стоят... хи-хи.

Ворота открылись внезапно, хоть я этого и ждала. Вот только вместо воинов они выпустили обычных горожан. Кажется, даже невооружённых. Весь совет Пламени впереди. Дальше те, кто были в зале и сидели в партере. Потом — обычные, намного беднее одетые горожане. Они шли и шли, пока пустое место между нами и воротами не заполнилось молчащими, хмурыми людьми. Остановились.

Вперёд вышел тот самый человек-хорёк (Что, тварь, выкуси! Помнишь, как мне угрожал, а? Сейчас напомним!). Замер в нескольких шагах от Эдварда. И не успел открыть рот, как Эд заговорил. На их языке, что печально — ничего непонятно. Быстро, но чётко, хоть голос

иногда и дрожал.

А когда замолк, воцарилась всё та же тяжёлая тишина.

Я осматривала этих... советчиков, но по их лицам фиг поймёшь, смерть им пообещали или... Хотя какое там "или"? Они нам угрожали! Всё!

Простой народ "на галёрке" в задних рядах вдруг заволновался. И, обтекая "советников", повалил вперёд.

Эдвард зачем-то спешил. Демоны у нас за спинами заволновались, придвинулись было к Эду, но тот поднял руку и они снова замерли равнодушными изваяниями.

Кто-то крикнул что-то вроде: "Салвадо". Или как-то так. Момент был не тот, чтобы спрашивать у Эда перевод, так что я просто смотрела. А происходило что-то чудное, совершенно, абсолютно чудное.

Крик подхватили. Буквально через минуту все, кроме советников скандировали это "салвадо" на разные лады.

Когда же они хлынули к Эду единым людским потоком, я судорожно сжала в руках повод, чувствуя, как сердце буквально рвётся из груди. Что... что они хотят? Что они делают?!

А горожане окружили Эда и улыбались, и кричали это "салвадо"... Отличный момент для наёмных убийц — почему демоны ничего не делают?! Я уже открыла было рот — приказать (может, послушаются хоть раз?), но тут Эдварда вдруг подхватили на руки, как у нас — героев или звёзд шоу бизнеса. И продолжали скандировать своё "салвадо", улыбаться...

Суматоха царила немыслимая, все кричали что-то по тону радостное, смеялись. А позади замерли послушные каждому слову Эдварда демоны и не делали ничего, чтобы это остановить.

Эда усадили на руках, повернули, кажется, собрались нести в город. Я поймала взгляд юноши и обомлела. По-детски испуганный, удивлённый и... тоже радостный?

— Что происходит? — тихо выдохнула я, теребя поводья.

Стоящий рядом Чёрный неожиданно откликнулся:

— Они приветствуют освободителя, госпожа.

Я прижала ладонь ко рту, глядя, как улыбающиеся горожане потащили Эдварда к воротам.

— То есть... они радуются?

— Да, — отстранённо произнёс демон. — Господин объявил, что не желает им зла. Что они свободны. Они радуются.

Эдвард, извернувшись в несущих его руках, поймал мой взгляд.

И ликующе улыбнулся.

Глава 16

И вечер летний был свеж и криклив... Криклив — не то слово! Я металась по внутреннему замковому дворику, а из-за стен, толстых и многочисленных, даже сюда доносились радостные возгласы, не менее радостные песни и совсем уж счастливое "салвадо".

Город праздновал. Город веселился. Город танцевал и пировал. И это всё тот же город, который ещё вчера собирался нас с Эдом убить!

— Дурак, — шипела я сквозь зубы, бегая туда-сюда по тропинке. — Идиот!

Прислонившийся к увитой плющом стене мой единственный собеседник — Чёрный — всячески изображал предмет обстановки. С такой невозмутимой физиономией ему это отлично удавалось. Хотя сейчас на пьедестал и всё под тот же плющ.

У-у-у!

А "дурак" и "идиот" Эдвард тем временем праздновал вместе с горожанами. Правда, не забыв приставить ко мне караул в лице Чёрного.

— А если его там прихлопнут, а? — взывала я, в очередной раз пробегая мимо "статуи". — Они нас убить хотели! Убить! И он думает, что теперь не хотят? Ну как он может! А? Он охрану взял? А? А?! Взял, я спрашиваю?!

"Статуя" молчала. Говорить со мной Чёрному не приказывали. Только охранять. И не пускать в город. У-у-у-у!

Я выругалась на русском и вломила в заросли виноградника. Уже потемневшие ягоды соблазнительно покачивались прямо перед лицом. Вот за эти-то ягоды я и взялась, за каких-то пять минут расшвыряв гроздь по тропинке.

— Идиот! Ох, ну попадись мне только! Забыл, как умирать шёл?! — вопила я, представляя на месте зарослей Эда. — Один раз — один-единственный раз повезло — так сразу давай творить добро направо и налево? Да?!

Со стороны калитки кто-то зашебуршился. Чёрный встрепнулся, а я даже бровью не повела. Рвать листья-ветки-ягоды куда веселее, чем глядеть на очередного офицера в предобморочном состоянии. Когда Чёрный меня по замку вёл, такого насмотрелась! И бледнели господа военные, и краснели, и лицом дёргались... Но никто дорогу не заступил. Правильно, всем жить хочется.

В общем, раздирала я заросли, не обращая внимания на копошение, пока не услышала радостно-взволнованное: "Госпоша!"

Бли-и-ин!

Аглая растрёпанной курицей вывалилась на тропинку, столкнулась взглядом с Чёрным и, картинно схватившись за сердце, начала оседать — ну как взбитые сливки, на желе слишком долго пролежавшие.

А-а-а... так вот, значит, как это в идеале делается!

Чёрный с интересом леди, заметившей в супе муху, изучил даму в обмороке и снова невозмутимо вперился взглядом в пространство.

Я повернулась к зарослям. И, спустя мгновение за спиной снова зашебуршились.

— Госпоша! О, госпоша! Я... мы есть очень скушать!

Я обернулась. Ага, тоже жить не могу без твоей Алоизы!

Рассмотрев мою всклоченную, чумазую и в целом совершенно неопрятную физиономию, Аглая снова схватилась за сердце.

— Госпоша! Где есть ваша одешда! О, святые угодники, вы же есть совсем голая!

Тоже мне — повод для обморока. Я потянула ворот. Нормальная сорочка! Эта клушка её ещё ночью не видела, когда я из реки вылезала.

— Госпоша! — засуетилась Аглая. — Вы есть идти со мной! Идти! Вас есть нужно искупаться и переодеться! Вы есть... это... Госпоша!

Вот так кудяхать она может до посинения. Я отшвырнула очередную гроздь и протянула "курице" руку.

— Пошли уже.

Аглая, поглядывая в сторону Чёрного, торопливо схватилась за меня и, принявшись что-

то лопотать про злобных духов, крадущих девственников и делающих с ними страшные вещи, потащила меня к калитке.

Злобный дух с невозмутимостью стенки потащился следом.

— Госпоша не быть должная так делать! Госпоша надо лечь и спать!

Я плеснула в кубок ещё вина и мрачно уставилась на Аглаю.

Чёрта с два я лягу!

— Так, говоришь, "салвадо", по-вашему — спаситель?

— О, да! — воодушевилась дама. — Принц Эдвард есть так добр! Если бы не он...

Я залпом осушила кубок. "Принц Эдвард"! Где-то я это уже слышала. Добр, мудр, велик...

Я пододвинула себе кувшин с вином, думая, а стоит ли наполнять кубок снова или пить так, с горла?

— И есть такой красивый, — мечтательно протянула клушка. — Госпоша есть так везти...

"Госпоша" поперхнулась.

— И так есть заботлив, — вздохнула Аглая, расчёсывая мне волосы. — Он, наверное, есть очень волноваться о вашей безо... безо... спасении и есть давать вам своего лучшего солдата.

"Лучший солдат" невозмутимо пялился в окно.

Я захохотала, дёрнулась и тут же взвыла от боли, когда костяной гребень запутался в волосах.

— Безопасность? Да неужели! — истерический смех забивал горло, мешал говорить. — Сам-то он где, этот красавчик? Это я волнуюсь! А он? Празднует!

Я смеялась, а Аглая хлопотала рядом с какими-то ароматическим солями, водой и пресловутым гребнем. Закончилось всё, когда я опрокинула кувшин — к счастью не на новую сорочку — и отправила клушку за вином.

И сразу настала блаженная тишина. Чёрный смотрел в окно, я цедила последний кубок. И скрип двери совершенно не вписывался в эту идиллию.

— Аглая, поставь вино и иди, — буркнула я, расплывшись в кресле и чувствуя себя выброшенной на берег медузой.

— Катрин, — вздохнул Эдвард, неожиданно возникая в поле зрения. — Тебе уже хватит. Пойдём, я помогу тебе лечь.

— А-а-а, — в упор глядя на него, протянула я. — Яви-и-лся! Ну как? Хорошо повеселился?

Эдвард снова терпеливо вздохнул и сделал попытку вытащить меня из кресла. А я от души влепила ему пощёчину. И, смотря в потемневшие от изумления глаза, закричала:

— Где ты был, а?! Оставил меня с этим... этим... этой стенкой?! А сам развлекался, да?! Развлекался?! Ты хоть представляешь, как я волновалась! А если бы тебя убили! Спаситель, ты посмотри! Добренький! Думаешь, построил милосердного идиота — и всё, тебя теперь все полюбят? Не боишься удара в спину?! Ты что, не понима...

На этой яркой ноте мне закрыли рот рукой, всё-таки выдернули из объятий кресла и потащили к кровати. Я вырывалась, махала руками, ногами, вопила. Где-то на заднем плане слышалось кудяхтанье Аглаи, гулкий невозмутимый голос Чёрного и вдруг р-р-раз... Всё стихло.

— Я сделаю всё, чтобы ты была в безопасности, Катрин, моя леди. Даже если ты будешь против, — выдохнул Эд мне в лицо. Эд, почему-то уже без рубашки. Эд...вард...

Кажется, я прошептала это, пытаюсь в уплывающем сознании удержать его усталое лицо...

Всё-таки не стоило, наверное, столько пить. Не помню, кто первый начал: я ли потянулась к его губам или он? А главное, зачем? Скорее всего, я. Помню, он ещё шептал что-то вроде:

— Ты даже не представляешь, как нужна мне...

Ну, и так далее.

Это было так... волшебно, что ли? Так... волнующе? Дикое желание стать одним целом, слиться, не отпускать никогда... никогда... никогда...

Пока этот чудик не оторвался с всхлипом:

— Катрин, нет. Хватит.

Я тупо уставилась ему в глаза. То есть... он всё это не чувствует... и... ему... не... ему не понравилось?!

Эдвард слабо улыбнулся и нежно провёл пальцем по моим губам.

— Не так. Не сейчас, Катрин. Ты сама пожалеешь. Спи. Спи, котёнок.

Какой я тебе... ко...тё...нок...

Вставать безумно не хотелось. И, если бы не солнце, бьющее прямо в глаза, я бы всё-таки уткнулась носом в подушку и продолжила себе блаженно посапывать. Но яркий свет мешал — надо идти и задёргивать шторы.

Жмурясь, я попыталась сесть. Наверное, слишком резко — голова взорвалась болью. Йо-о-о, сколько же я вчера выпила. И по какому поводу?

Сознание помахало оттопыренным средним пальцем и работать отказалось. Мда... Наверное, что-то с девчонками отмечали...

Я потёрла глаза — до боли, до красных кругов — пару раз моргнула и нацелилась всё-таки закрыть окно... когда взгляд зацепился за золотистые локоны колечками... обнажённую грудь... руку рядом с моим бедром...

Эдвард! Пришлось прикусить губу, когда все, наконец, встало на свои места. Пила я вчера во славу этого идиота, штор на окнах нет и быть не может, зато есть занавеси балдахина и где-то тут должна быть такая кисточка, чтобы её дёрнуть и... в прошлый раз вся конструкция чуть не свалилась мне на голову, а Аглая долго кудахтала, причитая и выпутывая меня из занавесок.

Так... кувшин вина я вылакала, потом явился этот... чтоб его, спаситель. И мы... я...

Я задумчиво провела пальцем по губам, пережидая очередную порцию головной боли. Страшная вещь — похмелье...

"Ты сама пожалеешь".

Я стиснула зубы. Бли-и-ин, какого чёрта я вчера вообще... что на меня нашло?!

"...котёнок".

Котёнок? Я медленно повернулась к спящему юноше. Котёнок?! Он меня вчера в таком состоянии видел... Он меня вчера до такого состояния довёл! А сейчас — спит?!

Первый удар подушкой пришёлся по груди. Эд вскинулся, но второго удара — меткого, по голове — не избежал.

— Катрин?

— Спи-и-ишь? — протянула я по-русски. — А вот фиг тебе!

— Катрин, да что с тобой? — хриплым от сна голосом произнёс Эд, схватившись за свою подушку и выставляя её перед собой, как щит. — Что на тебя нашло?

Сейчас я тебе скажу, что на меня нашло! Сейчас я тебе всё...

— Ты меня вчера... — стоп. Нельзя жаловаться на поцелуй. Это же я вчера... И вообще — забыли! — Ты меня вчера волноваться заставил! Вот!

— Катрин, ты можешь перестать говорить на этом странном языке? — попросил Эд, выглядывая из-за подушки. — Я его не понимаю.

Вместо ответа я врезала ему подушкой.

Как говорится, слово за слово и получил ёжик... Эд в долгу не остался и коварно подрёб под себя ещё одну подушку. А потом сбил одеяло так, что получилось нечто вроде стены... укрепления, не знаю. В общем, не подкопаешься. И забивал меня чем попало оттуда. Пытался, точнее. Я обошлась одной подушкой — и куда эффективнее.

В общем, спустя полчаса мы, хохоча, катались по комнате, в воздухе летали перья, пыль и так ярко и красиво сверкало солнце...

— Катрин, ты чудо, — улыбаясь, произнёс Эдвард, утыкаясь носом мне в волосы. — А что случилось-то?

Я вздохнула. Сил злиться не осталось. По идее, ещё часок бы поспать...

— Ты оставил меня с каким-то... духом и ушёл праздновать. И вообще, почему ты не послал этих горожан к чёрту? Они ещё позавчера не сильно-то нас любили.

— По-твоему, лучше было бы их за это убить? — серьёзно произнёс Эдвард, перекатываясь на бок и внимательно глядя на меня. — Не останавливать Проклятую армию, сжечь город, сотворить живых трупов? Так?

Я нахмурилась.

— Ну... Можно было просто обойти стороной. К тому же, мы на Изумрудные острова собирались...

Глаза юноши странно сверкнули.

— Изумрудные острова... Катрин, мне никогда не было так хорошо, как вчера. Всем всё время было плевать, что со мной, как я... Кроме Матушки Ганз, но это другое. А вчера — извини, я не знаю, как это объяснить — я сначала хотел распустить армию, но когда они провозгласили меня Освободителем, просто не смог...

Да, популярность — страшная вещь. Опьяняет. И уже не на какие острова не хочется.

— Я всё равно не верю им, Эдвард! — встала я. — Извини, но я слишком хорошо помню того хмыря, который мне в горло кинжалом тыкал.

Эд улыбнулся.

— Я тоже. Но тому — кстати, кто такой "хмырь"? — офицеру приказали. Я не хочу сжигать город только из-за десятка лордов, решивших, что они наши враги.

— Но власть именно у этих лордов, — заметила я. — Ты думаешь, что если у нас появилась Проклятая армия, мы в безопасности?

Улыбка Эда стала грустной.

— Нет. Поэтому ты будешь под охраной. Всегда. Извини, Катрин, но я слишком боюсь за тебя и...

— А я боюсь за тебя, — перебила я. — Почему ты без охраны?

Эд закрыл глаза и тяжело выдохнул.

— Так надо. Мне не будут верить, если я стану таскать с собой Проклятых. Пойми,

Катрин, я могу о себе позаботиться. Лучше, чем ты.

Я прикусила губу. Что-то в этом было неправильным, но я не могла понять, что. Пока не могла.

— Поспи ещё немного, — добавил Эдвард, укрывая меня одеялом. — И не пей больше. И будь осторожна.

Я фыркнула.

— Спи сладко, котёнок, — шепнул Эд, неожиданно целуя меня в щёку.

— Не называй меня котёнком!

Этот... чудик только хихикнул и, схватив плащ, метнулся к двери — провожаемый моей подушкой.

Тёмная фигурка возвышалась у окна туманным сгустком — нереальная и неуместная в ярком солнечном свете.

Я подавила дрожь и желание натянуть на голову покрывало.

— Опять ты...

Ноль эмоций.

— С добрым утром, — вздохнула я, опуская ноги.

Бр, пол холодный! Тут тапочки вообще не предусмотрены? Я честно искала их под кроватью и рядом, но тщетно. Ла-а-адно... ну а ванна где? Покои не мои, там ванна была в какой-то комнате слева от спальни. И такая печка ещё, коптила вечно. Та-а-ак... А, всё, нашла. Тут справа.

Хм. А воду где брать?

Я высунулась в комнату, глянула на замершую у окна фигуру.

— Эй! Ты не в курсе, где тут воду добывают?

Если Чёрный и был в курсе, то мне не сказал.

В общем, сидела я в полной задумчивости на краю лохани, которую тут ванной обзывают, поджимала босые ноги... пока не явилась Аглая.

Честное слово, я впервые обрадовалась ей, как родной! "Госпоша" госпожой, а с водой она быстро сориентировалась. Где-то спустя пол часика, отмокая в ванне и поглядывая в распахнутое окошко на синее-синее бездонное небо, я решила, что жить в этом Средневековье вполне можно. Но! Надо бы кое-как подкорректировать условия. А именно для полного счастья мне не хватает — и существенно — весьма нужных вещей: косметики и красивого наряда. Ещё бы, конечно, Интернет и Макдоналдс... Хотя... Я ткнула пальцем в живот. Да я вроде похудела? Эх, вот что точно не хватает — зеркало! Убила бы за зеркало!

В окно время от времени залетал ветер, от воды поднимались струйки пара, душисто пахло травами. Я блаженствовала и снова чуть не уснула, не явись Аглая. М-м-м, как же хорошо, когда можно не волноваться за собственную жизнь и Эдварда! Кстати, где он сейчас?

Что делает Эд, Аглая не знала. Зато клушка сыпала изречениями Святой Алоизы о том, что необходимо делать благонравной девице.

За причёской и одеванием — я так и не научилась сама справляться с этими капустными одёжками — попыталась объяснить Аглае, что мне безумно нужна косметика. Клушка не понимала. Долго не понимала. Я вспомнила курс истории и стала разглагольствовать про бани. Ну, такие, известные — римские. Мда, Рима тут явно не было. Как и бань.

Откуда ж тогда латынь взялась?

Клушка ещё и заметила, что я моюсь слишком часто. И добавила про то, что это то ли грешно, то ли просто неприято — страшный у неё акцент, ничего не понятно. Я проигнорировала, спросила только, чем тут пользуются, чтобы казаться красивыми.

Аглая вызвалась принести всё необходимое. И, пока я пыталась справиться с обручем — симпатичным таким, навроде короны — куда-то убежала.

Я радостно предвкушала знакомство с настоящей растительной косметикой — ни чета нашим Лашам и Ив Роше.

И Аглая принесла... Нет, духи ничего такие. Стойкие наверняка. Души-и-истые, у меня сразу аллергия прорезалась. А вот помадой тут пользоваться, оказывается, большой грех! Очень большой! Ах, где я видела напмаженных красоток? В бор... Борделе?! А-а-ах!

Про подводку глаз вообще молчу. Она для варваров. Нечистых и греховных. Слушайте, я чего-то не понимаю или ещё почему не улавливаю связь между грехом и косметикой?

В общем, чтобы закрыть тему помады и подводки, я потянулась к чему-то вроде пудры. Без увлажняющего крема её, конечно, наносить — моветон, но Аглая притащила какую-то мазь для щёк. Сойдёт.

Аглая честно сообщила, что пудрой пользуются в основном женщины лёгкого поведения. Но если редко и мало, то можно. Спустя секунду, я поняла, почему "редко и мало" и почему в борделе проститутки так кошмарно выглядели. Стоило мне пожаловаться, что почему-то этот порошок какой-то жёсткий, клушка радостно сообщила — свинец.

Вах!

Где ты, моя любимица — пудра-"метеориты" от Герлен!

Так что пришлось довольствоваться собственной красотой.

В этом плане, конечно, тоже не всё было слава богу. Аглая причитала, что волосы у меня короткие, и в косы-то их не заплетёшь. Ну, хоть светлые...

Тожe мне, ценительница. А у нас это последний писк моды! И да, неровные — каскад потому что. Тоже писк. Наша мода хотя бы питит. А ваша... ваша... вашей вообще нет!

Ну, здесь я переборщила чуток. Платья тут, оказывается, носили не все и не всякие. Аглая обмолвилась что-то по поводу портного, и я тут же вызвалась к нему пойти. Не то, чтобы мечтаю узнать, как тут шьют, но какая девушка не хочет обновки? Моя душа требовала шоппинга! Хоть в таком, зачаточном варианте.

— Госпоша! — причитала уже пожалевшая о том, что проболталась, Аглая. — Вам не есть хорошо ходить по улицам! Я приводить портного к вам!

Но, во-первых, до портного было недалеко. По московским меркам. Во-вторых, я в четырёх стенах совершенно засиделась. Серьёзно, любой бы устал. Тут комнаты, конечно, просторные, но такие низкие потолки и такие кривые пропорции — ни дать ни взять клетка.

Короче, пошли мы на "шоппинг" всем миром — я, Аглая и Чёрный. Ну куда ж я без "стенки". Аглая волновалась, что на улицах людно? Да вы что! Как корова языком слизнула — разбежались. А какой кипеш мы у портного подняли — мама не горюй. Старичок с ножницами и армией подмастерьев (си-и-импатичных) очень старался мне угодить. Ну, очень! Вертелся с тканями, зеркалами (точнее местным их подобием), иглками и нитками — в глазах рябило.

Что ж, душа хотела шоппинга — душа его получила. Правда, зайти в кафе после — отметить — не помешало бы. Но из подобных заведений тут имелись только трактиры, а от них меня после путешествия с Адрианой мутило. Ладно, Аглая, вон, устала. Да и я тоже. И

вообще, что-то мы до вечера провозились. Или почти до ночи даже, судя по колоколу.

Не слушая упрёков клушки, я снова припрягла её к моим "водным процедурам".

А, когда, вдоволь насладившись ванной с травками, притащилась в спальню, Аглаи там почему-то не оказалось. Зато обнаружилась сидящая в кресле Адриана, гипнотизирующая невозмутимого Чёрного.

Однако услышав мой изумлённый вздох, ведьма быстро от изучения духа оторвалась и переключилась на меня.

— Ну здравствуй, девочка, — нехорошо улыбнулась леди, оглядывая меня с ног до головы.

— Здрасьте, — буркнула я, усаживаясь на кровать. — Не помню, когда я вас приглашала?

Ведьма нехорошо улыбнулась и очень спокойно отпила из кубка что-то пряное.

Я покосилась на Чёрного. Интересно, если я попрошу, он эту стерву выкинет? Вряд ли.

— Вам как помягче намекнуть, что дверь — там?

Адриана изящно вскинула брови и поставила кубок на столик.

И вдруг очень серьёзно произнесла:

— Сейчас ты замолчишь и успокоишься, милочка. И выслушаешь меня.

Странно, но под её пронзительным взглядом я не нашлась, что ответить.

Тирады не было — долго, минут пять. Я не заметила, как оказалась в кресле у камина и теперь почему-то ёжилась, не то от холода, не то от колючего взгляда этой... леди.

— Скажи мне, девочка, что ты собираешься делать? — соизволила, наконец, произнести Адриана.

Я захлопала ресницами. Ждала серьёзного монолога, а тут...

— Я вам не девочка, — насупившись, буркнула я. — Меня зовут Катя... Катрин.

Леди хмыкнула, снова взяла кубок, пригубила. Кинула взгляд на невозмутимого Чёрного и улыбнулась.

— Я последний раз предлагаю тебе принять моё покровительство, милочка, — с достоинством произнесла она. — И то лишь потому, что мне интересно наложенное на тебя заклятье. Потом — так и быть, я позволю тебе спокойно доживать... где-нибудь в глуши. Это лучшее, что с тобой теперь может произойти.

Э-э-э... Кажется, или я, или Адриана что-то в этой жизни не понимаем.

— Спасибо, конечно, — тщётно пытаюсь копировать её тон, ответила я. — Но мне что-то не хочется становиться подопытным кроликом.

— Кроликом? — снова вскинула бровь леди.

Я нетерпеливо махнула рукой.

— И вообще, у меня есть Эдвард. По-моему, это вы должны просить у меня покровительство, — я выразительно глянула на Чёрного. — Не так ли, леди?

Адриана с минуту молчала, вертя кубок. Потом удивлённым голосом произнесла:

— Надо же... А ты, оказывается, всё-таки дура... Я-то думала, ты таскаешься за принцем и интригуешь, — ведьма улыбнулась. — Хороший куш — наследник двух стран, кто знает, мог бы к власти и прийти. Небо, говорят, тоже, может рухнуть... А ты, выходит, просто влюбилась?

Я отвернулась, уткнувшись взглядом в камин.

— Не ваше дело. Говорите, что хотите. и убирайтесь.

Улыбка на лице ведьмы так и сверкала.

— Грубая, наивная девчонка. Что ж, хоть в одном я не ошиблась — Эдвард не так прост, как кажется. Я бы на его месте тоже не отказалась иметь под рукой ручную куколку, — Адриана вздохнула и зажмурилась. — Когда-то у меня была такая... Давно... Потерять её было... больно. Но я хотела сказать тебе не это, юная дурочка. Я хочу предупредить: беги отсюда. Упроси принца избавить тебя от охраны и беги, раз уж моей помощью воспользоваться не хочешь. Иначе...

— Вы это уже говорили, — перебила я. — Иначе я пожалею... да? Знаю-знаю. Было. А у Эдварда армия появилась. Вы не заметили?

Улыбка ведьмы стала шире... и мерзостней.

— Ты, правда, думаешь, что Эдварду... тебе повезло? Милочка! — а смеялась она... иглой по стеклу и то не так противно! — Дурочка ты, дурочка... Армию кто призвал, а, дорогуша? Помнишь?

— Ну, король, — буркнула я, глянув на равнодушного Чёрного. — И что? Управляет-то ей теперь Эдвард.

— Да... — снова рассмеялась Адриана. — Пока Дерик о ней не вспомнил. Вам повезло милочка, что некромант сейчас занят. Но как только он справится с этим лордиком... как его... де Лашете? Догадываешься, что будет? Самое лучшее — это объявится здесь и сообщит духам, кто их настоящий хозяин. Чистая, неразбавленная кровь некроманта... А потом, милая, ты сама поймёшь, почему люди так боятся Проклятую армию.

Я застыла, во все глаза глядя на Чёрного. Господи... Неужели... это так?!

Слова ведьмы звучали до ужасного убедительно.

— Я могу дать тебе шанс избежать столь... неприятной участи, — внимательно глядя на меня, произнесла Адриана. — И для этого тебе не придётся предавать твоего... возлюбленного.

Я непроизвольно подалась вперёд.

— Просто убеди его покинуть Азвонию. Вернуться домой, — продолжила ведьма. — Я уверена: там Проклятая армия оставит его в покое и сама вернётся к настоящему Повелителю. А у Эдварда появится возможность сбежать.

Я закрыла глаза, сморгнув навернувшиеся слёзы.

"Поедешь со мной на Изумрудные острова?"

— То есть вы нам помогаете? — пытаюсь унять дрожащий голос, удивилась я. — Почему?

На этот раз улыбка у Адрианы вышла грустная.

— Сентиментальность, девочка... Мать Эдварда, Маргарита, была моей лучшей подругой, — кубок в руке ведьмы неожиданно дрогнул. Адриана слишком поспешно поставила его на пол и уставилась на огонь. — Она была чистой, светлой, настоящим ангелом... Словно ожившая сказка... Высшее существо. И она так заразительно смеялась... Ангел, прекрасный, непрочный ангел, — лицо ведьмы вдруг исказилось. — И досталась стервятнику! Как я хотела убить его тогда, на церемонии... Как хотела... Но я была слаба. Тогда ещё слишком слаба. Тогда...

Адриана осеклась и снова повернулась ко мне.

— Поэтому, Катрин, уезжай. И заberi с собой сына Маргариты. Я не могу позволить ему умереть. Он слишком похож на мать... Ты не представляешь, что я чувствую каждый раз, когда вижу его. Увези его, Катрин. Защити его. Увези... Убеди...

"Увези, убеди, увези, убеди..." Слова ввинчивались в голову, вызывая боль... поначалу. Потом я просто смотрела в глаза Адрианы, и её голос обволакивал меня, как мёд. "Увези..."

— Да, — шепнула я, понимая, что это лучшее решение. Наверное... Да... нет... да... нет. — Да... конечно...

— Катрин, пойми, если ты опоздаешь, — тёк голос, и я чувствовала, что он прав... она права. Адриана, права. Конечно. Пра...

Хлопок двери заставил меня вздрогнуть.

— Что ты здесь делаешь?!

Наваждение исчезло, оставив тупую головную боль. Я, как пьяная, попыталась сфокусировать взгляд на Адриане и... Эдварде.

Леди улыбалась. А Эд подскочил ко мне, дёрнул за подбородок, вынуждая смотреть в глаза. И резко повернулся к ведьме.

— Убирайся! И не смей больше никогда — никогда — приближаться к ней!

Адриана изящно пожала плечиками — "как скажешь" — и, царственно поднявшись, вышла из комнаты.

— Я приказывал тебе её защищать! — голос Эдварда дрожал от гнева. — Какого дьявола?!

Я изумлённо моргнула, ничего не понимая. А Чёрный, наконец, отлипнув от окна, невозмутимо произнёс:

— Опасности не было.

— Как не... — Эдвард осёкся, быстро произнёс что-то на азвонском, и Чёрный тоже исчез.

А у меня перед глазами словно сам собой появился кубок.

— Пей, — твёрдо произнёс Эд.

Я нахмурилась.

— Ты же говорил, что мне... хватит, — но кубок взяла. Несмотря на то, что вовсе не собиралась. И не хотела.

Эдвард подливал и подливал вино. Я, тупо глядя на будто сам собой наполняющийся кубок, пила. В голове билась мысль, что таким макаром я скоро стану законченной алкоголичкой в этом долбанном Средневековье.

А Эдвард молча стоял рядом и печально смотрел на меня завораживающими зелёными глазами... в которых так хотелось раствориться. Как в вине.

Я лежала на кровати, раскинув руки, и изучала потолок. Было что изучить, правда. Камень, сеть трещин...

А в голове — один мат. Естественно, русский. В местном я ещё не настолько корифей — а жаль. Ещё почему-то вспомнился препод по языкознанию, объяснявший, что матом наши предки обращались исключительно к нечистой силе. Посылали, призывали...

Золотоволосая "нечистая сила" дремала в кресле и просто напрашивалась на далёкий посыл. С о-о-очень извилистым маршрутом.

Но даже это требовало подготовки. Тяжело выглядеть внушительно, когда ты с похмелья в чужом замке на громадной кровати и закутана в три покрывала.

Я скорчила соответствующую случаю физиономию, с трудом уселась — распласталась на подушках — и прохрипела:

— Эй!

"Нечистая сила" вздрогнула и растерянно уставилась на меня. Пришлось себе напомнить, что вообще-то надо злиться — спросонья Эд почему-то напоминал зайчика. Э-э-э... ну, есть у меня большой такой белый заяц — половина меня — с золотым хохолком и громадными стеклянными глазками. Вот точь-в-точь разбуженный Эд, честное слово! Милашка...

— Ну и что это вчера было? — как можно более строго спросила я.

Эд какое-то время смотрел на меня, потом встрепенулся.

— Катрин? Как ты себя чувствуешь? Голова не болит?

Блин, он издевается? А что ещё у меня с похмелья должно болеть?!

А Эд уже сидел рядом, сосредоточенно щупая мне лоб и бормоча что-то взволнованно-неразборчивое:

— Если она только... только посмела... что она тебе... говорила... что...

Я отпрянула — слишком резко. Голова очередной раз взорвалась, живот скрутило в узел.

— Эдвард! Ты чего?!

Вместо ответа Эд уставился мне в глаза. Внимательно — точно дырку просверлить хотел.

Я не выдержала первой. Забавно, но после удара подушкой Эд воспрял и засиял улыбкой, как солнышко лучиками.

— Слава богу... Ты в порядке!

— В порядке?! — в ответ вызверилась я. — Ты называешь это "в порядке"?! Какого чёрта ты меня вчера напоил? А?!

Юноша попытался взять меня за руки, наткнулся на свирепый взгляд и оттопыренный средний палец, ничего не понял, но потупился. Зайка расстроен.

— У меня не было выхода.

Хор-р-рошая отмазка!

— И кто ж его у тебя забрал? — хмыкнула я.

Эдвард поднял взгляд и вдруг серьёзно попросил:

— Катрин, пожалуйста, никогда, никогда больше не разговаривай с леди Адрианой. По крайней мере, без меня. Обещаешь?

Что-то мне это напомнило...

— Почему?

— Что она от тебя вчера хотела? — прямо спросил Эд. — Она ведь хотела, чтобы ты что-то сделала?

Я прикусила губу. А-а-а, так вот оно что...

— Да, она... Кажется, она хотела, чтобы я убедила тебя вернуться домой... Как-то так. А что? Нет, я понимаю, ты против, но...

— Она пыталась заколдовать тебя, — перебил Эд. — И почти преуспела. Катрин, ну почему ты не можешь быть осторожной? Я же просил! Ты же знаешь, что ты значишь для меня...

Хм? А что я для тебя значу?

— Но даже после неудачно наложенного ментального заклинания, — продолжал Эд, — люди становятся... податливыми. Лучше всего тогда помогает хороший удар или крепкий напиток. Извини, у меня не было выбора.

"Был, — шепнул гаденький голос где-то глубоко внутри. — И что же тебе мешало моей

"податливостью" воспользоваться?" От этой мысли кровь прилила к щекам, и я поскорее опустила голову. А перед глазами картинки "воспользования" так и замелькали...

— Спасибо, — буркнула я.

Эд всё-таки схватил меня за руку.

— Катрин, пожалуйста, обещай, что будешь осторожна.

Я ещё сильнее покраснела и вырвала руку.

— Ну извини, всё никак не привыкну к этой вашей магии.

Повисла тишина. Довольно-таки неловкая.

Мне, наконец, удалось отогнать видения постельной сцены. Вместо этого вспомнился вчерашний разговор.

— Эдвард?

Сосредоточенно поправлявший занавески балдахина юноша обернулся.

— А это правда, что твой отец может забрать у тебя армию?

Эдвард на мгновение прикрыл глаза.

— Да.

Бли-и-ин!

— И сбежать мы уже не можем? — осторожно поинтересовалась я.

Эд молча покачал головой. Потом добавил:

— Не бойся, Катрин. Ты будешь в безопасности.

Интересно, каким образом?

— Эдвард, что ты собираешься делать? — глядя на юношу в упор, спросила я. — Зная тебя, вряд ли ты станешь сидеть, сложа руки. Рассказывай.

Эд улыбнулся и погладил меня по тыльной стороне ладони. Очень интимно.

— Я собираюсь не подпустить Дерику к Проклятым. Вряд ли он сможет предъявить права на армию на расстоянии. Так что... Нам всего лишь нужно разжиться настоящей армией.

Всего лишь.

— Эд... вард, — подняв брови (наверняка и вполонину не так изящно, как Адриана), произнесла я. — По-моему, армии у вас тут на дороге не валяются. Или я ошибаюсь?

Улыбка юноши стала шире.

— Катрин, ты забыла: я наследник Азвонии. Сейчас мне нужно всего лишь заставить моего дедушку со мной встретиться, — Эд зазорно подмигнул. — Позавчера я отправил ему письмо. Через два дня, если ответ не придёт, мы поедем в столицу. Должен же я поприветствовать своего высокопоставленного родича лично?

Я представила армию Проклятых на марше у столицы. Бедные азвонцы! Всё равно что сказать: "Не уступишь трон, сотру твой город с лица земли". А что, мне нравится!

— Думаю, он ответит, — улыбнулась я. — Эдвард, ты гений, ты знаешь?

Юноша усмехнулся и по-хозяйски притянул меня к себе.

Честно говоря, вырываться не хотелось.

Дедушка Эда ответил. Что-то длинное и высокопарное — судя по размеру письма. Но в итоге предложил встретиться в каком-то городишке неподалёку от столицы.

Не знаю, предполагал ли дедушка-король, что мы захватим с собой Проклятых. Предполагал, наверное, — не совсем же нас за идиотов держал.

Вот так вот началось моё второе путешествие по Авзонии. Намного более комфортное,

между прочим.

Эх, а новое красивое платье я забрать так и не успела!..

Глава 17

В общем, едем мы к деду всем миром. Кorteж — мама не горюй. Армия на марше, повозки со мной и Эдом, кто-то из артистократов (включая Адриану) и слуги.

Обалдеть как тут оперативно путешествуют! Извините, из других слов у меня только ненормативная лексика. Но, тьфу-тьфу, призывать Проклятых не хочется. И так где-то рядом невидимые ошиваются. Кстати, после того случая с Адрианой Чёрный меня больше не охраняет. Вроде как армией занят. И Эд занят. А я одна-одинёшенька, всеми оставленная. Зато в отдельной повозке! Трясёт — жуть, делать нечего, днём — жарко, ночью — холодно. Жизнь ужасна.

А ещё — ску-у-ука! Хоть бы книжку какую почитать дали. Хотя фиг я здешний азвонский прочту... А, и разговаривают все, конечно, тоже по-азвонски. На языке Эда человек пять могут пару слов сказать и всё.

Я уже замечала, что жизнь ужасна?

Едем долго. Дня два уже — точно. Извращение, честно слово! Трактиры периодически почему-то отсутствуют, останавливаемся в чистом поле и... Нет, вы только подумайте! Знаете, как тут сложно не просто уединиться вечером, а даже в кустики сходить! Я молчу, что мыться негде. Никаких удобств! Я два дня волосы с трудом расчёсываю. А-а-а! Отвратительно!

В таком вот настроении вечером второго дня я уселась на краю какого-то оврага и принялась вдумчиво созерцать тёмно-синее небо и луну.

Эда не было. Последнее время он жутко занят с каким-то бумажками и злодейским планами по захвату азвонского трона. А я вот что думаю: если и после того самого захвата подобная суматоха продолжится — то нафиг такое счастье надо! Поехали бы лучше на Изумрудные острова... Знаю, знаю, у нас нет выбора, и там найдут, но... Достало одиночество. Полностью. Совершенно.

Господи, даже поговорить не с кем.

Луна сияла ярко, звёзды — чуть приглушённо, но тоже красиво. Я, задрав подол, болтала ногами, вдыхала ароматный прохладный воздух и жалела себя.

И не заметила, как рядом истуканом возникла тёмная фигура. Дымка в ночи. Чёрный сгусток. Струйка мглистого тумана.

Да, от его появления вообще-то ни жарко, ни холодно. Но после двух дней тряски, молчания и ничего неделания... Сама с собой заговоришь.

Я искоса поглядывала на духа, на луну. Это всё вечер, не иначе. Или почему меня вдруг на сентиментальность пробило?

— Тяжело, наверное, вот так из своего мира в этот мотаться, — тихо, не ожидая ответа, произнесла я. — Серьёзно. Меня вот за каким-то чёртом сюда выкинуло... Или мне это снится — честно говоря, до сих пор не решила. Но всё равно жуть как не нравится и домой хочется. А тут, — я вздохнула, — какой-то колдун призвал... и несись к чёрту на кулички, исполняй злую волю. А вам это, может, и не надо. У вас, может, другие планы на астральный вечер, — я совсем заговорила и перешла на русский. Дожили! Сама с собой общаюсь. — И ведь никто не спрашивает. Хрясь — и в какую-то... бездну, чтоб её! И бесплатно, поди, — я снова принялась себя жалеть. Неисчерпаемая тема, да.

И тут рядом раздалось гулкое:

— Каждый призыв имеет цену.

Я вздрогнула и изумлённо уставилась на Чёрного. И так же изумлённо выпалила:

— Да ладно?! Может, тогда и мне что обломится?

"Истукан" промолчал. Я поджала губы.

— Интересно, а что пообещали вам... Что нужно отдать, чтобы получить армию?..

— Душу, — снова неожиданно откликнулся Чёрный.

Я изумлённо на него вытаращилась.

— Эй! Только не говори, что вы заберёте душу Эда!

Чёрный промолчал. В самые нужные моменты он всегда молчит. Гад!

Я снова уставилась на луну, сделав мысленную заметку, обсудить это с Эдом. А он сам-то знает, какую плату готов отдать за эту... корону и всякое?

— Бесплатный сыр бывает только в мышеловке, — пробубнила я. И вскинулась. — Ой! Дух, демон, как там тебя, скажи, пожалуйста, а ты случайно... случайно, не можешь отправить меня в мой мир? Ну, или сделать, чтобы я проснулась? А? Ну пожа-а-алуйста!

Чёрный среагировал: повернулся ко мне и вдруг, точно струйка тумана, потёк, обволакивая, заставляя дрожать от холода и предвкушения чего-то очень, очень желаемого, но до мурашек страшного.

— А что ты готова отдать взамен? — тот же гулкий голос, эхом отдавшийся у меня в голове. — Свою молодость? Красоту? Удачу? Может быть, любовь? Всё имеет цену... За твою душу, невинная юная дева, я мог бы вернуть тебя туда, куда ты хочешь, и сделать королевой... Я мог бы заставить твоего возлюбленного поклоняться тебе, как богине. Я мог бы бросить к твоим ногам этот мир... или другой. Я мог бы...

Я, широко распахнув глаза, слушала его. Гулкий голос вдруг потёк, словно мёд, отдалённо напоминая голос Адрианы тогда... у камина. Это мне не понравилось. А ещё я не могла отделаться от мысли, что в сотнях таких историй, слышанных в детстве, вступавшие в сделку с демонами неизменно плохо кончали. Один "Фауст" чего стоит. Там, помнится, Маргарите тоже манну небесную обещали, а в итоге? Или не Маргарите. Но итог всё равно один. Фе!

— А гарантии у меня будут? Договорчик прочитать перед подписанием дашь? — хмыкнула я, держа перед глазами образ Маргариты в тюрьме. — Что там с моей душой станет? Ну, когда небо в алмазах закончится.

Голос замер. Мгновение — и рядом сидит обычный человек, лишь отдалённо напоминающий Чёрного несколько минут назад. Только глаза остались те же. И никаким холодом от него не веет!

— Посмотри на меня, Катя, — на чистом русском произнёс он. — Это лучшее, что может тебя ожидать. Но, — он повернулся ко мне, и я ахнула — настолько удивительно красивым казалось его лицо в лунном свете. Неправильные черты, бледная сияющая кожа, завораживающие глаза, тёмные, вьющиеся волосы... Господи... Всё вместе это очаровывало. Но не так, как поражала мягкая красота Эдварда. Эта была грустной... неправильной. По крайней мере, для меня. — Но разве этого оно не стоит? Разве ты не хочешь хотя бы на минуту почувствовать свободу? Перестать заботиться о других? Разве не заманчиво, не думая о последствиях, получить абсолютную власть?

Заманчиво. Да.

Я закрыла глаза и глубоко вдохнула.

— Ты не жалеешь? О том, что когда-то ответил "да"?

Он улыбнулся, глядя на меня.

— Нет.

Я сжала кулаки и с огромным трудом отвела взгляд.

— Просто скажи "да", смертная, — соблазнял голос. Демон каким-то образом оказался близко и теперь ласкал моё ухо дыханием. — Просто согласись. И всё. Твоя невинность дорогого стоит. Поверь. Я сделаю тебя...

— Не-а, — поспешно произнесла я. И на-гора выдала хорр-р-роший, забористый мат. Наши предки знали, что делали. Именно так с нечистой силой и общаться.

Демон рассмеялся, изучающе глядя на меня.

— Ты интересная... Катя. Я спрошу ещё раз. После. Посмотрим, что ты ответишь.

После чего?

Я напоказ пожалала плечами и принялась рассматривать луну.

— А просто так ты смог бы меня обратно вернуть? — не выдержала я минут пять спуста.

Чёрный саркастично улыбнулся.

— Забесплатно? — произнёс он, копируя интонацию кого-то из моих одноклассниц.

Я рассмеялась. И всё. Словно камень вдруг с души упал.

— И ты находишь лазейки в приказах других? — вдруг вспомнила я. — Эдвард же приказывал меня защищать. Но, когда Адриана колдовала, ты ничего не сделал.

Демон улыбнулся — всё ещё по-человечески.

— Ты бы не пострадала. Заклинание не было смертельным. И даже болезненным.

— Значит, всё-таки находишь, — подытожила я, изучая звёздное небо. — Буду иметь в виду.

Демон усмехнулся и исчез, растаяв, как дым.

А мне почему-то стало грустно.

— Госпоша!

Я снова протёрла глаза. Нет, кошмар не продолжился. Он перебрался в явь и летел ко мне с гребнем.

— Госпоша! Это есть совершенно невосможно! Вы есть неправильно! Ещё Святая Алоиза говорить...

И тут, как говорится, я поняла, что раньше мне путешествие нравилось. Скучно? Ха! А пулетмётную очередь слов про Святую Алоизу и мой неподобающий внешний вид не хотите?

— Аглая, что ты тут делаешь? — простонала я, пытаюсь увернуться из цепких объятий. — Ты же осталась... — как там город назывался? А, неважно. — Ты же осталась!

— Госпоша, я знать, что есть вам нушная, — объявила "курица" и подбоченилась. — Без меня ваши прекрасные волосы есть в полном отсутствии порядка. И ваша одежда... она...

Я кинула взгляд на верхнюю юбку. Ну, помялась немного. Ну, в лужу я залезла... вчера. Ну, по травке с цветами какими-то прошлась — пушистые "зонтики" зацепились. И что?!

— Я есть помочь юной госпоше выглядеть нужно... правильно... соответствующе! — объявила клушка. И, подхватив меня под локоть, поволокла к повозке.

Йо-о-о-о!

Аглая унялась только к вечеру.

Она говорила-говорила-жаловалась-требовала-сокрушалась — и всё это так быстро, что дух захватывало. И только когда мы остановились на ночёвку, мне, наконец, удалось от неё избавиться: клушка забрала ворох грязной одежды и отправилась узнать, кого можно запрячь к благородному делу — стирке. Я честно пообещала, что всё это время буду тихонько сидеть в повозке, ибо нам ещё ночной моцион с какими-то травами совершать ("а то это есть совершенно невосможно, ваша коша есть коришневеть!"). Ну конечно, когда "курица" исчезла, я подоткнула юбку и быстренько бросилась в другой конец лагеря.

Вообще-то мне хотелось просто отдохнуть. Ну и найти Эда. Хотя на последнее я и не надеялась — теперь Эдварду постоянно не до меня. Я понимаю, да, я всё понимаю... Но и общество Аглаи — нет уж, верните моё одиночество обратно.

Эд, на удивление, нашёлся. И, конечно же, был занят.

В принципе, я на звон мечей и шла. Представьте, закат, шум готовящегося к ночлегу лагеря, застывший воздух... И лязганье. Ноги сами понесли, а любопытство подтолкнуло. Хотя ничего странного не было: внизу, на более-менее ровном пяточке бились эти чудики, которые обычно в кольчугах. Сейчас они обходились отдельными кольчужными частями — наколенниками — налокотниками (ну прямо роллеры). И фехтовали — со вкусом, потом и гримасами. Забавно сверху смотрелось. Я даже уселась на травку (да, мне всё равно, что скажет Аглая по поводу подола!) и принялась любоваться. Поверьте, на рубящихся по-спортивному (в смысле без убийств, драм и прочей гадости) мужчин посмотреть всегда приятно. Прямо как на костёр или море.

Макушка Эда золотилась где-то в центре. Я подалась вперёд. Забавно: с мечом он тоже, значит, умеет. Раньше всё больше луком пользовался...

Удар — блеск стали. Поворот. Снова удар — колющий, снизу наверх и чуть-чуть сбоку. Солнечный луч цепляется за клинок — вспышка. Удар — звон. Противники расходятся и тут же снова сближаются. И опять удары — сбоку, сверху... и холодный блеск, и ледяной звон. Красивый, конечно, но какой-то... чужой. Просто непривычный, наверное.

Я наклонила голову, зачарованно наблюдая за невысокой фигуркой. Эд из них самый мелкий. Но, похоже, самый быстрый. Волосы прилипли ко лбу, но удары так и сыпятся...

— Нравится? — произнёс рядом смутно-знакомый голос.

Я повернулась и захлопала глазами. Чёрный в образе человека сидел рядом, закинув ногу на ногу и смотрел на меня странно-внимательным взглядом.

Я пожала плечами и в свою очередь уставилась на демона.

— Что ты тут делаешь? Преследуешь меня?

Демон вскинул голову и залиvisto засмеялся — чего я от него совершенно не ожидала.

— Ты нравишься мне, Катя, — произнёс он, наконец. По-русски, сволочь, наверняка, чтобы меня помучить. — Ты интересная, — и подцепил пальцем упавшую мне на плечо прядь.

Я отшатнулась. На "лапу убрал" демон не только не обиделся, но и подсел ближе.

— Смотри туда, Катя, смотри на своего принца, — вкрадчиво говорил он. — У тебя загораются глаза, когда ты на него смотришь... Тебе нравится, как он сражается? Какой он сильный? Ловкий? Быстрый? Ты хочешь...

— Захлопнись, — буркнула я, двинув для верности разговарившего демона локтём. — Хороший же вечер, зачем ты опять начинаешь?

Демон вскинул брови.

— Ещё раз скажешь, что я тебе нравлюсь, попрошу Эда сделать тебе что-нибудь нехорошее, — добавила я. — Например... поухаживать за Аглаей. Удовольствие наверняка ниже среднего.

Вместо того чтобы обидеться, этот... нехороший демон снова рассмеялся.

— Ты плохо знаешь свою камеристку, Катя, — заявил он. И, закинув руки за голову, улёгся на траву. — Но ты права: хороший вечер, — демон зевнул, как здоровенный кот, и зажмурился. — В его честь я, пожалуй, подарю тебе маленькую историю...

Я красноречиво подняла взгляд к небу.

— Обрати внимание, как принц сражается, — блаженно жмурясь, вещал демон. — Это потому, что учили его не по-королевски. В десять, когда он был ещё мальчишкой, он совсем не любил деревянный меч, потому что был маленьким и слабым. И вырос бы себялюбивым, капризным, избалованным Высочеством, не будь его папочка так, — демон усмехнулся и резко перешёл на мой сленг, — суров. Маленький мальчик Эдвард остался совсем один, и ему совсем не понравилось жить рядом с Госпожой-между-двумя-мирами. Тогда молодой принц решил попытать счастья сам и сбежал. Угадай, к кому он попал в первую очередь? Да, Катя, вижу, ты помнишь историю о благородном Робине Гуде. Спроси как-нибудь Эдварда, был ли он также благороден к нему, этот аэвонский Робин Гу...

— А-а-а-а-а-а!

Демон рывком сел и уставился на меня. Как и пробежавшие мимо "солагерники".

Я закрыла рот и чинно положила руки на колени.

Демон снова вскинул брови.

— Что?

— Ты заткнулся, — радостно объявила я, покосившись вниз. Ребята уже не сражались, а пилились на наш пригорок. Пока только пилились. Так, пора мне. — Вот и молчи. Счастливо оставаться.

Смех надоедливово демона долго ещё звучал у меня в ушах.

Пока его не перебило кудахтанье Аглаи.

Следующим вечером мы остановились на постоялом дворе. Довольно большом, надо сказать. Но все, наверное, всё равно не влезли. Однако меня запихнули в отдельную комнату. И поставили стражу. И Аглаю.

Конечно, я сорвалась. Достало её кудахтанье, даже забота Эда достала, — достало всё. И никогда не отличавшаяся чуткостью клушка исчезла, стоило мне только начать "заводиться".

Я для приличия побегала по комнате, но бить здесь было нечего, так что конечным пунктом стало окна. Вернее, стол у окна, на который я уселась и от великой бессонницы, мерзкого настроения и не вовремя случившихся критических дней принялась сначала болтать ногами, а потом петь. По-английски, потому что русских песен не знаю вообще, а французский уже достал.

Пою я, прямо скажем... Как медведем ушибленная. Но душу же отвести! Раньше я бы плеер на всю катушку врубила. А сейчас вот сама плеером работаю.

Как хлопнула дверь, я не слышала.

— Не знал, что ты владеешь альбионским, — произнёс Эдвард, стоя у камина. — Хотя выговор очень странный. Ты оттуда?

— Знать не знаю про вашу Альбионию, — буркнула я.

Эд усмехнулся. И неожиданно напел мелодию. У него лучше получилось. Намного

лучше.

— Интересный ритм, — заявил он, наконец. — Так играют ваши менестрели?

Я хмыкнула. Это ты ещё наш хард-рок не слышал!

— Вообще-то, под это танцуют, — проявила эрудицию я. Мелодия и впрямь была медленной, в школе под неё исполняли вальс на выпускном. И у меня был такой "тюфяковый" партнёр, гр!

— Танцуют? — непонятно чему изумился Эд. — Как? Это же совершенно... не... — дальше он выдал что-то странное, что я для себя перевела как "ритмично" и обиделась. Очень даже ритмично!

— Нормально это. И танцуют нормально. В парах, — буркнула я. — Обычный вальс... чего ты улыбаешься?

— Обычный вальс, — с усмешкой повторил Эд и вдруг потребовал. — Покажи.

Я скорчила страшную физиономию — живот и так крутило, да и помню я с того вальса только пару шагов да поворотов. Но Эд ждал и вообще казался в мягком свете камина таким красивым, что сидеть и дуться было бы просто преступлением.

Я проплелась в центр комнаты, выжидающе посмотрела на юношу. Тот, не переставая улыбаться, подошёл. И встал. На расстоянии двух вытянутых рук. Вроде как так и надо.

— Эм-м-м, ближе подойди, — скомандовала я.

Эдвард сделал ма-а-аленький шажочек и поинтересовался:

— Зачем?

— В паре танцевать! — озвучила очевидное я, начиная злиться.

Эд вздохнул и зачем-то взял меня за руки. Вытянутые.

— Я так и думал. Парные танцы танцуют вот так, — и повёл меня, не приближаясь ни на шаг. Вперёд, назад, зачем-то прыжок...

Я хихикнула.

— Катрин, признайся, ты всё это только сейчас сочинила, — глядя на меня, как на маленького ребёнка, заявил Эдвард. — Ты же даже не знаешь обыкновенной...

Чего я там не знаю, я дослушивать не стала. Просто дёрнула юношу за руку, заставляя подойти вплотную, и быстро сложила руки так, как надо — одна вытянута и чуть согнута, его правая — у меня на талии, моя левая — у него на плече. И повела. Я знаю, как вести. Говорила же, что мой партнёр был тюфяк?

Лицо Эда надо было видеть! Такое изумление я, кажется, никогда ещё не наблюдала. Азвонский наследник, вытаращив глаза и заалев, как девица на выданье, застыл в моих объятьях и только что ногами перебирал. Мда, танцевала я с тюфяком, теперь вот — с бревном.

— Катрин, что ты делаешь?! — выдохнул юноша, обретая дар речи.

— Вальс тебе показываю, — отчеканила я. — Ты же просил. Раз-два-три, раз-два-три...

Эд ошеломлённо моргнул, отмер и отшатнулся.

— Какая... пошлость! — выдохнул он.

И это говорит бордельный мальчик! Я хохотала, согнувшись пополам, и всё никак не могла остановиться.

— А у нас это романтика, — сквозь смех, умудрилась произнести я. Так вот что наш препод называл "культурным шоком"!

Эдвард, изумлённо глядя на меня, сел на кровать.

— Катрин, я тебе не верю. Ни в одной стране до такого не дойдут. Разве что варвары...

— Сам ты варвар! — бросила я, забираясь на кровать и укутываясь в одеяло.

Эд недоумённо посмотрел на меня, потом зачем-то потрогал мой лоб.

— Катрин, у тебя жар, — спокойно отметил он. — Подожди, я принесу тебе отвар.

Я отвернулась, поджала колени к животу. Не знаю, приносил ли Эд свой отвар. Я его во всяком случае не пила. Я дремала, а проснулась под какую-то мелодию, напоминающую гитару, и красивый, но непонятно что поющий голос.

Исполнял, конечно, Эд, сидя на стуле у камина. Приятно так, я аж заслушалась. Мне бы так уметь.

— Это была колыбельная?

Эд положил "гитару" и, улыбнувшись, взял откуда-то кубок.

— Это была касьон аморе. Помнишь, я тебе обещал? Пей, Катрин.

Ну вот, первый раз в жизни исполняют серенаду, а я даже слов не поняла!

— А ты кому её пел? — протянула я, отхлёбывая горьковатую и всё ещё тёплую жидкость. — Мне?

— Тебе, тебе, — усмехнулся Эдвард, садясь рядом. — А знаешь, Катрин, покажешь мне свой вальс ещё раз?

Дед у Эда оказался очень даже ничего. Так сразу и не скажешь, что при смерти. Да, чёрт возьми, мне бы так умирать! В седле дедуля держался как заправский наездник (кем наверняка и был), я всё ждала, когда же вытащит шашку и казаком поскачет на жмущихся за спиной Эда военных.

Кстати, внук на деда оказался ни капельки не похож. Впрочем, сложно найти одинаковые черты в стройном, красивом золотоволосом юноше и худощавом, жилистом, седом старике. Взгляды у них точно были разные: по крайней мере, я никогда не замечала у Эда таких цепких, недовольных и высокомерных глаз. Ну, может, я предвзята.

Меня к дедушке не пустили. У них тут, оказывается, сугубо мужская тусовка, места женщин — сбоку и, если повезёт, на пригорке, то есть — сверху. Мда, хоть бы трибуны построили, в самом деле. А то стоим, как... курицы на ветру. А сзади — зеваки. Та ещё компашка, ну, вы понимаете.

Встречаться в городе, к которому мы подъехали, ни Эд, ни его дед не захотели. Не думаю, что Эдвард решил похвастаться Проклятой армией, но все демоны красиво выстроились на лугу, дедова армия (или отряд? фиг его знает), соответственно, ближе к городским воротам. Выглядело это совершенно не похоже на встречу любящих родственников.

Печально, конечно, что я ничего не понимала и мало что видела. Знамёна — страшная вещь, весь обзор загораживают. Да, Эдвард с дедулей покрутились друг около друга, чего-то, наверное, друг другу сказали. А потом проехали в разбитый по такому случаю шатёр. Жаль, далековато от нас. Спешились, вошли.

Я корчила рожицы от нетерпенья и мяла подол платья. Аглая пару раз не выдерживала и шептала мне на ухо, что это "не есть хорошо" и "девицы так себя не есть вести". Плевала я на девиц и на эту клушку! Ветер крепчал, и то ли от него, то ли от любопытных взглядов зевак — прекрасно осведомлённых, кто я такая — по спине бегали мурашки. Наверное, существуй тут жёлтая пресса, попала бы на первую полосу.

В шатёр вошли ещё несколько человек, в том числе и печально знакомый "хорёк", и Адриана.

Так! Если они что-нибудь моему Эду сделают, я... я... Я спущу на них Чёрного! Не знаю, как, но им не жить! Вот!

Аглая в который раз завелась про терпение и Алоизу. И только я собралась высказать ей всё, что я думаю о ней, об этом чёртовом пригорке, об Эдовом дедуле и о жизни в целом, как полог шатра отдёрнулся и "любящие родственники" наконец-то явили себя миру. Судя по улыбочивым физиономиям, всё у них срослось.

Я облегчённо выдохнула. Снизу кто-то что-то не то объявил (естественно, по-азвонски), не то завопил, крик поддержали. Я снова почувствовала себя болельщиком на стадионе, причём болельщиком команды-победителя.

И всё бы хорошо, да только улыбка на лице Эда казалось насквозь фальшивой.

Нас позвал в гости какой-то не то граф, не то барон. Но местный и с замком. Хотя, я не очень уверена, что это он звал, а не мы при параде и Проклятой армии заявили.

Дедуля-то в столицу умчался. С той же фирменной лыбой, и шашкой наголо. Да-да, мечом салютовал и на коне гарцевал. Ну чем не бравый вояка? Народ дружно приветствовал и восхищался. А про Эда вопили: "Салвадо", но тихонечко и слабенько.

Бе! Неблагодарные! Вот послушался бы Эд меня и использовал демонов на полную катушку. А то потом докажи, что, считай, всего сам добился. Душу заберут — и до свидания. Фе!

Барон оказался гостеприимным: около меня крутилось аж пять Аглай. Нет, звали их как-то по-другому, но кудахтали — как близняшки. Но только моя "курица" умела не по-азвонски, от неё-то я и узнала, что нас ждут к ужину.

Это я ещё не знала, что они тут ужином называют! В смысле, да, когда мы менестрелей изображали, там было что-то похожее. Но не с таким размахом!

В общем, громадная комната, вся в сене. Серьёзно, под ногами шуршало так, что я откровенно боялась пауков, тараканов и прочих ползучих тварей. И гобелены на стенах — обалденные пропорции. Два камина — громадные дырищи в стенах, и огонь ревёт, точно тут кузница. Только не греет ни фига. И стены сырые и с плесенью.

А в центре — стол. Столище. Столовище! Длиннющий, узкий, во главе что-то вроде деревянного трона побольше, рядом — поменьше.

И какой-то "юноша со взором горящим" лютню терзает (да-а-а, это её я вчера за гитару приняла). Сейчас присмотрелась повнимательней, поймала взгляд лютниста. Не юноша и не горящий. Но мне подмигнул как-то очень... откровенно.

Я фыркнула и отвернулась.

Сначала меня хотели посадить куда-то в середину. Но тут возник Эдвард, схватил меня за руки и, говоря какую-то откровенную чушь про то, что я хорошо выгляжу и в целом вообще ничего, усадил рядом с собой. Я собиралась усомниться в рассудке азвонского наследника, но поймала красноречивый взгляд и рот закрыла. А, оглянувшись на других дам, ещё и покраснеть попыталась. Не очень-то получилось — ничего, когда все усядутся, потру щёки ладонями, хоть порозовеют. Видимо, тут так принято.

К лютнисту присоединился ещё целый оркестр (ладно, вру, не целый — человека три с флейтами и... э-э-э... чем-то ещё). И какой-то молодящийся тип без музыкального инструмента. Может, петь будет?

Стол ломился от блюд, суп тут по-прежнему "вкушали" прямо из чашки, мясо клали на ломоть хлеба вместо тарелки и пили из одного здорового кубка с соседом. Не знаю, что

бы я делала, сиди рядом с каким-нибудь... да вот хоть с тем боровом напротив. Чего он на меня, кстати, так сердито пялится?

За столом говорили, но непонятно — по-азвонски. Я пару раз намекала Эду, что неплохо бы и перевести, но он знаками показывал: не сейчас. Ладно...

Молодящий тип и впрямь запел. Что забавно, на языке Эда — может, гостям угодить? Хотя вряд ли я что-нибудь потеряла, не понимаю слов. Сюжет был убийственным во всех смыслах. Какой-то идиот поверил своему э-э-э... лучшему другу (который ясно, что не друг и вообще предатель), оказался со своим отрядом в ловушке и вместо того, чтобы тихо и побыстрому сбежать, остался прикрывать армию сюзерена. В итоге благородный идиот ярко и красочно помер, "друг"-предатель жив и радуется. И только после долгого разбирательства с сюзереном, который велик и ему не до погибших идиотов, предатель наконец-то отбросил копыта... э-э-э... в смысле, благородно помер.

Что за бред, а? А чего-нибудь повеселее у них нет?

Как выяснилось, есть. Исполнялось оно на смеси латинского и, видимо, местного. Какая-то фигня про Святой Грааль. Я поняла только, что некий чудик этот самый Грааль прошляпил, а потом долго искал.

Чего мы слушаем-то про всяких неудачников?

Оказалось, это были ещё цветочки. Когда пошли ягодки — тосты — и вся мужская компания принялась бузить, потрясая кубками, обливая соседей и изрыгая что-то мужественное, Эд схватил меня за руку и вытащил из-за стола. Что-то объяснил захмелевшему хозяину и поволок в комнату. Ну, я и не сильно-то сопротивлялась. Зрелище пьяных рыцарей способно испугать, наверное, даже их дам. Хотя дамы тоже трезвостью не отличались.

— Отошли служанку, ладно? — выдохнул Эд, падая на широченную кровать.

— Аглая, вали отсюда, — завопила я на смеси русского и старофранцузского.

За дверью завозились, что-то кудахтнули и стихли.

— Отослала, — выдохнула я, падая рядом с Эдом. — Слушай, это сейчас праздник был?

Эд красноречиво посмотрел на потолок.

— Ага...

Я тихо по-русски выругалась. Эд тоже — но по-своему.

И так мы пришли к полному взаимопониманию.

— Эдвард... А что дедушка-то?

Азвонский наследник покосился на меня и выругался громче и качественней. Потом вздохнул:

— Извини, Катрин, просто он... Ладно, просто я забыл, каково это — жить при дворе.

— Но короной-то он поделится? — помолчав, поинтересовалась я.

— Поделится, — снова вздохнул Эд. — Вообще-то он до смерти остаётся королём...

— А умирать этот хмырь не собирается, — вставила я.

Эд усмехнулся.

— Кто знает... Во всяком случае, завтра он назовёт меня официальным наследником, а значит, соправителем.

— Это даст тебе право на армию? — нахмурилась я. — Ну, если что?

— "Ну, если что" будет обязательно, — грустно улыбнулся Эд. — Да, даст, но лучше бы мне заручиться поддержкой кого-то из вельмож.

Я прикусила губу. Интриг-то Эдвард и хотел избежать, а оно вон как получилось.

— Всё будет хорошо, Катрин, — знакомо произнёс юноша. — Поверь.

— Верю, — вздохнула я, перекатываясь к нему поближе. — Будет. Слушай... А что мне завтра на твою недокоронацию одеть?

Церемония пролетела мимо меня. Женщин здесь не уважают, если они, конечно, не ведьмы. Так что я въезжала в столицу в повозке, смотрела из-за чьих-то спин, как какие-то церковники толкают речи и держат над Эдом корону. Всё время было очень душно, оченьлюдно, плохо слышно. Меня всюду провожали странными взглядами, а во второй половине дня вообще увели вглубь королевского замка. Очевидно, в мои будущие покои.

Но всё это мелочи. Вечером, уже почти ночью как ванька-встанька откуда-то появился Эдвард в своих роскошных одеждах и, улыбаясь, как мальчишка, потащил меня куда-то. Как оказалось, на крышу. Точнее, на открытую всем ветрам и погодам клетушку высоко-высоко над городом.

Тут мы праздновали вместе — только мы. Звёзды, вино, всё такое... Эд играл на флейте и, положив голову мне на колени, рассказывал, рассказывал... Как прошёл день, какой забавный двор в Азвонии, как мне идут светлые волосы... Он наверняка был "навеселе", но смеялся охотно, и его глаза блестели и смотрели на меня, только на меня.

Я знала, ему приятно, что народ ему рад. Что он ожидал худшего приёма от дедушкиного двора. И о будущих неприятностях мы оба молчали. Может, тогда они просто казались далёкими и нереальными?

В этот вечер я почувствовала себя почти дома. Почти.

Тогда я не заметила странно-внимательного взгляда одного из моих новых стражников. И ничего не знала про "Чёрную смерть".

Глава 18

Вообще-то всё началось с жёлтого плаща. Может, раньше, но жёлтый плащ — он такой: яркий, с вышивкой золотыми нитками и янтарными вставками. В глаза бросается. Я его как увидела, честное слово, обомлела. Такая красота — прямо-таки ожившая мечта о наряде принцессы. А то меня в последнее время повадились в тёмное одевать. Или грязно-серое. Я-то наивно думала, что раз стала подругой наследного принца, так и мне чего обломится. Щас!

Но плащ обломился. Красивый — дух захватывает. Я его и так покрутила, и так примерила, и с тем платьем... э-э-э... блию, и с тем, и вот с этим... Какая несправедливость, что зеркала нет! Но даже так, без возможности осмотреть себя с ног до головы, настроение поднялось. А то последнее время что-то как-то... Да.

Эдвард, конечно, теперь принц-наследник. И политик, если то, что о нём рассказывают, правда. Вечно занят, вечно то на приёме, то в поездке, то в архиве. Не спит нормально, скоро есть перестанет. Нафиг такая политика!

А меня к нему не пускают. Вообще. Эду ко мне можно, а мне к нему — нет. Дискриминация. Я первое время думала жаловаться, но поглядела на него в тот вечер и... резко расхотела. Господи, да у меня таких мешков под глазами не наблюдалось даже во время сессии! Что он там делает с этой политикой? Не понимаю: издал указ, послал Проклятых, проследил за исполнением и дело в шляпе. Зачем архив и постоянные заседания местного Совета, консультации с дедом-королём и встречи с послами? Видимо, это сильно выше меня, но приставать к измождённому Эду — верх жестокости. Я промолчала.

А! А ещё я ему ничего, совсем ничего не сказала о том, как меня здесь в монастырь затаскали! И клириками окружили! Монах какой-то с чётками вечно у порога ошивается и ладно бы молитвы читал: он укоризненно смотрит! Ну прямо как моя мама, когда я языкознание в прошлом году провалила.

И я совершенно не понимаю, зачем часами стоять на коленях у мощей и отбивать поклоны? Что ещё за извращение? И молитвы петь. Полный..., учитывая, что я ни одной не знаю. И никто не догадался провести для бедной меня ликбез. Зачем? Они просто в первое же утро после коронации Эдварда, потащили меня к какому-то жутко серьёзному дяде в сутане и с чётками. Наш с ним "диалог" больше напоминал разговор слепого с глухим. Мало того, что этот... странный дядя первым делом сунул мне под нос руку, точно он леди, а я джентльмен. Помню, там ещё перстень на пальце переливался, алый. Ну, когда пауза затянулась, я ручку этому типу пожалала. Как он потом развыступался... На языке Эда, чётком, хорошо, но я ни слова не поняла, вообще! Кивала, как болванчик. Вот, докивалась: монах у порога, земные поклоны и походы в церковь с mea culpa.

У-у-у, если у них тут так принцессы живут, то я подаю в отставку. Сдалось такое счастье!

И вот, после всего — жёлтый плащ. Манна небесная. Глоток свежего воздуха.

И чего мои курицы-служанки так на него косятся и порываются с меня стащить? Себе захотели? Не дам! Моё!

Итак, я летала на седьмом небе от счастья, пока не явилась Аглая. Ей мой новеньких плащ тоже не понравился. Первое, что сделала клушка (оказывается, тоже завистливая) это поинтересовалась, "кто есть принести госпоше это".

А я знаю? Да и какая разница?

Аглая настаивала. Поняв, что от меня ответа не добьётся, она закудаhtала на азвонскими с остальными клушками. Потом, видимо, к чему-то придя, решительно направилась ко мне.

— Госпоша, вы есть снять это! Не есть правильно носить подобное вам.

На что только не пойдёт женщина, чтобы заполучить понравившуюся вещь! Сейчас клушка споёт, что жёлтое, солнечное чудо не подходит к моим глазам.

— Госпоша, это есть знак шеншин... шеншин... легко, — пыталась донести мысль Аглая. — Легко готовых и неугодных... неправедных.

Ха! Ну и я не Святая Алои... Каких-каких женщин?

— Легко доступных? — выдохнула я, теребя жёлтую ткань. — Лёгкого поведения?

Аглая радостно закивала.

— Госпоша есть немедленно снять...

Что-то она ещё говорила, но мне было уже не до неё. Жёлтый плащ — символ проституток? Я закусила губу и медленно расстегнула янтарную брошь.

У Эдварда, когда мы жили в борделе, был жёлтый плащ. Я не обращала внимания: жёлтый прекрасно гармонировал с его золотистыми кудрями, но...

Точку поставил сам Эд, когда уже почти за полночь ворвался в мою спальню, схватил злосчастный плащ и принялся отрывисто не то расспрашивать, не то раздавать приказы служанкам и караулящим меня стражникам.

— Катрин, — час спустя, нежно глядя меня по голове и сверкая синюшными "мешками", шептал Эд, — не бери в голову. Это ошибка, ты же знаешь.

О да. Конечно. Ошибка.

— Хочешь сказать, плащ отправляли тебе? — всё-таки выпалила я и тут же пожалела: таким отчаянным стал его взгляд.

— Возможно, — тихо произнёс юноша, пока я подбирала слова извинения. — Как бы то ни было, это больше не повторится.

Мы оба знали, что это ложь.

Ни мне, ни даже Эду в столице рады не были. Лорды, я имею в виду. Уж не знаю, кто им был больше бельмом в глазу — я или Эдвард — но если они сначала корчили из себя высокомерную элиту, то потом резко стали набиваться в друзья. Последнее — хуже, поверьте. Например, спустя дня три после злополучного плаща, нас с Эдом снова позвали на какой-то праздник. Ничего нового, я за последнее время на эти пьянки насмотрелась. Но теперь, прежде чем выпить, они стали болтать. Много и по-азвонски. И, что хуже, пытались разговорить меня. Эд старался мне помочь, где переводом, где ответом, но лорды, не будь дураками, всё поняли и отвлекали его. А я, выучившая по-азвонски "да" и "нет", решила, что отвечать "нет" на вопрос хозяина вечеринки — неприлично. Ну и согласилась как-то. Как выяснилось позже — на охоту. Эдвард потом на меня так посмотрел — думала, живьём съест. Но нет, даже промолчал. Вызвался только на эту чёртову охоту сопровождать. И молча слушал, когда, судя по интонации, лорды принялись бурно радоваться и описывать прелести предстоящего мероприятия.

Я одно поняла: это будет ужас... Полный и совершенный.

А если на секундочку вспомнить, что я даже в седле не держусь...

Королевская охота здесь — национальный праздник замкового масштаба. Рассвести не успело, а всё уже на ушах стояло. Впихивающая меня в одежду Аглая с грехом пополам объяснила, что это традиция такая — завтракать на рассвете в лесу. Типа ритуальная трапеза.

И как им кусок в горло в такую рань лезет?

Вообще, охота, наверное, красивое зрелище. Со стороны. Кавалькада всадников, егеря с собаками, бегущие рядом с лошадьми слуги, лес, свежий воздух... Лично я всю дорогу до "природы" думала лишь о том, как бы удержаться в седле.

Вообще, женское седло — зло, причём страшное. Это такой пыточный инструмент, изобретённый ханжами-мужчинами, почему-то убеждёнными, что женщина, раздвигающая ноги в седле — это жуть как пошло. При этом клинок к горлу этой самой женщины приставить — нормально. Да, да, лорд-хорёк, о тебе говорю. Скачет тут впереди, лихой наездник, косится злобно. А между прочим, попробовали бы сами мужчины удержаться на лошади в этом. Луку они лишнюю для правой ноги приспособили, понимаете ли! Сажу тут, как привязанная, и красочно представляю, что после одного прыжка кобылки полечу кубарем вниз — причём правая нога наверняка за эту злосчастную луку зацепится.

Короче, мне не жить.

Эдвард понял это ещё в тот вечер, когда я на охоту согласилась (точнее — на моё в ней участие). Да, будь проклят мой язык, но кто ж знал-то?! Вот, Эдвард и приказал отыскать самую спокойную лошадку, а потом вместе с Аглаей долго мне объяснял, как дамское седло устроено и главное, как в нём удержаться. А, когда понял, что ничерта из этого не получается, приказал Проклятым лошадь вместе с седлом заколдовать. Так что привязана я в прямом смысле. И пусть местные силы ада дают какую угодно гарантию, что я останусь жива и по возможности невредима, вот прямо сейчас мне что-то в неё не ве-ри-тся-а-а-а!

Интересно, кто придумал эту ложь про галантного красавца-рыцаря? Менестрели? Убить их за это мало. Я разочарована в лучших чувствах. Среднестатистический (смотря по азвонским) рыцарь в полной амуниции напоминает танк. Или борова в доспехах. В латах они, слава богу, не охотятся. Но без них — просто боровы. Честно, маленькая и хрупкая я чувствую себя в сборище этих brutальных самцов как единственная дама сердца на всех. И даже посмотреть не на кого. Эдвард куда-то исчез, я сижу за отдельным столом с Аглаей и ещё кем-то из дам, как неприкаянная, и пытаюсь не смотреть на гогочущих рыцарей. Нет, есть там пара нормальных, от которых не воротит, но, в общем, картина... удручающая.

Мда. Ритуальный, блин, завтрак на рассвете. Вообще, я готовилась к худшему, зная, сколько тут съедают во время пиров (а они столько съедают — мамочки! Пару дней назад троица молодчиков у меня на глазах кабана уговорила. Он на стол-то еле умещался, а они его так... так brutally... о-о-о!). Так вот, завтрак тут лёгкий. Всего-то два десятка вида выпечки и каши с похлёбкой. Так, лёгонько, чего уж там!

Егеря в это время где-то поблизости крутились, а потом один из них притащил на здоровенном блюде королю с Эдвардом... помёт. На-те, господа, вам после завтрака. В ответ на мой... э-э-э... удивлённый возглас Аглая объяснила, что это, дескать "большая шесть и как есть иначе находить лучшего оленя для охоты"? Действительно, как?

Итак, "лучший олень" был выбран, его... э-э-э... кусочек отдан собакам на инспекцию. И началось самое страшное — скачка. Я не хочу вспоминать те ужасные мгновения, когда я чуть не сломала шею и не вопила только потому, что голос от страха пропал. И презрительные взгляды слуг и вынужденной меня охранять стражи, тоже лучше запихнуть в память поглубже и подальше. А уж когда эта белобрысая кляча вдруг взбесилась и принялась гарцевать... Я просто видела (и очень-очень чётко), какой ненавистью полыхнул взгляд одного из стражников, кинувшегося мою лошадь умирять. Это мне показалось страшнее взбесившейся кобылы.

Но в целом, всё было вполне пристойно. Я не свернула шею, оленя почти загнали, и я почти успела к душераздирающему зрелищу его убийства. И тут, как в плохом сценарии (а у меня есть чувство, что сценарий всё-таки кто-то подготовил) на арену вырвался кабан. Судя по возмущённому "уи-и-и-и!" бедную свинью довели до кондиции заранее. Так что, не разбирая дороги, этот бронепоезд на ножках ринулся сначала на оленя, а потом, как-то резко и неожиданно повернув, на маленькую группу всадников, оказавшихся чуть впереди других.

Я тогда как раз справилась с лошастью и с безопасного расстояния наблюдала, как преисполнившиеся энтузиазма рыцари быстренько схватили у слуг копы со странными перекладами у концов и принялись окружать обалдевшего кабана. И всё шло хорошо — свинья бесилась и визжала, охотники улюлюкали и смеялись... пока на поляну не выскочил другой олень и половина рыцарей, как по команде, "вдруг" потеряли к кабану интерес. Лично я считаю, это заговор — слишком всё искусственно со стороны смотрелось. Только что всем гуртом на кабана и тут — р-р-раз! И перед разъярённым кабаном остался одинокий всадник, к которому "бронепоезд" и пошёл.

Хрупкий Эдвард, отлично держащийся в седле, и визжащая туша, мчащаяся на него со скоростью автомобиля... Каким-то чудом Эду удалось умирить испуганную лошадь, и встретить кабана копьём. Но даже моих знаний физики хватило, чтобы понять: весовые категории кабана и Эда совершенно разные, и импульс кабана... В общем, всё ещё держащийся за копьё Эдвард вылетел из седла, я, резко обрета голос, закричала,

ополоумевший кабан развернулся...

Эд никак не успевал встать или хотя бы уклониться, а я никак не успевала выпутаться из чёртового седла и как всегда могла лишь бесполезно вопить и наблюдать, как мой прекрасный принц будет умирать у меня на глазах... на глазах у этих "рыцарей", которые только стоят и смотрят...

Один настоящий рыцарь среди них всё-таки нашёлся. Чем-то напоминающий Чёрного, когда он превращается в человека, всадник с копьём наперевес вылетел на поляну и успел оказаться рядом с Эдом ровно в последнюю секунду.

Думаю, они и вдвоём бы эту тушу не остановили, но тут "опомнились" другие. Кабана забили, я искусала все губы до крови и в груди что-то подозрительно закололо, а эти... охотнички, включая Эда, только радостно смеялись. Типа победители.

— Госпоша, вам есть нехорошо? — участливо осведомилась Аглая, вместе с кем-то из стражников, снимая меня с седла. — Мошет, есть лучше отвести вас в шатёр?

У меня тряслись руки и дрожал голос, когда я посылала клушку и окружающих, а особенно золотоволосого удалыца-принца лесом, полем и дальше. А вокруг дудели в рожки, шутили и поздравляли с удавшейся охотой.

Интересно, они вели бы себя также, убей кабан Эда?

— Катрин! Немедленно! Успокойся!

Я зыркнула в сторону Эдварда и со всего размаху грохнула о пол хрустальную вазу. Национальное достояние (как меня только что просветил Эд), дорогое? А мне пофиг!

Второе достояние само легло в руку и с радостью шмякнулось о стену.

Был вечер в замке, точнее ночь после охоты, и я... нет, не плакала, а всего лишь была посуду!

— Катрин! Не вынуждай меня звать стражу!

— Ах ты ещё и стражу звать собрался?! — пропыхтела я и прицелилась хрустальной статуэткой в Эда. — Ну зови!

Эд увернулся и бросился ко мне. Третий раз, ха!

Я вскочила на кровать и принялась кромсать подушку.

— Ты, правда, идиот или притворяешься?!

— Катрин, утомись! — неожиданно злым голосом прошипел Эд, и я тут же опустила подушку. — То, что произошло на охоте, было случайностью. Всё закончилось хорошо. Немедленно прекрати истерику и ложись спать. Ты устала.

Нет, как он... Да как... У-у-у!

— Сил вправить тебе мозги мне хватит! — прорычала я в ответ. — Только полному дураку это покажется случайностью! Они тебе завидуют и пользуются тем, что ты такой добренький и никогда не спустишь на них демонов. Все это прекрасно поняли. И что? Ты будешь спокойно ждать, пока тебя "по случайности" убьют?!

Всегда спокойный и тут вдруг сорвавшийся Эдвард заставлял "отключать тормоза" и сломя голову сыпать обвинениями. Я потянулась за стоящим у кровати графином.

— Катрин, прекрати бить хрусталь! — вместо ответа приказал Эд. — Ты знаешь, сколько он стоит? Ты хоть представляешь, с каким трудом я вытрясаю деньги из казны?!

— Потому что благородство не позволяет воспользоваться Проклятыми?!

— Это не твоё дело, — неожиданно глухо отчеканил Эд и повернулся к двери. — Я начинаю думать, что епископ прав и ты действительно не в себе. Не знаю, из-за твоего

заклятья или нет, но в последнее время... Может, тебе и правда стоит усердней молиться?

Что?!

Не глядя, что именно, я схватила первый попавшийся предмет и швырнула в Эда. Ваза с цветами. Глиняная. Прекрасно разбилась и окатила Эда водой.

Наследный принц Азвонии медленно обернулся и смерил меня таким взглядом, что я невольно отшатнулась.

— Эдвард!

— Я приказываю тебе оставаться в своих комнатах, — процедил он, — пока не решу иное. Стража!

Обомлев, я наблюдала, как он объясняется со стражниками, как злорадно некоторые из них на меня косятся, как поджали губы вездесущие клушки-служанки.

Да как они смеют!

— А с плащом они и правда перепутали, — выдохнула я Эду в след. — Тебе должны были прислать. Как раз для такого, как ты, шили.

Принц промолчал, только неестественно выпрямился и вскинул голову.

А потом дверь за ним захлопнулась, и я взаправду разрыдалась.

До колокола — хвалитни — я попеременно успела побывать в отчаянии, злости, желании настучать Эду по голове и... желании настучать по голове себе. Последнее было странным, но, хоть я признавала, что Эдвард становится похож на местных невоспитанных чурбанов, унижающих женщин, однако... мне не надо было всё ему так говорить. Ну что стоило спокойно объяснить, а? Да, господи, я уже начинала думать, что слёзы помогли бы больше.

После хвалитни терпение лопнуло окончательно. Я извелась и, конечно, не верила, что Эдвард действительно посадил меня под домашний арест. Ну не мог он... не мог и всё. А ждать невесть чего и мучиться угрызениями совести становилось невыносимым. Так что стоило колоколу умолкнуть, я громко позвала Аглаю. Ну, спит клушка... Проснётся. Я тут страдаю, а они спят?!

Сначала никто не откликнулся, и я позвала снова — громче и с выражением. Выражениями. И, когда решила было, что и на этот раз меня проигнорируют, дверь открылась. Но вошла почему-то не Аглая, а тот самый стражник с ненавидящим взглядом. Взгляд, кстати, тот же остался. Умей азвонец им убивать, я бы уже копыта откинула. А так просто дрожащим голосом поинтересовалась, что ему здесь нужно. Стражник улыбнулся, что-то на своём ответил и медленно пошёл на меня. Я также медленно принялась отступать, абсолютно не понимая, что происходит. А когда догадалась завопить, зовя на помощь, этот... нехороший человек зажал мне рот рукой и... в глазах отчего-то потемнело.

Дальше помню плохо, но, кажется, этот странный, опасный тип портил пол в моей спальне, рисуя на нём какие-то значки. А ещё его тень была не его тенью — меня это даже в полудрёме удивило. И, что удивило сильнее, эту тень я уже где-то видела. И я даже принялась вспоминать, где именно, когда сознание помахало ручкой и отключилось. Помню, значки вспыхнули, я стала задыхаться, в глазах потемнело окончательно и... привет, забвение.

Последним, что я успела — пожалеть, что так и не извинилась перед Эдом. Но, похоже, не судьба.

На груди сидела крыса. Да, не мышь, а именно крыса. На моей груди. Жуткая, серая, щетинистая, остроносая морда пялилась на меня и слезать не собиралась. Даже после того, как я заорала. Хотя вряд ли она слышала, потому что рядом тоже кто-то вопил "Pater noster", да так страшно, что на мгновение меня перестала интересовать даже крыса. Потом я замахала руками, и серая нахалка таки соизволила с меня слезть: неторопливо, с чувством собственного достоинства.

Я с трудом села: голова кружилась, перед глазами плыло и переливалось алым. Потом резко потемнело, и я решила, что всё, опять сознание потеряю. Нет, просто вокруг было темно. Сначала — хоть глаз выколи, потом — уже терпимо, сумрачно. Но видок не радовал. Ой, совсем не радовал...

Город. Точнее, городская улица, пустая, со сгустками теней — домами. В этих домах кто-то был, потому что оттуда кричали — приглушённо, но всё равно леденяще отчаянно.

Я встала на колени, с ужасом оглядываясь. Подворотня? Снова? Похоже, но почему кричат? И так пусто. Ночью везде, где я в подворотнях здесь оказывалась, шла бурная жизнь: нищие, пьяницы, бродячие животные... А здесь точно декорации к дешёвому фильму ужасов.

Фильм перестал быть дешёвым, когда я повела руками, ощупывая, пытаюсь понять, где очутилась. Одно рукой наткнулась на каменную стену, другой — на нечто... бывшее... человеком.

Слабость прошла мгновенно — меня точно волной отнесло аж к противоположной стороне улицы, но трупы были и там. Не то чтобы друг на друге лежали, как в некоторых действительно дешёвых ужастиках показывают, вовсе нет, но мне хватило. Медленно, очень медленно, на ватных подгибающихся ногах я побрела прочь, скорее прочь, быстрее, быстрее...! Меня бы стошнило, наверное, если бы я хоть что-то за вчерашний день ела. Сбесившаяся лошадь и кабан-убийца не способствуют хорошему пищеварению.

И слава богу, что была ночь и я почти ничего не видела. И дороги, кстати, не разбирала. Вот и выбралась к окраине к какому-то... парку. О, холмики... Заранее холодея от ужаса я остановилась, по щиколотку увязнув в земле. И слышала тихий перезвон.

Бренчала повозка, которую везла почему-то не лошадь, а, судя по силуэту, человек. Рядом шёл ещё один, на самой павозке что-то возвышалось и покачивалось. И как-то очень зловеще бренчал колокольчик.

Двигалась эта странная парочка с повозкой в мою сторону, так что убежать было поздно — точно бы увидели. Я села на корточки, спрятавшись за каким-то кустиком, и принялась наблюдать. Повозка невозмутимо прокатила мимо, остановилась неподалёку у какой-то не то ямы, не то вообще бог знает, чего. Накренилась и выбросила содержимое в... хм... яму. Содержимого было много, так что я рассмотрела. И вот тут меня по-настоящему вывернуло, потому что это оказались трупы. Невозмутимые возницы их потом спокойненько забросали землёй и отправилась восвояси, ни на что не обращая внимания. А я долго пыталась прийти в себя, прекрасно поняв, что забрела на кладбище и увидела очень циничный способ похорон в братской могиле.

Да что у них тут происходит? Точно мор какой-то...

Моё паническое бегство после этого стоит отправить в глубины памяти вместе со взбесившейся кобылой и кабаном... Хуже всего: когда я опомнилась и поняла, что нахожусь на краю какой-то площади, она не была столь пустынна, как улицы. По ней медленно бродили люди. Кто-то пристально смотрел вниз, как будто что-то ища, кто-то кривлялся,

точно буйный сумасшедший, кто-то бросался на остальных, хохоча и улюлюкая.

Я метнулась в подворотню и остановилась только, когда из ближайшего дома раздался крик. Леденящий стон. Я замерла, как птичка перед удавом. И сама завопила не хуже, чем неизвестный страдалец, когда меня схватили за ногу.

Сначала я подумала, что фильм ужасов перешёл в стадию "зомби" и трупы оживают. Но тут оживший заговорил — на языке Эдварда — и я резко вспомнила, что в целом зомби молчат. Почему-то это убедило, что человек ещё жив. Лучше, правда, не стало, потому что он явно был не в себе: предложил мне прилечь рядом, ибо "всё равно мы все умрём".

Не знаю, как некоторые, а я умирать не собиралась. И потому с размаху пнула его и бросилась бежать.

"Зомби" — не смотри, что только что на земле валялся — живенько вскочил и кинулся за мной. Резво так, точно за ним сам дьявол гнался. А ещё спустя какое-то время я, сама полуживая от ужаса, вдруг услышала, что к нему присоединилась ещё парочка таких же "мертвецов".

Мамочки! А вдруг они все тут такие?! И все по мою душу?!

Господи, да куда же я попала!

У страха глаза велики: орава "зомби" за мной не кинулась. Но, как я ни петляла по странным переулкам, наткнулась в итоге на тупик, а один из самых настойчивых преследователей, соответственно, на меня. Этот бормотал по-азвонски и невесть чего хотел, но потому как тянулся к лицу, было похоже, что поцеловать. Понятно, что я отбивалась, как только можно, так что в итоге мы вместе упали, а там подоспели остальные и... Помню, у меня перед глазами промелькнула похожая сценка, когда я кинжалом... Тошнота нахлынула тут же — "зомби" смердели ужасно. А ещё были странно слабыми, но даже так трое мужчин слишком много для меня, в чём я немедленно убедилась, и...

Свистнула стрела. Одна, вторая. Кто-то заорал прямо в ухо, а потом перед глазами оказались копыта и, спустя мгновение — рука, торопливо ухватившая меня за плечо и втащившая в седло.

К тому моменту я уже не могла ни кричать, ни сопротивляться, разве что тихонько скулить, когда уткнулась спасителю в грудь. Лошадь вместе с нами развернулась и понеслась прочь. Рядом тоже кто-то скакал, но важным был на тот момент лишь знакомый запах — смесь пота, мяты и чего-то острого, пряного, так что это могло быть только... только...

— Эдвард! — всхлипнула я.

Рука прижала меня сильнее, так, что я слышала, как гулко, быстро-быстро бьётся у него сердце. И решила, что вот он — счастливый конец, прежде чем перед глазами вновь потемнело.

Но теперь было совсем не страшно.

Сосредоточенно-хмурая физиономия Эдварда не то, что я желала бы видеть с утра.

Я вообще решила было, что мне всё приснилось. Но раз так, почему мы в лесу, вокруг с десяток Проклятых и жутко серьёзный Эд роется в седельной сумке.

— Только не говори, что тебя турнули с авзонского престола, и мы снова убегаем? — простонала я. — Серьёзно...

Эд вскинулся, точно я у него над ухом орала.

— Катрин! Как ты себя чувствуешь? — и зачем-то принялся щупать мне лоб. И... погодите-ка...

— Ты зачем это сделал?! — выдохнула я, прижимая руки к груди и изумлённо разглядывая разорванный ворот сорочки.

— Катрин, дай мне тебя осмотреть, — настойчиво, с каким-то маниакальным блеском в глазах, потребовал юноша.

Я обмякла, но чувство, когда его рука зашарила по ключице и зачем-то подмышкам, было, мягко говоря, странным.

— Да что случилось-то? Где мы? Что... что происходит?

Эд кончил осмотр, ещё с минуту настойчиво меня гипнотизировал, потом вздохнул и вдруг крепко сжал меня в объятьях.

— Катрин...

Э-э-э... А-а-а!

— А ты на меня вчера ругался! И в спальне запер! — пожаловалась я, временно "забыв", что вообще-то собиралась извиняться. — А ещё ты на меня смотрел. Вот так, — и, надув щёки, уставилась на Эдварда. Точнее, попыталась, потому что отпускать меня не собирались.

— Прости, прости, прости, — шептал юноша, целуя меня в щеки, за ушком, в шею...

И я таяла, пока он не отстранился — зачем?! — и не взял себя в руки.

— Что случилось-то? — спросила я позже, в седле, когда мы невесть куда скакали вместе с Проклятыми. — Куда мы едем?

— В столицу. Катрин, среди стражи оказался чужой колдун. Я понятия не имею, как это вышло. Точнее, Адриана не имеет, — голос Эдварда звучал очень напряжённо. — Думаю, тебя хотели похитить, но, возможно, что-то пошло не так, и ты оказалась в Заглесе и...

— Где-где оказалась? — удивлённо перебила я. — Что ещё за Заглес?

— Город на юге, там... — Эд замолчал, подбирая слова.

А я очень хорошо вспомнила этот Заглес.

— Ничего себе тут порядочки! Эдвард, скажи, этот ваш Заглес в Азвонии — что-то вроде пещеры ужасов, да? Типа бесплатный аттракцион для туристов? Там же не взаправду всё было? Это ж ваша магия, да?

— Катрин, Заглес и другие города рядом с ним сейчас полностью отрезаны от мира, — усиленно спокойным голос принялся объяснять юноша. — Туда нельзя ни въезжать, ни выезжать...

— Но мы-то как-то там оказались? — буркнула я. — А почему нельзя? Аттракцион на ремонте?

— Я не понимаю, о чём ты говоришь, — тихо откликнулся Эд. — Там "Чёрная смерть".

И красноречиво замолчал.

— Ну чудненько, что не голубая, — фыркнула я. — А что не так-то?

— Там чума, Катрин, — сорвавшимся голосом пояснил Эд. — Ты не могла о ней не слышать.

Да. Ой, да...

— Мамочки, — выдохнула, вспомнив крыс и... и... телегу...

— Не бойся, Катрин, если бы ты заболела, ты бы уже знала, — философски заметил Эд, понукая коня.

Ага, знала... А что-то у меня коленка чешется. И это... лоб горит!

— А ты? — наконец "осенило" меня. — Ты когда узнаешь?

— Не бойся, Катрин, — фальшиво хохотнул Эд. — Я сын некроманта. А колдуны чумой

не болеют.

— Так ты..., - "так ты же и не колдун" чуть не сорвалось с языка прежде, чем я осознала, что собираюсь ляпнуть. Эд всё прекрасно понимал и всё равно поехал за мной в чумной город...

— Спасибо, — чуть погодя шепнула я, прижимаясь к его плечу.

Эд промолчал, только легонько поцеловал меня в висок.

Спустя десятки километров и пару колдовских коридоров, организованных Проклятыми, мы въехали в столицу.

Королевский замок стоял на ушах, особенно слуги. Лорды просто делали изумлённый вид, а слугам и страже, похоже, больше досталось.

Красочно представляя, как бушевал Эдвард, когда узнал, что меня похитили, я нашла среди толпы Аглаю, помахала ей. Клушка, запричитав, бросилась ко мне, явно забыв про вставших оцеплением Проклятых. Я махнула, чтобы её пропустили и сама скатилась с седла — Эдвард почему-то замешкался, обычно же он спешивался первый.

Никогда не думала, что так обрадуюсь этому месту. Гомонящему двору, взволнованно кудахчущей Аглае, церковному колоколу. Пробившаяся через оцепление клушка бросилась ко мне, торопливо накинула какой-то плащ на мою грязную, рваную сорочку. Я быстро объявила, что сейчас не до этого, пусть лучше отведёт меня на кухню — есть жутко хочется. Обернулась...

Выпустив поводья, Эд безвольно завалился набок... и рухнул на землю. Точнее на меня, а мы вместе — уже на землю.

— Эдвард, — непонимающе шепнула я, садясь и тряся его за плечо. — Эдвард, что с тобой?

Юноша не отвечал. Его глаза были закрыты, щёки лихорадочно алели, по лбу стекали капельки пота.

Нет. Неправда. Нет!

От местной медицины хотелось повеситься. Неудивительно, что они тут повально мрут во время чумы. Странно, что их простуда не сваливает. Если не лечиться и уповать на милость бога, "ибо все мы в руке Его", то можно радостно отправиться в Царство Его, посверкивая нимбом и наигрывая на арфе. Серьёзно, все тут думают: раз помер, значит, так и надо. Раз заболел, значит, почти наверняка грешил, и это кара Господня. О том, что все мы грешны, но одни почему-то здоровы, местные "философы" забывают.

Врачи — десять стариков — собрали вокруг Эда консилиум, посовещались и... Натурально, решили, что "всё в руках Его". А королю один шепнул по секрету, что вообще-то, выражаясь языком современным, вероятность летального исхода почти сто процентов. Придя к этому светлomu выводу, господа-эскулапы спокойненько разошлись. Один, правда, предложил вскрыть нарывы, но на него зашикали. Ну да, ну да — всё ж от Господа зависит. Молитесь, молитесь больше, чтобы Его Высочество в рай попал. А мы его радостно туда и проводим...

В спальню к Эду пропустили сиделку, нас, нервно ждущих снаружи, окурили какой-то мерзко пахнущей гадостью, облили уксусом и запретили даже приближаться к больному. А чтобы ни у кого соблазна не возникло (вообще-то желающих и так не было), у комнаты поставили стражу, жутко воняющую уксусом.

Поглядев на всё, я сначала решила, что это шутка такая. Ну, или ритуал. А может, у меня культурный шок и я чего не понимаю? Но, когда Аглая, шепча мне на ухо утешения, подтолкнула к двери, стало ясно: нет, не шутка. Вот тут я и правда испугалась. Они что, так и оставят Эда... умирать? Как тех людей на улицах этого... как его... Заглеса? Ну да, примочки какие-то приложили... но и всё?!

В комнате — гостиной? — уже почти никого не осталось, только стража, да кто-то из врачей, когда я качественно и со вкусом устроила форменную истерику. Сначала под лозунгом "Да сделайте же вы что-нибудь!", потом — "Как вы смеете меня к нему не пускать?!". Кто-то из врачей — дедок с длиннющей седой бородой, сильно смахивающий на Леонардо да Винчи на автопортрете — раздражённо сообщил: чудо, что я сама не заразилась и "молись, девица, больше". Я истерила дальше и неизвестно, чем бы это кончилось (хотя почему неизвестно? Стражу позвали — меня в охалку и заперли бы в спальне), но кому-то пришла в голову светлая мысль, что раз не заразилась, значит, пусть сидит у постели больного, если так хочет. Я хотела и немедленно предложением воспользовалась. Кажется, все вздохнули с облегчением.

Через полчаса я выгнала сиделку — благообразную старушку-божий одуванчик. Она молилась, и это жутко действовало на нервы.

Эд был не то без сознания, не то спал — но очень крепко, раз даже мои вопли его не разбудили. Так что я побесилась ещё себе тихонечно, а потом устроилась рядом с Эдом на кровати, держа его за руку. И как-то незаметно заснула.

Ещё не рассвело, когда Эдвард меня разбудил. Сам при этом явно не проснулся — глаза были закрыты, точнее, крепко зажмурены, лицо горело, пот тёк ручьём. Думаю, температура у него зашкаливала. А ещё он метался и бредил. Сильно метался — меня сначала сбросил с кровати (а она вообще-то огромная), а потом и сам, не просыпаясь, попытался встать. А, когда я его уложила и хорошенько укрыла, вдруг стал стонать, напомнив крики, которые я слышала из домов в том ужасном городе.

Надо ли говорить, что я до смерти испугалась? Хуже: я понятия не имела, что делать и отдала бы всё, появившись сейчас в комнате врач. Но, как меня не хотели пускать в спальню Эдварда, так теперь не желали выпускать — а стучала и звала я очень громко.

Спустя где-то час я в полной апатии сидела рядом с Эдом, держа его за руки и постоянно укрывая. И лила слёзы — очень полезное занятие. Эдвард в бреду вырывался, хватаясь за грудь — думаю, его очень сильно беспокоили вздувшиеся болячки, образовавшиеся в районе ключиц и подмышками (теперь ясно, почему он сам осматривал меня именно там). Врачи, если мне память не изменяет, называли их бубонами, и мазали какой-то дрянью. Не то дрянь, не то сами болячки причиняли жуткую боль, потому что когда я их случайно коснулась, укрывая Эда, он не то что застонал — закричал от боли.

Так страшно мне не было, даже когда отец Эдварда кинул факел в дрова на помосте и те занялись красивым огоньком. Тогда я просто потеряла сознание — и, слава богу, довольно быстро. Сейчас же я ничего не могла сделать, а мой друг, мой принц, мой Эдвард умирал. Мучился и умирал у меня на глазах, а я была совершенно, абсолютно бессильна. Я отдала бы что угодно хоть за малюсенькую возможность его спасти, но её не было...

— Отчего же, — раздался знакомый насмешливый голос рядом. — Есть. И даже не малюсенькая. Отдай мне свою душу, Катя, и он выживет. Я обещаю.

Я резко обернулась. Демон сидел в кресле и улыбался. Тёмные глаза алчно блестели, да и весь вид, несмотря на человеческое обличье, был какой-то... звериный. Точно вчерашний мастифф, почуявший оленя.

— Душу, — пробормотала я, во все глаза смотря на Чёрного. — Душу?

Он кивнул, и то ли намеренно, то ли нет, облизнулся.

Эдвард снова застонал и вывел меня из ступора. Душу, значит? Да нафига она мне? Я вообще атеистка! Я в неё не верю!

— Да подави... — начала было я и осеклась. В глазах демона сверкнул алый огонёк — наверняка отблеск свечи, но он заставил вспомнить... многое. Ад, например. Ну как он ещё хуже, чем это замшелое Средневековье — или бред, или параллельный мир? А ну как... — Постой-ка, — севшим голосом начала я, с силой сжав руки Эдварда. — Ты мне за душу небо в алмазах обещал, помнишь?

Демон быстро кивнул и подался вперёд.

— Вот и огласи-ка расценки! — объявила я как можно суровее. — Если небо в алмазах — одна душа, то здоровье человека — половина? Четвертинка? Место в Чистилище? А?

Зря Чёрный выбрал человеческий облик. Точно зря. Потому что вид у него сделался обалделый настолько, что я даже рассмеялась — истерически.

— Катя, — надо же, у него лёгкий акцент прорезался. Станный какой-то, — ты не понимаешь? Он сейчас умрёт, — объявил демон, и я судорожно выдохнула. — Чудо вроде возвращения из мёртвых совершенно точно стоит души.

— Так ещё ж не умер, — нервно хмыкнула я. — Значит, и стоит дешевле. Давай, демон, колись. И кончай меня разводить, я всё поняла.

Чёрный моргнул пару раз и выругался — по-русски, грязно помянув капитализм и оборзевшую молодёжь, у которой ничего святого нет.

Я прикусила губу от нетерпения.

— Эту проблему очень легко решить, — заявил опомнившийся демон. — Я зайду сюда через какое-то время, и ты сама прекрасно на всё согласишься... котёнок.

— Не смей меня так называть! — зашипела я. — И чтоб ты знал: тогда я в состоянии аффекта сброшусь с крыши. Потому что не верю ни тебе, ни клирикам — никому. А если Эдвард умрёт, меня здесь ничего хорошего не ждёт. И вообще, давно пора попробовать самоубиться — может, домой вернусь.

Глаза Чёрного округлились.

— Ты... — начал он и замер, явно поняв, что я не лгу.

Ещё минут пять — драгоценных пять минут жизни Эдварда — мы с демоном пялились друг на друга. Потом Чёрный, не сводя с меня глаз, выдохнул:

— В таком случае... желание.

— Какое? — вскинула бровь я.

— А вот это, милая Катя, уже на моё усмотрение, — отчеканил демон.

— Хорошо... Но которое я в силах выполнить! — быстро поправилась я.

Демон скорчил забавную рожицу и протянул мне какой-то пергамент.

Я непонимающе его осмотрела и протянула обратно.

— Так, давай на русском. Я эти закорючки не понимаю. Ты бы ещё японскими иероглифами зашифровал, умник, — а у самой руки трясутся, пергамент пляшет...

Демон снова выругался, махнул рукой и пергамент быстренько "перевёлся". Блин, мне бы на уроках так!

Ещё минут пять мы ругались по поводу формулировок — что я, папины документы не читала? Я знаю, как договор составляется. И, когда Эд подозрительно затих, а в глазах демона появился знакомый алчный огонёк, я быстро схватила у демона ручку и расписалась, запоздало подумав про кровь.

— Всё?

— Всё, — хмыкнул демон, аккуратно складывая договор. — Чтобы я ещё раз с такими, как ты, связался... В следующий раз будешь мне душу должна. И не спорь.

— А что, и следующий раз будет? — закричала я, но демона уже и след простыл.

Я ещё какое-то время пялилась в никуда, потом упала рядом с Эдвардом на кровать и закрыла глаза.

Что же я натворила?

— Катрин, — слабым голосом позвал Эдвард, и я тут же проснулась.

Светило солнце — ярко, радостно. Эдвард шурился, и я быстро поправила занавеску балдахина.

— Что, — начал юноша, проводя рукой по груди. И тут же замер.

Болячки за ночь лопнули — в гное оказалось испачкано всё одеяло. Я поскорее его скатала и укрыла Эда верхним тёплым покрывалом.

— Катрин, — обрета дар речи, воскликнул юноша. — Ты что здесь делаешь? Умереть захотела? Вон отсюда! — и снова замер, когда я бросилась ему на шею.

— Только посмей ещё раз умереть у меня на глазах. Слышишь? Только посмей!

Эдвард, невнятно бормоча, пытался меня выгнать, я попеременно плакала и смеялась, пока в комнату не заглянули вчерашние врачи и стража — с таким похоронным видом, что мне немедленно захотелось показать им язык.

А вот так вот! Знай наших, ясно?!

Глава 19

— А потом принесли его тело в простой крестьянский дом, положили на стол, и изумились все: настолько прекрасным был он. И усомнились они тогда, что человек этот незнатного происхождения... Катрин, в чём дело?

Я захрюкала в ладошку. Эдвард отложил книгу и укоризненно воззрился на меня.

— Катрин, ты разве не находишь эту повесть прекрасной?

Я не выдержала и расхохоталась в голос.

Эд нахмурился.

— Катрин, благородный человек погиб, а ты... смеёшься?

— Да какой... кхе-кхе... благородный! — меня снова разобрал смех. — Сначала поехал охотиться на кабана, потом спустил на него любимую собаку, после чего решил за эту собаку мстить, причём в одиночку. Эдвард, извини, но я нахожу, что у этого человека не всё ладно с мозгами. Серьёзно, ну зачем было охотиться в одиночку?

Эдвард сосредоточенно перелистал книжку.

— Его убил не кабан, а люди...

— Тем более, — фыркнула я. — Тоже мне, граф, а у самого под боком разбойники шастают.

Эд отложил книгу и оглядел меня с головы до ног.

— Знаешь, Катрин, в такие моменты я готов поверить, что ты из другого мира. У вас там

этот граф что должен был сделать, чтобы считаться благородным?

— Хороший вопрос, — я зевнула и украдкой глянула в окно. Луна уже высоко, наверняка полночь. А мы читаем всякую фигню. — Ну, наверное, помогал бы сиротам... В благотворительности участвовал. А вообще, нет. У нас он был бы благороден, если бы раскидал всех этих разбойников, как... как... пушинок, вот!

— Катрин, их было двадцать, — скривился Эд.

Я вспомнила, как в прошлом фильме какой-то супергерой расправлялся с целой армией, и громко хмыкнула.

— Вот я и говорю: мало. Ну ладно, мог бы их облапошить, раз такой хиленький. Эдвард, ну я не знаю! Но погиб он глупо. И вообще, зачем мы читаем какую-то глупость? Я думала, у вас её только на пирах исполняют, а тут ты ещё...

— Пирах? — переспросил юноша. — В смысле?

Я цокнула языком: зря вспомнила.

— Ну, эта, песня про рыцаря, который дружил с каким-то подонком, тот его предал, а рыцарь от полного благородства прикрывал спину какому-то государю, а государь ничего не заметил, и рыцаря убили и... — я выдохлась, — в общем, там конец ещё тупой.

Эдвард вытаращился на меня.

— Катрин... Это песня о Роланде?

— Да я что, помню, как этого чудика звали, — начала я. — А-а-а... Что, правда, что ли? Это был Роланд? Бли-и-ин, я его как-то иначе представляла.

— Что-то я уже не хочу в твой мир, — задумчиво, но с ноткой усмешки протянул Эдвард. — У вас не чтут ни достоинство, ни верность сюзерену, ни честь...

— У нас другие приоритеты, — многозначительно объявила я. И также многозначительно залезла под одеяло поближе к тёплому Эду. — Давай спать, а?

— Катрин, ты с ума сошла? — скривился Эд, тем не менее придвигаясь ко мне. — Ты ведёшь себя неподобающе. Слуги уже болтают.

— Это было до жёлтого плаща или после? — парировала я, закрывая глаза. — Кстати, о слугах. Не хочу никого звать — поможешь снять эти капустные одёжки?

Эд молча уставился на меня, словно не веря ушам.

— Ну помоги, что тебе стоит, — заканючила я. — Раньше всегда помогал!

— Раньше мы не были во дворце, — деревянным голосом произнёс юноша.

Я повернулась на спину.

— И что? Типа принцем заделался, всё теперь, да? Ну и... Ну и фиг с тобой, — я села и принялась выворачиваться, пытаюсь достать завязочки, крючочки, ленточки...

Спустя минуту за спиной вздохнули.

— Катрин, ты должна научиться хотя бы раздеваться сама, — тоскливо произнёс Эд, помогая мне с особенно противной завязочкой. — Не вертись! Сиди спокойно...

Какое-то время мы молчали — Эд сосредоточенно меня развязывал. С его теперешней постоянной слабостью на это наверняка ушли все силы.

А ещё спустя какое-то время, когда я избавилась от блио и недокорсета, Эдвард тихо произнёс:

— Катрин, ты очень красивая.

Я повернулась к нему, теребя ленточку на вороте сорочки.

— Очень?

— Очень, — взгляд юноши скользнул куда-то в район моей груди. Да, с ней у меня всё в

порядке. Не жалуюсь.

Я ждала, что Эд меня поцелует. И он поцеловал — руку.

— Как целомудренно, — фыркнула я, ложась и отворачиваясь.

— Катрин, я тебя люблю, — неожиданно произнёс Эд, и прозвучало это как-то... обречённо.

— Подумай об этом, когда в следующий раз решишь сунуться в чумной город, — объявила я, тем не менее поворачиваясь к нему.

Эд только улыбнулся и, взяв меня за руки, прижал их к своей груди.

И этот нехитрый жест показался мне романтической поцелуя.

— Никогда не отпущу, — пробормотал Эд, засыпая. — Никогда.

— Банально, — смущённо буркнула я. И, не выдержав, чмокнула его в щёку. — Спокойной ночи.

Но Эд уже спал. Последнее время он много спит — быстро устаёт. Всё никак не придёт в себя после этой, что б её, чумы.

Я вздохнула, отогнав неприятные воспоминания, и закрыла глаза.

Я тоже. Также тебя люблю. Но фиг ты от меня этих слов дождёшься!

Музыка была безумно красивой. Ещё чудесней казался голос — никогда бы не решила, что он принадлежит девушке... да и вообще человеку. Так должны петь ангелы. И именно это — музыка, славящая бога. Гимны. Аллилуйя. Не знаю, но это, правда, было божественно. Надо же, а с виду обычная девочка...

"Обычную девочку" привела моя новая знакомая — герцогиня де Сиета. Очень суровая, строгая, принципиальная дама — настоящая английская леди, даром, что азвонка. И Её Сиятельство приходилась матерью тому храброму красавцу, бросившемуся вместе с Эдом на кабана. Читай — спасшему моему принцу жизнь. За это я готова была терпеть всех чопорных дам на свете. А леди, напротив, терпела меня благодаря сыну, нынешнему герцогу де Сиета, подружившемуся с Эдом. Вот, а вы говорите, у нас бласт. Связи, они и в Азвонии связи.

Леди де Сиета (кажется, её первое имя — Маргарет) явилась в мои комнаты однажды утром, без приглашения. И чудом меня застала — с тех пор, как Эд стал выздоравливать, я негласно получила полную свободу передвижения по королевскому дворцу, чем и пользовалась. Обычно я выбиралась в сад (он здесь громадный) или просто бродила по коридорам. Слуги делали вид, что меня нет, придворные косились и хихикали. Иногда я развлекалась, строя им рожицы. Видимо, они считали, что я... того, с приветом. Хотя... как-то раз я соорудила рожицу кардиналу, и Эд вечером меня отчитал. Было неприятно, но не настолько, чтобы во время службы удержаться ещё раз. Под вуалью всё равно незаметно. Ну, бесит меня кардинальская сутана!

Так вот, леди явилась и сходу принялась всех строить. Служанок, Аглаю, меня... Губы поджала, на меня глядя. И заявила на языке Эдварда:

— Девочка, из какой дыры ты вылезла?

У меня вертелось на языке парочка названий, но я даже по-русски их произносить не стала: физиономия леди не располагала. Прямо как наша декан — миссис "я-вечно-всем-недовольна".

— Тыходишь в окружение Его Величества, Его Высочества и моего сына, — объявила дама, повертев мой подбородок из стороны в сторону. — А стиль и манеры отсутствуют начисто. Ты дурно влияешь на принца Эдварда. И на моего сына, — убийственным голосом

добавила она. — Если ты хочешь остаться при дворе, девочка, ты должна вести себя и выглядеть соответствующе. Ты понимаешь? Твои манеры более приличествуют сборищу черни в домах удовольствий, о которых даже говорить в приличном обществе противно... Ты понимаешь меня, девочка?

"Девочка", опешив, взирала на странную тётку... простите, леди, и не находила слов.

— Ты должна ответить: "Да, Ваша Светлость", — подсказала герцогиня.

— Да, Ваша Светлость, — машинально откликнулась я.

Леди неожиданно улыбнулась. Чопорно и не разжимая губ.

— Ну, посмотрим, может, из тебя и выйдет толк.

Вот так неожиданно моя жизнь в Азвонии резко изменилась.

Первым делом леди привела своих служанок, вместе они осмотрели мои наряды и остались недовольны.

— Эти тряпки для мещан никуда не годятся, — перебирая одежду, морщила носик леди. — Невыносимо... Сначала тебя нужно одеть и причесать, девочка. Хотя внешне будешь похожа на... на приличествующую положению принца госпожу.

Мистрисс. Что-то в этом роде она употребила. Вроде официальной любовницы королевской особы. Господи, скоро, поди, узнаю, что у них тут вообще гарем.

Позже меня просветили, что моё счастье: у герцогини де Сиета нет дочерей. Иначе с таким же рвением, с каким она занималась моим облагораживанием, леди сжила бы меня со свету — никакой бы Эдвард пикнуть не успел. Охотно верю. Эта дама даже тигра заставит манерно рычать. Я серьёзно.

В общем, с такими герцогинями лучше не связываться.

В первый день мы занимались до глубокой ночи. И только когда обеспокоенный Эд прислал слуг узнать, куда пропала его мисстрис, меня отпустили.

Мы с Эдвардом теперь открыто спали вместе — если честно, я просто боялась засыпать одна. То ли после путешествия в чумной город, то ли после болезни Эда меня мучили кошмары. Эдварда, впрочем, тоже, так что ни о какой романтике и речи не шло. Так, пара поцелуев в щёчку. Эд был ещё слишком слаб, а я уставала после уроков "хороших манер".

За тот месяц, пока мой принц выздоравливал, леди де Сиета спустила с меня пять шкур и всё равно была недовольна — и в седле я сижу плохо, и азвонский ничерта не понимаю, и кланяюсь, как старуха древняя, и ем неаккуратно (на своего сына бы посмотрела!), и в платьях путаюсь. Её Светлость всё в толк не могла взять, что во мне нашёл благородный принц, так избалованный женским вниманием. То, что Эд когда-то сам работал в "доме удовольствий", почему-то никого тут не смущало. А вот то, что он приволок с собой "шлюху"... Да-да, болтали все: от придворных до слуг. Кто-то даже решил, что я очаровала несчастного Эда. В смысле, напоила приворотным зельем. Но тогда, стоило бы Эду пообщаться со священником, заклятье было бы снято. Эд же постоянно о чём-то совещался с кардиналом, а, значит, я невиновна.

Обалденная логика, а?

Столицу, кстати, лихорадило. Пошёл слух, что принц умирает, да не просто, а от чумы, и теперь "мы тоже все умрём". С ума сойти, у них тут митинги проводятся — монархия-то, монархия-сё... А как толпа ко дворцу явилась, так только Эд их и остановил. Мой Эд, к тому времени уже оклемавшийся настолько, чтобы сидеть. Вот в седло его и усадили. А дальше он сам, без охраны, без демонов выехал к бушующему людскому морю и полчаса его успокаивал. Как меня трясло, когда я на него смотрела, боже... Орущая масса перекошенных

рож, которые я с трудом назвала бы человеческими, и хрупкий, бледный всадник — один-одинёшенек против неё.

А все эти придворные сволочи — кардиналы, герцоги и прочая шушера наблюдали, спрятавшись за замковыми стенами! У-у-ух! Я пыталась устроить истерику, кричала, что они должны выслать армию, пусть рубят это бушующее противное нечто! Но на третьем крике мне благополучно зажали рот, перекинули через плечо и оттащили к крытой галерее, где приватно сообщили, что буду болтать — свяжут и выкинут в толпу, а принцу скажут, что так и было. Оставалось дрожать от страха, глядя из окон галереи на дворцовую площадь. На Эда. На собравшихся за стенами замка Проклятых. Но я же прекрасно знала, что никто, даже демоны, не успеют помочь, решит толпа расправиться с моим принцем.

Слава богу, всё закончилось хорошо. Не знаю, был ли Эд так убедителен, или демоны у него за спиной, но толпа снова кричала: "Салвадо". И снова порывалась его качать, наверное, вместе с конём. Эд потом проехался по всему городу — один, без демонов. Кажется, после этой прогулки мой принц стал почти местным святым — что-то в этом роде. Тем более что чума в городе и его окрестностях так и не случилась.

А меня к нему даже не пустили. Леди Сиета была исключительно убедительна (демоница с плёткой отдыхает), продержала меня до полуночи, а, когда я всё-таки пробралась в спальню наследника, Эд уже спал. Подушка промокла от слёз, прежде чем мне тоже удалось заснуть. Я тысячи раз представляла Эда мёртвым, тысячи тысяч...

И прекрасно поняла тогда, что, сколько ни бросайся ему в ноги, сколько ни бей посуду, сколь ни рыдай перед очередным "подвигом", он всё равно его совершит. Надо — в его морали это важнее, чем любовь.

Да, постепенно я начинала понимать девиц из баллад, с грустным видом машущих платочками вслед своим рыцарям. Кто знает, может, до этого девица ругалась трёхэтажным матом и била всё, что бьётся.

Но дракон важнее.

Из комнат Эда доносился смех, слава богу, мужской. Я подобрала подол и уставилась точно в середину двери, дожидаясь, когда её для меня откроют.

В чужой монастырь... да?

Не слишком расторопно, но дверь распахнулась (а раньше, между прочим, я мучилась, толкая её сама. Тяжёлая деревянная дверь. И хрупкая я). Специальных слуг, объявляющих о моём приходе в личных апартаментах Эда не было — троекратное ура. К "леди Катрин" привыкнуть почему-то не получалось. Так и хотелось каждый раз оглядеться по сторонам — ну, где та леди?

Я целенаправленно прошла в спальню, но смеялись не там, а в маленьком кабинете-библиотеке, последней из череды комнат, принадлежащих принцу. И картина была очаровательная: не до конца окрепший Эд и чернокудрый герцог, чья мать меня так активно достаёт уже месяц, сидели за столом друг напротив друга и, поставив локти, схватившись за руки, мерились силами. Кто кого к столешнице прижмёт, вот как.

Я, открыв рот, с минуту наблюдала, про себя удивляясь, почему не до конца окрепший, выглядящий как половинка герцога, Эд до сих пор не проиграл.

Потом Его Светлость, не оборачиваясь, заявил:

— Иди, ты нам не нужна.

— А вас никто и не спрашивает, — экспромтом выпалила я. И добавила в удивлённую

макушку. — Ваше Сиятельство.

— Катрин! — расцвёл улыбкой запыхавшийся Эдвард. — А мне сказали, ты уехала с герцогиней на конную прогулку.

Я громко фыркнула.

— Шас! Не дождёшься.

Парни, видимо негласно решившись на ничью, разжали руки. Эд встал и попытался подойти ко мне, но на третьем же шаге пошатнулся. Я бросилась к нему, естественно в сотый раз запуталась в подоле, чего-то там оторвала, а Эда поймал герцог. И, глядя на меня с такой... очень странной улыбкой, произнёс:

— Ваше Высочество, думаю, вам стоит немного отдохнуть.

Эд улыбнулся, сказал что-то быстрое на азвонском. Мужчины засмеялись, а я немедленно почувствовала себя лишней. Ничего, сейчас этот чернокудрый красавец отсюда уберётся, и Эд останется в моём полном распоряжении.

— Ты прекрасна, Катрин, — жадно глядя на меня, произнёс Эдвард, когда мы остались одни. — Тебе очень идёт этот наряд.

Ну ещё бы! Закрытые блио ушли в прошлое. Просвещённый азвонский двор носит декольте! Да какое... Эд немедленно уставился в мою выпирающую грудь — особенно, когда я села рядом с ним на кровать.

Минуту царила тишина, потом Эдвард, засуетившись, потянулся к прикроватному столику. И, наконец, молча протянул мне бархатный мешочек.

Хмурясь, я взяла. В прошлый раз мне так вручили кардинальское "благословенье" — после случая с рожницей. И заставили стоять на коленях в церкви! Долго.

На этот раз там точно было что-то твёрдое. Я запустила руку, нащупала прохладное, металлическое. Вытащила... Господи!

Кольцо. Богато усыпанное мелкими алмазами, изумрудами и рубинами. Венок алых роз. Ювелирное чудо.

Кольцо. Кольцо — это что-то да значит, а?

— Катрин, — по-своему истолковав моё молчание, произнёс Эд. — Прими. Пожалуйста.

А что, от такой красоты можно отказаться?

— Эм... э-э-э... это какой-то символ, да? Знак?

Эд, изучающе глядя на меня, кивнул.

— Знак. Знак того, что ты моя. Моя леди.

Э-э-э... Ну... Круто...

"Моя леди" — тогда я уже знала, что так говорят мужчины, когда уверены, что женщина действительно принадлежит им. Полностью и абсолютно.

Мачизм собственной персоной.

— А знак того, что ты принадлежишь мне, в вашей культуре имеется?

Эд моргнул.

— Катрин... Я не... не понимаю...

Значит, не имеется. Жаль.

— Ладно, — хмыкнула я. — Так и быть, — и, разрываясь от радости и желания угодить, вдруг спросила. — А хочешь, я тебе сегодня почитаю? — Ладно уж, пусть смеётся над моим азвонским. Сегодня можно. — Мы какую-то забавную историю изучали, про чудика с ослом.

Эдвард улыбнулся, притянул меня к себе и, взяв кольцо, аккуратно одел мне на палец.

И, поднеся к губам, поцеловал — у меня в груди всё перевернулось. Ровно как каждый раз, когда он так делал.

— Ты моя.

И даже моя феминистичная натура упала кверху лапками от того, как он это сказал. Обещание защиты, покоя и безопасности. Что ещё надо женщине?

Эд легко поцеловал меня в макушку, протянул книгу и, ехидно улыбаясь, заявил:

— Читай. Ты обещала.

При дворе я так и не прижилась. Нет, на меня никто не покушался, и Проклятые меня не охраняли. Ну, по крайней мере, я их не видела. В принципе, всё было даже терпимо — особенно, когда Эд окреп настолько, что стал вставать. По большей части меня или игнорировали или посмеивались. Знаете, такие взгляды исподтишка и смешки. И здесь я не могла поговорить со всеми по душам, как с Камиллой когда-то. Фактически, любой праздник... да что там праздник — любой выход за двери апартаментов сопровождался шепотками в спину и хихиканьем.

При Эдварде они, конечно, так себя не вели. Но Эд был здесь отдельно, а я — отдельно. А после кольца только хуже стало.

Не повезло мне на следующий же день попасться буквально под ноги королю. Нет, я девушка вежливая, поклонилась, как учили... ну, как смогла, точнее. А он на меня так зыркнул, у-у-у... Ещё и кардинал рядом тащился — шли под ручку, сладкая парочка. Так этот злыдень в красном подал мне руку... Это я сейчас поняла — перстень поцеловать. А тогда я решила — помочь встать решил. Ну, и схватилась за святейшую ручку... Мда. Лица у них были те ещё. А когда Его Величество кольцо разглядел... В общем, надеюсь, что этот живчик всё-таки скоро помрёт и оставит корону Эду, потому что меня он явно не любит. Или даже ненавидит. Наверное, мог бы — со свету сжил, не будь у меня Эда.

А вечером Эдварда вызвали к деду. Ну, официально так, красиво... А я вроде как случайно решила "пройти мимо" королевского кабинета, благо уже знала, где он. К тому же я тут теперь форменная невидимка или даже привидение. А невидимкам и привидениями полагается подслушивать.

Жаль, на весь разговор я не успела. Но того кусочка, который услышала, хватило за глаза.

— ...Мало того, что ты притащил сюда эту девку, ты ещё и позоришь меня, мой двор своим непристойным поведением, — гремел знакомый голос. Вчера он радостно провозглашал тост во славу процветающей Азвонии. И вчера в нём, конечно, не было этих угрожающих ноток. — Мне, естественно, не стоило надеяться, что при дворе колдуна тебе дали надлежащее воспитание, но я полагал, что хотя бы моя дочь... Но вижу, что ты похож на неё только внешне.

— Ваша дочь, — голос Эдварда звучал странно громко. Ещё чуть-чуть и превратится в крик. — Ваша дочь, королева, согрешила с графом и хотела отнять трон у законного короля, кем бы он ни был. Я благодарю бога, что похож на неё только... внешне.

Чьи-то шаги послышались у самой двери и тут же что-то упало.

— Мерзкое отродье колдуна, да как ты смеешь! — прогремел король. — Маргарита делала всё на благо Азвонии, а ты...

— Значит, это вы, — теперь в голосе Эдварда звучало показное равнодушие. Очень громкое, — подложили любовника в её постель? На благо Азвонии?.. Пусть лучше у меня не

будет семьи, чем такая, как ваша.

— Ублюдок! — выплюнул король, и я вздрогнула. — Распутник! Довольно! Я вынужден терпеть тебя на троне, но твоей девки это не касается! Ты сегодня же вышвырнешь эту шлюху из своей постели или завтра я её вздёрну!

Я прикусила губу. Постели? Шлюха? Э-э-э... У Эда есть любовница? Та-а-ак, дедушка-король, а можно я верёвку подержу, пока вы эту стерву вешать будете?

— Вы пальцем её не тронете, — отчеканил Эдвард после продолжительного молчания. — Катрин куда добродетельней моей... матери. И она остаётся со мной.

Что?! Так этот старый хрыч обо мне так отзывался?! Ладно, слуги, придворные... но король?!

— Добродетельней? — язвительно провозгласил король. — Добродетельней? Из какого борделя ты её забрал, а, сладкий мой? Вместе работали?

Я с силой сжала кулаки, а Эдвард за стеной ответил:

— Ещё одно слово о Катрин, Ваше Величество, и вы поближе познакомитесь с моими "мерзкими демонами".

Да! Ну, Твоё Величество, вякни что-нибудь! Ну! Давай!

Но в комнате повисла тишина, прерванная неожиданным скрипом двери.

Бледный до синевы Эдвард вышел в коридор, а вслед ему донеслось:

— Больше ни гроша из казны не получишь, ублюдок!

Эдвард закрыл глаза на мгновение, я, ни жива ни мертва, прижалась к стене. Только бы он меня сейчас не заметил, только бы... только не сейчас!

Эд резко выдохнул, открыл глаза и, глядя прямо перед собой, чуть пошатываясь, направился дальше по коридору, ни на что не обращая внимания. Когда он скрылся за поворотом, я выдохнула.

Надо поймать его. Решиться, сделать вид, что просто оказалась неподалёку... Он же не дойдёт до спальни сам!

— Услышали семейную сцену, сударыня? — раздалось над ухом.

Я резко обернулась и тут же уткнулась носом в грудь этого... как его... черноволосого герцога, друга Эда, в общем.

"Друг" стоял и разглядывал меня с откровенной ухмылкой. Говорить ему "чего припёрся и чего надо" я не решилась, пусть и очень хотелось. Я просто поклонилась, как меня учила его мать и, подобрав юбки, собралась быстренько исчезнуть... но, конечно, не тут-то было.

— А я всё ждал, когда же мы останемся наедине, красавица, — пропел де Сиета, прижимая меня к себе. И, поймав мой ошарашенный взгляд, добавил. — Ты мне нравишься, милочка... Думаю, я сумею угодить тебе не хуже нашего принца.

И потянулся к моим губам. Сволочь.

Врезала я ему от души, кольцом по губе попала — алая струйка потекла по подбородку. Дождаться реакции я не стала — отшатнулась, дрожащими руками вынула из волос длинную острую шпильку, перехватила её на манер ножа и угрожающе (надеюсь) прошипела:

— Только попробуй...!

А у самой коленки пляшут... Я же отлично понимаю: даже начни кричать, меня здесь никто не спасёт. А отбиться не смогу, точно. И толку, что потом Эду побегу жаловаться. Это будет потом.

Герцог, усмехнувшись, вытер кровь. Удивлённо посмотрел на испачканные красным

пальцы. И вдруг заявил:

— Интересно. Неужели то, что он про тебя рассказывает, правда?

Я ошарашенно молчала.

А герцог, снова придвинувшись ко мне, шепнул на ухо:

— Ты любишь принца, милочка?

Э-э-э...

Я молча кивнула.

— Тогда идём, — тут же откликнулся герцог, хватая меня за руку. И потащил по коридору, невесть куда... я тут даже не была ни разу!

— Куда?! — выдохнула я, справившись с бухающим сердцем. — Что вы делаете?!

— Есть кое-что, что принц должен знать, — ответил герцог, вдруг останавливаясь и толкая меня в какой-то закуток. — Но мне он не поверит. В отличие от тебя.

— А что, — начала было я, но мне тут же закрыли рот ладонью.

— Смотри, Катрин, — прошептал де Сиета, поворачивая к... не окну даже, а к какой-то щели. — Внимательно смотри.

Ну и... Ну и? Станные люди рисуют какие-то картинки мелом...Эй! Это Адриана там? Оп-па, картинки вспыхнули... Та-а-ак. И чего это?

Я выдохнула, собираясь спросить герцога, что тут происходит, когда там, внизу, Адриана обернулась. И уставилась прямо на меня. Да ничего, что в эту щель даже мой нос не увидишь. Она смотрела. И видела. И...

Меня вытолкнули из закутка очень вовремя — я уже теряла сознание. И снова потащили по бесконечным коридорам, но в уже знакомую часть дворца — к апартаментам Эдварда.

— Что, — задыхаясь, попыталась произнести я. — Что это было?!

Почти около комнат Эда — один лестничный пролёт всего лишь — мы остановились.

— Ты должна рассказать принцу, — снова вжав меня в стену, произнёс герцог. — И ни слова про меня. Ты видела сама, случайно. Но — всё. Особенно про леди Адриану. Понимаешь?

Я честно помотала головой.

Герцог цокнул языком и развернул меня в сторону спальни Эда.

— Давай, красавица. Поспеш.

И практически впихнул меня к Эдварду.

Эд сидел в кресле у камина и шуршал бумагами. Целый ворох был разбросан по полу рядом — в опасной близости от огня.

— Катрин? — подняв голову, глухо произнёс он. — Всё в порядке? Мне нужно разбросаться с этим, — он кивнул на бумаги, не отрывая взгляда от какого-то свитка. — Тебе лучше пойти к себе.

Я прижалась к двери, тупо глядя на его бледное лицо.

— Катрин? — так и не дождавшись ответа, снова позвал Эд. — Прошу тебя... — и осёкся, встретившись со мной взглядом. — Что случилось?!

Бумаги полетели на пол. Эд в два шага оказался рядом, схватил меня за плечи, ищуще смотря в глаза.

— Катрин?!

— Эд... вард, — заикаясь выдавила я. — Ес-сли м-мелом чертят рисунок, а он потом с-синим вспыхивает — это чт-что значит?

Эд сжал руки.

— Катрин, о чём ты? Ты это видела? Где?

— Т-т-там, — я неопределённо ткнула пальцем. — Эдвард, там Адриана, она на меня смотрела и..., - и я сейчас заикаюсь, как дурочка!

Эдвард выдохнул, закрыв глаза. Потом осторожно, как хрустальную вазу, усадил меня в кресло — то, с бумагами.

И бросился к двери.

— Куда?! — прыдя в себя, завопила я, когда дверь уже давно закрылась. Сейчас он ускачет куда-нибудь своим магическим порталом или... или хуже, эти ведьмы его заколдуют! А! А вдруг это всё специально, чтобы Эда в ловушку заманить? И герцог просто корону хочет? Да-а-а, конечно, всё подстроено, а я дура...!

Я рванула дверь, та с силой ударилась о стену и... ничего. Словно стена невидимая.

— Госпожа, — произнёс рядом глухой невыразительный голос — прямо как у Чёрного. — Вы должны остаться здесь. Господин приказал не выпускать вас.

— Что?! — начала я, но дверь захлопнулась, чуть не заехав мне по носу.

Эд...вард! Заботливый мерзавец!

— Пустите! — вопила я, стуча в неподдающуюся дверь. — Выпустите меня! Сейчас же! Ну пожа-а-алуйста!

А в ответ — тишина-а-а-а.

Ну а дальше — по накатанной: чувствуя себя той дурочкой с платочком у окошка замка (когда влюблённый рыцарь за драконом уехал), я упала на пол и разревелась. А после, обессилев, заснула, уткнувшись лбом в колени.

— Катрин, извини, но до кровати я тебя сейчас не донесу, — объявил усталый голос Эда. — Так что вставай сама.

Я подняла голову и глухим голосом начала:

— Эдвард, ты идио... — но осеклась, встретившись с ним взглядом.

Бледный, как полотно, Эд сидел рядом на коленях. Под глазами — чёрные круги, скорбные морщинки на лбу, измученный взгляд...

Я криво усмехнулась и с трудом поднялась.

Ладно уж. Завтра скажу, всё, что я о тебе думаю, о, мой рыцарь-герой.

...- Катрин, ты когда-нибудь была на соколиной охоте, — услышала я уже сквозь сон.

— Не-е-ет...

— Я так и думал, — сонно выдохнул Эд. — Съездим...

Я прикусила губу. Лучше б ты нормально отдохнул, трудоголик!

Что случилось с любителями порисовать светящимся мелом, мне так и не сказали. Но дня через два я случайно (правда, случайно!) наткнулась на Адриану у Эдварда. Меня пропустили как обычно, без объявлений, а во внутренних комнат слуг и стражи как всегда не было. Так что, услышав знакомые голоса, я подкралась к двери и попыталась подсмотреть-подслушать. Получилось плохо, вообще-то: щёлка маленькая, да и разговор вёлся на азвонском. Но суть я уловила: Адриана, не иначе как из патриотических побуждений, пытались с остальными волшебниками найти способ избавить Азвонию от Проклятых. И от Эда, в том числе. Теперь эти двое орали друг на друга, потому что Эд что-то там хотел сделать с участвовавшими в ритуале волшебниками, а Адриана выгораживала подопечных (у них тут есть нечто вроде...м-м-м... цеха или гильдии магической) и обвиняла Эда во всех

грехах.

В общем, ещё до окончания разговора я благополучно убралась в свою спальню, решив "зайти попозже".

А спустя два дня Эд выполнил обещание по поводу охоты.

Я откровенно боялась, что это будет как с кабаном. Воображение рисовало кучу неотёсанных грубиянов-рыцарей и для полноты картины добавляло нечто вроде орлов-переростков "кровавую пищу клюющих". Соколов я если и видела раньше, то только на картинках и то благополучно забыла.

Всё оказалось куда проще и приятней. Ехали мы маленькой компанией: я, Эд и пара слуг, собаки (гончие) и отряд Проклятых.

Меня одели в красивое платье, закрытое, многослойное, но бога-а-атое — я сразу себя принцессой почувствовала. И шапочка такая с пером к костюму прилагалась — м-м-м!

И — что очень важно! — мне не пришлось ехать самой. Про женское седло я вспоминала с ужасом (хоть благодаря леди "я-вечно-всем-не-довольна" и намострячилась в нём сидеть). Но Эд без слов усадил меня позади себя, и я наконец-то смогла насладиться поездкой.

Соколиная охота — необычная вещь. Начиная с сколов — они совершенно ручные. К тому же бедным птицам одевают на голову золочёные колпачки с перьями, полностью закрывающими глаза. Если поставить правильно руку (в специальной перчатке) птица на неё перейдёт, потом, когда снимешь колпачок, взлетит — красивая, наконец-то свободная. И, представьте: небо, бушующий разнотравьем луг и парящая в облаках птица, словно ниточкой соединяющая небо и землю...

Потом, когда сокол увидит добычу и спикирует на неё, слуги отпускают собак и охотник, понукая лошадь, бросается к ликующей птице...

Это, правда, было изумительно: огромный, куда хватает глаз, луг, Эдвард близко-близко (и не нужно думать, как управлять лошадью), ветер, птицы в небе... Лошадь срывается в галоп, Эд смеётся, ветер играет волосами...

Так что соколиная охота, пожалуй, единственная вещь, по которой я буду скучать, когда вернусь (проснусь?).

После был пикник — в очень комфортных условиях. Число слуг как-то вдруг увеличилось. Нам поставили диван (ну, или что-то вроде), столики, играли на лютне... Да уж, куда тут шашлыкам на даче!

И всё шло просто замечательно, пока мы на обратном пути не поехали к королевскому замку через город. Что-то там с дорогой случилось, не знаю, я не очень поняла. Но на охоту мы ехали не этим путём.

Сначала всё было пристойно: Эд рассказывал какую-то историю из детства — кажется, как лечил заболевшего сокола, которого ему отец подарил. Здесь заболевший конь или сокол — трагедия всей жизни. О людях не всегда так пекутся... Но в исполнении Эда страдания бедной птички звучали очень... хм... реалистично и интересно, так что я даже не заметила, как вслед за нашим отрядом стал собираться народ. Сначала только вслед, потом и впереди. И только когда чей-то уже знакомый возглас "салвадо" перебил Эда, мы обратили внимание на зевак. Эдвард немедленно нацепил вежливую маску: вскинул голову, улыбнулся, кому-то помахал. Я, на этот раз сидя впереди него, прижалась сильнее, уткнувшись лицом ему в грудь. Лично меня такое внимание напрягало.

Проклятые придвинулись ближе. Но всё ограничивалось "салдвадо", пока кто-то не

выкрикнул уже знакомое: "Шлюха" и не кинул камень. Ясное дело, не попал: нас всё-таки демоны окружали. Но толпа заволновалась. Кричали они что-то странное, мне непонятное, но я чувствовала, как Эдвард напрягся. Так мы и доехали до дворца и никогда об этом не говорили. Думаю, Эд решил, что я ничего не поняла. Я и не поняла, особенно отдельные возгласы. Но суть уловила. "Мерзкая еретичка, пошла вон от нашего принца".

"Слава принцу! Будь проклята, потаскуха!"

Семь виселиц во внутреннем дворе. Семь мертвецов в петлях. Глазеющие на них придворные. Настороженные шепотки.

Пару мертвецов я даже узнала. Любители светящегося мела.

Эдвард был очень рассеянный тем вечером. Никого не принимал (я не в счёт), кидался от документа к документу, как потерянный принимался бродить по комнате, хмурясь и что-то шепча под нос. Или торчал у окна, как неприкаянный.

А поздним вечером, когда мы обычно болтали или читали местные легенды, вдруг спросил:

— Катрин, ты меня не боишься?

Я опешила.

— А должна?

Эд нервно улыбнулся.

— Со мной Проклятые, я убийца и сегодня приказал уничтожить азвонскую гильдию магов.

— Что-то мелкая какая-то гильдия, семь человек всего, — невпопад удивилась я. — И вообще... Я уже говорила, что ты от меня так просто не отделаешься?

Теперь в его улыбке было облегчение.

— Ложись давай, ты сегодня сам не свой, — заметила я, поудобнее устраиваясь на необъятной кровати.

— Я думал, что среди них будет тот, кто тебя похитил, — спустя какое-то время произнёс Эд, сидя рядом с пергаментом в руках.

— Он же стражником вроде был, — удивилась я. Честно говоря, после болезни Эда я и думать забыла про этого... ну, странного человека с ненавидящим взглядом.

— Стражника могли заколдовать, — пожал плечами Эд. — Я думаю, так и произошло. Его нашли мёртвым у Заглеса. Чума.

Я сонно зевнула.

— Никто из магов не сознался, и Адриана молчит, — подытожил Эд.

Молчит — ага. Помню я её крики.

— Катрин, ты не боишься? — голос у Эда был очень серьёзный. — Тебя кто-то хотел убить, и этот кто-то, возможно, ещё на свободе.

— Тебя кто-то хотел убить, — фыркнула я. — И эти кто-то совершенно точно на свободе. Весь двор не прочь от тебя избавиться. А вся столица — от меня. Ну и что? Ты же со мной. Ты же справишься.

Эдвард устало закрыл глаза.

— Ты так мне веришь?

— Я очень тебе верю, — отозвалась я.

По крайней мере, я не настолько дурочка, что не понимать, что без Эда я ровным счётом здесь никто.

Эдвард обнял меня одной рукой, перехватив пергамент в другую.

— Ты чудесная, Катрин.

Нет. Это ты мазохист.

— Эдвард, — спустя минут пять позвала я. — А кто такой этот герцог... ну, темноволосый?

— Руи? — переспросил Эд. — Герцог де Сиета?

— Ага. Эм-м-м, он, конечно, твой друг, но, знаешь, я ему не... хм... не очень верю...

Эд улыбнулся.

— Про Адриану он тебе сказал?

Я изумлённо уставилась на Эда.

— Как ты узнал?

Юноша покачал головой и отложил пергамент.

— Нетрудно догадаться. Ему это выгодно. Адриана стоит на его пути к королю. Напоминает Его Величеству о... благоразумии. Когда-то герцогов де Сиета отлучили от двора из-за неудачной... шутки отца Руи... Помнишь Дрэго? Гость в замке лорда Эркса.

Я помнила. Бедная Камилла...

— Высмеивался именно лорд Дрэго, — продолжал Эд. — Когда я получил титул, мне показалось, что вернуть бывших врагов этого мерзавца в столицу будет правильно. Пока им выгодно, де Сиета — мои друзья. Я слышал, леди Маргарет взялась тебя обучать. Она очень тебе докучает?

Ну-у-у...

Я неопределённо хмыкнула.

— Если будет непочтительна или назойлива, скажи мне, — отозвался Эдвард. — Таких друзей, как де Сиета, всегда можно поменять. В конце концов, врагов у Дрэго было много. И у короля сейчас — тоже.

Ага. И у нас. Тоже.

Спустя ещё недельку (а может и больше. Здесь дни считают от праздника до праздника — церковного) устроили что-то вроде бала. К этому времени я уже могла танцевать местные в высшей степени забавные танцы. Эти их прыжки и повороты...

Танцуя со мной, Эд в шутку вспомнил про вальс. А я поймала полный брезгливости взгляд короля и не успела ответить: Эд немедленно посмотрел в ту же сторону и нахмурился.

Кроме принца меня, конечно, никто не приглашал — на подобных мероприятиях придворные старались подругу Его Высочества не замечать. Их представлениям о прекрасной деве я явно не отвечала, но и обижать принца как-то... неловко.

Сам Эд почти весь приём общался с королём. Оба они усиленно улыбались, пока Его Величество, взорвавшись, не заорал на весь зал: "Я тебя со свету сживу, ублюдок!". Эд, не прекращая улыбаться, вежливо поклонился, прошёл ко мне, галантно предложил руку. И так мы ушли, а к королю кинулись его советники, возглавляемые взволнованным кардиналом.

Эд молча вёл меня по коридорам, пока я, наконец, не выдержала.

— Снова, да? Из-за меня?

Эд только задумчиво покачал головой.

— Нет. Теперь из-за меня. А точнее, моего отца. Знаешь, Катрин, что меня больше всего удивляет? — вдруг с жаром воскликнул он.

Я вздрогнула.

Эд выдохнул и продолжил:

— Почему у моего отца, некроманта, существа в высшей степени богомерзкого, в королевстве нет чумы, нет проказы, нет лихорадки?! Почему у нас хлеб стоит двенадцать таллов, а в Азвонии — сорок? Почему курс азвонской арии к нашему таллу около тридцати к одному? Да, чёрт возьми, Дерик закрыл границы, и я первый его за это проклинал, но почему тогда корабли с Южных островов охотней торгуют с ним, а не с Азвонией?! Почему здесь каждая титулованная тварь чеканит свою монету, воюет с другой тварью, губит своих людей, не спрашивая короля, своего сюзерена?! А у нас во Фресне, король-некромант, пока богом не стал — зло и ужас! Мёртвых он поднимает — да какая мёртвым-то разница, если в результате живые будут жить чуть дольше и чуть счастливее?!

— Эдвард, — чуть погодя шепнула я. — Ты... защищаешь своего отца? Ты?

У меня это, правда, в голове не укладывалось. Раньше ведь говорил совершенно иное и...

— Да, — мрачно отозвался Эд. — Я пообщался с дедом, которого после смерти возведут в герои-мученики. И понял, что богомерзкий отец-колдун лучше.

Я промолчала. И сама невольно вспомнила одинокого, ехидного мужчину, так непохожего на Эдварда.

— Если он потребует обратно свою армию, — я осеклась, увидев, как побелело лицо Эда.

— Он меня убьёт, — улыбнулся юноша. — Но это не отменяет, что король он хороший.

— Несмотря на то, что казнит невинных ради колдовства? — выпалила я.

— Лучше один невинный, чем тысячи погибших от чумы, — веско уронил Эд.

И не поспоришь.

Холодало. Медленно наступала осень. Очень медленно здесь, в Азвонии. Эд говорил, что у них во Фрэнсе давно уже должен лежать снег, а здесь только вечерами выл ветер, да облетали листья.

Аглая на пару с герцогиней обновили мой гардероб. Утеплили. Теперь всевозможные накидки, меха стали обыденностью. И ещё — украшения. Много — шкатулки, ларцы, сундучки...

На какой-то праздник — я не поняла, какой, да и не очень стремилась — Эд подарил мне грандиозную "корону". Венец-заколку, похожую на наши древнерусские кокошники, украшенный жемчугами и брильянтами. Тяжёлая штука оказалась, но красивая. Носить приятно.

В общем, я постепенно преображалась, но чувствовала себя странно. словно курицу рядят в меха, делая лисой. Вот, лисицами тут местные девушки и были. Придворные всё в толк взять не могли, как Эд может удовлетворяться одной девушкой в постели. Отсюда, думаю, и пошли слухи, что я искусная проститутка. Иначе как? В их головы иное не укладывалось.

Девушки — герцогини, графини, баронессы — липли к Эду, как пчёлы к мёду. Сколько раз, бывало, оттирают меня в сторонку и воркуют, и воркуют вокруг принца... Эдвард их отшивал, но вежливо. Как он объяснял позже, многие были дочерьми, сёстрами, племянницами нужных ему людей. Значит, надо терпеть.

Я его спросила разок, не выгоднее ли сделать любовницей одну из них. Эд усмехнулся и

сказал, что эскортом он работал в борделе, а сейчас время не то.

"Любящий дед" свою неприязнь с тех пор не скрывал... как и Адриана. Эти трое — король, ведьма и кардинал — похоже, активно вставляли Эду палки в колёса. Я не раз заставляла принца, глушащим вино и ругающимся на азвонском над очередным документом. Но в целом всё шло очень спокойно — для меня.

Хорошо иметь армию демонов. Никто на тебя всерьёз не покусится.

Вот только мы свою в долг взяли. И когда-нибудь пришлось бы отдавать.

Лучше бы поздно, чем рано.

Но когда тут случилось по-моему?

Мы с Эдом и герцогом де Сиета играли в карты. Точнее Эд с герцогом играли, а я так... участвовала. С картами у меня не ладилось, да и неинтересно было совершенно. А Эд всё жалел, что во Фрэсне такой игры нет. Нет, ага. Зато тут — писк моды. Все режутся, куда ни глянь.

В общем, мы играли. Спокойно, никого не трогали.

И надо ж было какому-то расфуфыренному графу явиться с приказом короля!

Нас вызывали к Его Величеству. Меня и Эдварда.

Изумительно. Обычно мою персону король не замечал... в лучшем случае. Что на него теперь нашло?

Эдвард пожал плечами, позвал было слуг, чтобы нам принесли соответствующую одежду (читай — драгоценностей побольше. Иначе как же, король ведь обидится!), но посланец сказал, что Его Величество звал нас "сейчас же".

Только что конвой не приставил.

Эд пожал плечами, подал мне руку — так мы и вошли в комнаты к Его Величеству. Я здесь никогда не была, так что сначала только обстановку разглядывала, пока Эд и король общались на азвонском.

Поэтому громкое: "Кое-кто хочет тебя видеть" заставило вздрогнуть.

Эд хмуро переспросил: "Кто?", когда дверь — не внешняя, а, наверное, из королевской гостиной — открылась.

— Ну, здравствуй, сын! — улыбнулся, входя, король-некромант. — А знаешь, я очень скучал по тебе... и моей новой армии.

Эд толкнул меня себе за спину и неожиданно спокойно произнёс:

— Здравствуйте, отец. Не могу сказать, что я тоже скучал, но ожидание становилось... невыносимым.

Я изумлённо выдохнула. Король Азвонии довольно захохотал.

Колдун же только усмехнулся и весело, бегло что-то произнёс — по-азвонски. У дедушки-короля вытянулось лицо, смех мгновенно стих. Колдун поднял брови, повторил фразу — но как-то иначе — и азвонское Величество медленно с достоинством шагнуло к двери. Сказав напоследок какую-то гадость Эду (я не расслышала, да и вряд ли бы поняла: гадостям меня не учили), дедуля ушёл, мало что не ликуя. Вот мерза-а-авец...

— Интересно, — задумчиво произнёс некромант, проходя к креслу у камина, — чем ты ему так насолил, что он решил даже меня пригласить?.. Ах да, здравствуй, девочка! Костёр в прошлый раз плохо горел?

Я судорожно вздохнула. Эд успокаивающе сжал мою руку и громко произнёс:

— Чего вы хотите?

Король придвинул к себе миниатюрный столик наподобие журнального, налил вино в три кубка, взял один и, глянув на Эда, заинтересовался:

— Почему ты решил, что мне нужно что-то, кроме моей армии?

— Потому что иначе вы бы просто подождали, когда меня и Катрин убьют Проклятые, — невозмутимо отозвался Эдвард.

— А головой ты всё-таки в меня, — протянул Дерик и указал на кубки. — Садитесь, угощайтесь. Нам нужно поговорить.

"Да о чём с ним вообще разговаривать?!" — чуть не завопила я, но Эд подтолкнул меня к одному из стоящих около камина кресел, всучил в руки кубок и только потом сел сам, выжидающе глядя на отца. Будто ничего не происходит. Будто и не боится. Вот это выдержка!

— Не буду ходить вокруг да около, — вертя кубок и играя светом огня на гранях, произнёс колдун. — Эдвард, мне нужна твоя кровь.

Я поперхнулась вином и судорожно закашлялась.

— Она вам давно нужна, — равнодушно отозвался Эд.

Колдун кивнул.

— Так. Но сейчас она нужна мне в меньших количествах и желательна отданная добровольно. Пойми меня правильно: если ты согласишься, — некромант неожиданно запнулся, — мне помочь, я оставлю тебе Проклятых и, может быть, даже подарю Азвонию — пока это вписывается в мои планы.

— А если откажусь? — Эд пригубил вино.

— Тогда я тебя убью, — пожал плечами колдун. — Тебя и твою девчонку. Начну с неё. И это будет не сама лёгкая смерть. Ты прекрасно понимаешь, Эдвард, что ты в моей власти. Да, ты мне нужен... но не настолько, чтобы я не мог без тебя обойтись.

Эд снова глотнул вина.

— Моя кровь нужна для заклинаний, правильно? — медленно произнёс он. — Какого рода? И почему вы не можете взять свою?

— Потому что нужна именно твоя... разбавленная, — улыбнулся некромант. — С её помощью я планирую ослабить магов. Всё. Достаточно. Решай.

Эдвард поставил пустой кубок на столик и медленно произнёс:

— Я согласен.

Я вцепилась в подлокотники, как утопающий в соломинку.

— Хорошо, — криво улыбнулся Дерик. — Что ж, тогда можешь считать себя моим союзником. Тебе и твоей... мистрис будут оказаны все надлежащие почести, когда мы вернёмся во Фрэсну. В ответ я жду помощи... Честно говоря, ты впечатлил меня мальчик. Я полагал, ты сбежишь куда-нибудь на Южные острова, как только появится возможность. Ты же предпочёл остаться в этом гадюшнике... Понравилось править?

— Не очень, — откликнулся Эд. — Ваше Величество, вы не могли бы рассказать, каких именно магов собираетесь уничтожать?

Колдун понимающе усмехнулся.

— Лорд де Лашете. Граф. Помнится, ты сбежал от его посланников к Адриане. А де Лашете ведь собирался посадить тебя на мой трон. Что тебя не устроило? Он тоже не уважал твою девочку?

Эд нахмурился, но последние слова проигнорировал.

— Граф хотел сделать меня марионеткой, а не королём. Плясать под его дудку я не намерен.

— Умный мальчик, — удивлённо протянул колдун. — Хорошо. Тогда мы и впрямь в одной лодке...

Следующий час колдун подробно рассказывал, какую армию собрал против него мерзавец граф, как она мешает бедному некроманту жить, как де Лашете хочет присвоить себе корону, как ради этого привлёк магов...

Мы внимали.

— Но больше всего меня волнует другое, — король в который раз подлил вино в кубок. Алкоголик чёртов. — Из того, что я знаю с помощью духов, де Лашете следит и за вами. И я почти уверен, что у него есть шпион где-то среди вашего окружения... Я слышал, тебя, девочка, отправили в Заглес. И ты, — он повернулся к Эдварду, — виновника так и не нашёл.

Эдвард покачал головой.

— Среди азвонской гильдии магов его не было, Адриана клянётся. Конечно, она может лгать...

— Не может, — отрезал колдун. — Азвонцы тут ни при чём, иначе никогда бы не согласились накладывать вместе со мной заклинание. Уверен, ты не хуже меня знаешь, что во время совместного колдовства мысли нараспашку.

— Но Адриана как раз ментальный маг, — задумчиво произнёс Эд.

— Не имеет значения, — бросил король. — Даже у мастера ментального колдовства не выйдет закрыться в такой момент. Нет, искать надо где-то... Ну-ка, девочка, расскажи мне, кто входит в твоё окружение? Кроме моего сына, конечно.

Я вздрогнула.

Эдвард ободряюще улыбнулся и тихо произнёс:

— Пожалуйста, Катрин.

Странно, его голос успокоил. Но я всё равно чувствовала себя как на экзамене, когда рассказывала про герцогиню де Сиета, её служанок, девочку-менестреля с ангельским голосом... Эд сидел молча, глядя на меня. Король-колдун перебивал, спрашивал-переспрашивал, обрывал, делал выводы, перескакивал с одной обсуждаемой на другую...

— Подробнее! — потребовал он, когда я начала говорить про Аглаю.

И хмурился, когда я рассказывала, что её мне приставили ещё в том азвонском городе у границы и потом Аглая последовала за мной, и что она всегда рядом...

— Интересно, — в который раз перебив, заявил колдун. — Познакомишь меня со своей верной камеристкой, девочка. Я с ней поговорю... Но пока хватит о ней. Хотя нет, погоди. Расскажи, что она любит, и на этом всё.

Я напряжённо вспоминала.

— Ну, легенду про Алоизу... Вечно её рассказывает...

— Станный выбор кумира, — хмыкнул король.

Я нахмурилась.

— Почему странный? Я, конечно, не знаю, но Аглая всегда эту Алоизу в пример ставит, якобы великая праведница, про осла ещё, помню, раз десять рассказывала, как Алоиза на нём в Святой город въехала...

— Алоиза? — перебил вдруг Эд. — Алоиза въехала? Не Защитник?

— Н-ну... д-да, — выдохнула я.

Колдун вскочил, отшвыривая кресло, и бросился к двери. Рядом с ним словно из-под

земли выросли мертвецы. Дверь распахнулась, вся процессия вылетела в коридор, откуда немедленно донёлся оглушительный женский визг, ругательство колдуна и его же крик:

— Девчонка! Немедленно покажи мне дорогу в свои комнаты!

— Делай, как он говорит, — шепнул Эд, помогая мне встать.

Мы выбежали в коридор.

— Заходи! — объявил колдун, когда мы остановились у моей двери. — Заходи и разговаривай с ней так, словно ничего не случилось.

Аглая обнаружилась в спальне.

— Госпоша? — забавно закудаhtала клушка. — Вы есть в порядке? Вы есть бледны и... — договорить она не успела. Что-то похожее на зелёную змею скользнуло мимо меня к камеристке, обвило её шею...

Эд схватил меня, толкнул к стене, а моя милая, забавная клушка вдруг принялась изменяться. Черты лица, фигура потекли, словно растаявший воск, тут же застывая, превращаясь в другие — тоже женские, не лишённые привлекательности, но совершенно другие и... Гроыхнуло, сверкнуло, немедленно запахло едким дымом. В полу вместо моей кровати теперь красовалась дыра, а Аглая... исчезла.

Ругался колдун, закрываясь рукавом, пока пробирался к окну и распахивал ставни. Эдвард отдавал распоряжения невесте откуда появившимся Проклятым — и те слушались, — бегали мертвецы на пару с живыми стражниками.

А я медленно сползала по стене, глядя на дыру в полу. И поверить не могла, что добродушная клушка-камеристка на самом деле... на самом деле...

— Алоиза — известная распутница, — сказал Эдвард вечером, когда мы собирали вещи. В принципе всё уже приготовили слуги, но самое секретное — вроде документов и нужных мелочей мы упаковывали сами. Точнее Эд собирал, а я пыталась помочь. — Она известна тем, что влюбилась в священника и согрешила с ним. И конечно, её никто бы не пустил в Святой город. Тем более на осле.

Я угрюмо сложила свитки в футляры.

— Забавно. Мне прислуживала ведьма. У вас все тут мысли читают и физиономии меняют, а?

Эд покачал головой.

— Изменяются только метаморфы. Это очень редкий дар. Дерик теперь будет подозревать каждого, кто не мёртв. Будь готова.

Я вздохнула. Представляю, как этот угрюмый алкоголик будет "подозревать".

— С этими осторожно, положи вместе, — попросил Эд, передавая мне ещё пару свитков. — Что ж, по крайней мере, теперь понятно, как тебя смогли отправить в Заглес — незаметно для остальных аэвонских магов. Метаморфы всегда могущественные колдуны...

Чудно. Теперь у нас во врагах ведьма-метаморф. А то Адрианы было мало.

— Ты веришь... своему отцу? — тихо спросила я. — Что он сдержит обещание?

— Ему это выгодно, — устало откликнулся Эд. — Тем более я ему действительно нужен. Поверь, отец лучший выбор, чем дед. Последний меня просто ненавидит.

— За что? — вырвалось у меня. — Ты же ему ничего не сделал! Даже на власть не претендовал.

— Претендовал, — грустно улыбнулся Эд. — Очень даже. Но для начала я просто родился. Ты не заметила — мой дражайший дедушка ненавидит моего отца. Он, видишь ли, любил свою дочь и до сих пор уверен, что Дерик мою мать либо соблазнил, либо

изнасиловал, чтобы потом не отвертелась, когда он руку и сердце предложит. А потом ещё и убил. Сама подумай — если до этого между королями Фрэсны и Азвонии была только политика, то теперь — личная неприязнь. Не будь мой отец некромант, дед его на дуэль бы вызвал.

У них тут ещё и дуэли...

— Выходит, ты за отца отдуваешься, — подытожила я.

— Выходит, так, — вздохнул Эд. — Жить мне тут всё равно не дадут, даже с Проклятыми, пока дед правит. Но с отцом-некромантом это маленькое недоразумение можно исправить.

Я уставилась на него. Эдвард, мой вечно добрый Эдвард говорит такое?!

— Ты уверен, что отец тебе поможет?

— Я уверен, что с ним можно будет договориться, — отозвался Эд. — Проще, чем с азвонским двором. Ну а в крайнем случае остаются Южные острова. Не бойся, Катрин, убить я себя не дам. У меня есть что защищать.

Ага. Будем надеяться.

Глава 20

Отец Эдварда решал проблемы с женщинами резко, просто и... хм... с душой. Накричать он мог точно с душой, тут даже думать нечего. А в остальном... сомневаюсь, что женщины вообще для него существовали, а, соответственно и проблемы. Но если вдруг те и другие возникали, он кидался на них, как баран на ворота. Отходил он, впрочем, тоже быстро.

Леди Адриану вызвали к Его Величеству Фрэсны на рассвете — из кровати подняли. Меня-то Эд предупредил, что отправляемся рано утром, ну, и я, конечно, знала, что еду. А вот для Адрианы это стало очень неприятной новостью. Точнее — нет, сначала это стало неприятной новостью для короля Азвонии. У дедушки Эдварда вообще был вечер, ночь и утро удивлений. Он-то, бедолага, думал, что отец совершит сыноубийство, заберёт армию и уедет. А дед, соответственно, будет править себе в Азвонии в своё удовольствие, забыв о внуке, как о страшном сне.

Реальность его жестоко разочаровала. Отец с сыном не только общий язык нашли, но даже шлюху на потеху толпе не отдали! (Да-да, слуги шептались, что меня ждали дёготь, перья, столб позора и ещё куча неприятных вещей. Не дождались.) Да и "коллега" из Фрэсны мало того, что спасибо не сказал, так ещё и появился вечером и... Дальше шла нецензурная лексика. Азвонская вперемешку с фрэснийской. Громко шла, со всех окон дедулиной башни (интересно, колдун дедушку по всем этажам гонял?). Орали они друг на друга знатно — в основном, правда, фрэсниец. А ещё в башне пару раз что-то сверкнуло, а дедушка под утро так осунулся... лет на десять постарел. Я даже поверила, что и впрямь скоро помрёт. Ну и скатертью дорожка.

Но вернёмся к Адриане. Леди невежливо подняли с постели, привели в гостиную к азвонскому королю и громко объявили, что она едет с нами. Адриана смерила тяжёлым взглядом дедулю в покосившейся короне, нас с Эдом, колдуна. И резко высказалась против. Очень резко. Колдун хмыкнул, повторил приказ (действительно, вдруг ведьма с первого раза не поняла). Адриана молча развернулась к двери и... О, тут приятный момент: некромант уставился на дедушку и тот красиво забился в судорогах.

(Да, я злая. Ага. А как бы вы себя вели, жди вас на полном серьёзе перья, пух и многс

ещё чего интересного?).

Одно я только в толк взять не могла — причём здесь азвонский король и Адриана? И очень удивилась, когда ведьма, побледнев, объявила, что она согласна. Дальше шёл непонятный обмен репликами по поводу какой-то клятвы, которую колдун требовал, а Адриана давать не хотела. Но в итоге всё равно дала. Азвонский дедушка попеременно хватался за сердце — причём куда раньше, чем колдун начинал на него смотреть.

Всё это что-то там значило для политики, наверное, но лично мне было радостно: пусть хоть так, но этот мерзавец-дед со своим негостеприимным двором был наказан. Ободрал его фрэснийский монарх, как липку, ещё и главную колдунью (а теперь, похоже, и единственную) забрал. И, вроде как, армию азвонскую обещал прихватить, если будут "выёживаться". В общем, верёвки вил и радовался.

Стоило ради такого представления встать пораньше!

Магия тут ненормальная. Одним словом: чудеса. Чудо, если сработает. Чудо, когда сработает. Чудо, если сработает правильно.

Над телепортом (или как тут это называется?) работали всем миром, а уж сколько тряслись! А выбросило нас всё равно в какой-то глуши. Оказывается, сложно перетащить армию Проклятых, пару колдунов и меня с Эдом, да ещё и так, чтобы правильно рассчитать точку прибытия (рассчитывали тоже всем миром и, к тому же, полночи).

Я с ужасом посматривала на утёс в двух шагах. Там ревело, пенилось, бурлило море, торчали зубы-скалы и, кажется, мелькнул чей-то череп. Вот интересно, если бы нам повезло чуть меньше, мы бы сверзились в эту бездну или нет?

— Мы уже не в Азвонии? — пытаюсь отдышаться (жутко дыхание перехватывает в этом их телепорте), поинтересовалась я.

Колдун меня проигнорировал (я говорила, что женщины для него — пустое место?), Адриана мрачно осматривалась, демоны выстраивались на лугу рядом.

— На границе, — ответил Эд, помогая мне встать. — Нужен ещё один переход, чтобы оказаться во Фрэсне.

— Если маги границу не закрыли, — угрюмо вставила Адриана. — Ваше Величество снизойдите до ничтожной. Нам, что, пешком до ближайшего трактира идти?

Да уж, учитывая, что трактир и не предвидится...

Величество снизошёл, напоказ щёлкнув пальцами.

Из воздуха появился конь. В глазах у него (точнее, глазницах) копошились черви, из вспоротого живота торчали внутренности. Вонял он соответствующе.

Я поспешила отвернуться и зажать рот рукой.

— Я на это не сяду, — сдавленно произнесла Адриана.

— Значит, пешком, — хмыкнул колдун.

И главное, никто не возразил!

Тащились мы часа четыре. А может, все пять. Или шесть. Мои ноги зудели на все семь, а мозолей (несмотря на удобную обувь) я натёрла даже на восемь.

Думать не хочу, что чувствовала Адриана. Но к концу путешествия она наконец-то стала выглядеть на свой возраст. Только колдуну с Эдом всё было нет ничто. Ну, и Проклятым.

В общем, никто здесь не думает о женщинах. Сплошная дискриминация.

Трактир был, собственно, не трактиром. В смысле, местным баром, но ни в коем случае не гостиницей. Короля-колдуна это, конечно, не волновало.

При нашем приближении все посетители прекрасного заведения с красноречивым названием "Третья кружка" высыпали навстречу. А потом также слаженно посыпались вон, по домам (трактир стоял в центре какого-то городка). Хозяйева чуть не ниц перед колдуном упали, что-то лопоча на смеси азвонского и фрэснийского. Кажется, просили их пощадить.

Колдун в ответ фыркнул и громко потребовал ужин, а также лучшие комнаты (и неважно, что свободных нет). Ужин нам и впрямь предоставили в рекордные сроки, комнаты, что удивительно, тоже — хозяйские. Не знаю, насчёт лучшие, не дворец, да... Но если представить, где будут ночевать сами хозяйева...

Проклятых мы оставили у стен городка. Колдун порывался "поднять" местных мертвецов — не привык без гвардии ездить, очевидно. Но Эд предложил взять с собой в город конников (что-то вроде командиров у Проклятых), король вздохнул и согласился. Подозреваю, что он тоже устал и совершенно не хотел лезть на кладбище. Некроманты тоже люди, ага.

Ужин получился... странным. Дерик всюду прикладывался к бутылке, к концу захмелев до скотского состояния. Адриана потребовала достать ей воду и скрылась у себя в комнате. Эдвард проверял, как там Проклятые, успокаивал хозяев и прислугу. Я мрачно наблюдала за вдрызг пьяным колдуном и думала, что при таком раскладе де Лашете (или кто там?) точно нас победит.

— А знаешь, — вдруг протянул некромант, — ты ничего. Приодеть — вполне пристойно бы получилось. Даже красиво. Жаль, что скоро умрёшь.

Я поперхнулась.

— То есть... как это умру?

— В муках, — хохотнул колдун. — И видениях. Я ж этот... некро... мино... некро-м-м, — он с силой бухнул кружкой о стол, тут же залив его чем-то резко пахнущим. Самогон тут, что ли, гонят? — Я ж со смертью на "ты", все-е-егда вижу, когда кто-то умрёт. Ты умрёшь, — и расплылся в широкой улыбке.

— Катрин, ты, наверное, устала, — произнёс Эд, садясь рядом. — Отец, мне нужно с вами поговорить.

Колдун попытался свести глаза "в кучу".

— О ч-ч-чём?

Дальше я не слушала: кто-то из вздрагивающих и поминутно оглядывающихся служанок всё-таки отвёл меня в спальню. И даже воду скоро принесли. Ура. Всё-таки путешествовать с некромантом куда комфортнее, чем с той же Адрианой. Она, по крайней мере, водой только раз и поделилась!

Но, господи, как мне не хватало Аглаи! Уж она бы живо справилась со всеми этими платьями и помогла нормально помыться...

Я до сих пор не верила, что моя добродушная клушка — могущественная ведьма. И скучала. Странно, да?

Эд вернулся за полночь. Упал на кровать рядом со мной, закрыл глаза. Я натянула на него покрывало и задула свечу. Всё. Спать.

— Ты в порядке?

Я услышала, как Эд усмехнулся в темноте.

— Да. Всё хорошо, Катрин. Спи.

Ну... Ладно.

И, уже засыпая, разобрала тихое:

— Я боюсь его.

— Кого? — в полудрёме пробормотала я.

Эд снова усмехнулся.

— Ничего не боюсь, даже смерти. А его — всегда. Ещё с детства. Это смешно, да, Катрин?

Я зевнула.

— Ну... Будь у меня такой папаша, я бы давно стала пациентом психиатра.

Эд глухо рассмеялся.

— Ты забавная, Катрин. Хотя я ничего не понял.

— Неважно, — шепнула я, утыкаясь носом ему в плечо. — Спокойной ночи...

— Спокойной ночи, — и невесомый поцелуй в лоб.

А дальше я заснула и снилась мне какая-то чепуха.

— Э-э-э-э!

— Э-э-е-е-е!

Я сжала кулаки.

— Э-э-э-э!

— Да не "э"! — воскликнула препод. — А "э-э-э-э-е-е"! Ты, что, не слышишь?! Возьми зеркало! Вот, а теперь смотри, губы растяни и, улыбаясь, Катя, улы-ба-ясь, читай. Улыбаясь, я сказала! И сделай его звуком среднего ряда. Не высокого, а среднего! Расслабь язык и...

— Э-э-э-э, — обречённо протянула я, уже и так всё поняв.

Препод обессиленно вздохнула и щёлкнула мышкой.

— На пересдачу. В следующий раз следи за своими резонаторами. Следующий!

— Нет? — вздохнула Таня, глядя на мою унылую физиономию, когда я забралась в кабинку для прослушивания. — Совсем?

Я бухнула книгой о столешницу.

— Тань, ну вот скажи, как я могу улыбаться, при этом тянуть этот чёртов звук, да ещё и расслабить при этом язык?! Да мне вчера родители чуть врача не вызвали, пока я у себя "распевалась"! Это садизм какой-то!

— А о чём ты думала, когда сюда поступала? — хмыкнула подруга. — Фонетика — страшная вещь. Но я сдала. Значит, и ты сдашь. Давай ещё раз "бэ-э-э-е-е-ет"...

— Бэ-э-э-эт, — уныло повторила я. — Фигня какая-то. И вообще, в наушниках этот мужик "бе-е-ет" читает.

— Мужикам можно, — откликнулась Таня. — А мы, женщины, должны говорить на языке любви возвышенно. Давай ещё разок "бэ-э-э-е-е-ет"...

— Катрин!

Я оглянулась, но за стеклянной дверью кабинки никого не было. Ну, кроме препода и ещё одной мученицы.

— Бэ-э-э-эт...

— Катрин!!

— Кать, ну ты читаешь или нет? — позвала подруга.

Я тряхнула головой. Да что ж это у меня в ушах, что ли, звенит?

— Катя-а-а!

Я зажмурилась.

— Эдвард?

Кабинка тут же пропала. Вместо неё — тёмная комната, распахнутое окно, собачий вой, дождь, и мы с Эдвардом сидим на полу, вцепившись в один... стоп, откуда здесь кинжал?!

А тут ещё Эд, размахнувшись, вlepил мне пощёчину.

Я ахнула, прижала ладонь к горячей щеке и выдохнула:

— За что?!

Эдвард шумно выдохнул и полез меня обнимать, шепча "Gloria Domini".

Кинжал так и остался лежать на полу, когда меня перенесли обратно на кровать.

— Да что случилось-то? — не выдержала я. — Эдвард!

— Ты, правда, в порядке? — вглядываясь мне в лицо (и неужели что-то видя в темноте?), шепнул Эд.

Я укуталась в покрывало.

— В полном. Как я у окна оказалась?

— Не знаю, — голос у юноши дрожал. — Я проснулся, а ты стоишь, да ещё и с моим кинжалом у груди... и не просыпаешься!

"Скоро умрёшь", — отозвался в голове голос колдуна.

Я вцепилась в руку Эда, как утопающий в соломинку, и всхлипнула:

— А мне такой сон снился...

— Какой? — встрепенулся Эд. — Что ты делала?

— Фонетику учила...

Насколько "э-э-е" было сложным, да, но обстановку разрядило на раз. Уже спустя полчаса мы хохотали над очередным упражнением, когда я объясняла Эду трудности студента ин. яза.

Зато утром нас ждала картина...

В общем зале, где мы вчера ужинали, живописно лежали трупы. Хотя почему лежали? Висели тоже. И все суицидники. Кто-то с кинжалом в груди, кто-то — в петле, кто-то вены вскрыл... Трупы, кровь, смерть...

Адриана со стоном прислонилась к стене, принявшись тереть глаза. Эд сжал мою руку. И тут с лестницы донеслось:

— О, как хорошо, на кладбище идти не надо! Это кто мне такой подарок сделал, а?

Колдун спокойно, не обращая внимания на лужи крови и тела, прошёл к входной двери, распахнул. Ему в руки немедленно упало что-то жёлтое, оказавшееся скомканной бумагой.

— И не подписался, — вздохнул Дерик, прочитав. — Жа-а-аль.

Кажется, я понимаю, почему его все так не любят.

А самое... хм-хм-хм... забавное: колдун ничтоже сумняшеся этих мертвецов "поднял", и они прекрасно тащились за нами до следующего "перехода".

Мда. Так ужасно меня ещё никогда не тошнило.

И самое страшное: среди этих самоубийц прекрасно могла оказаться я.

В следующий раз нас выбросило наконец-то там, где надо: в приграничном городке на территории Фрэсны. Здесь был неплохой трактир и на короля-колдуна просто молились, так что нам выделили не только комнату, но и штат прислуги, и все удобства, какие только возможно.

Правда, я с ужасом представляла, что все эти милые, добрые люди завтра мёртвыми потащатся за нами. И как бы так сделать, чтобы к ним не присоединилась я?

Вечером вобщем зале — пустом по случаю нашего визита — состоялось что-то вроде

военного совета. Мне на нём присутствовать не позволили и, что плохо, Эдвард не стал возражать. Меня выгнали, а он смолчал...

Далеко я, впрочем, тоже не ушла. Постоять у окошка, откуда " совещающихся " отлично слышно, мне никто не запрещал, так?

Всё я, правда, не поняла: фрэнсийский становился набором звуков почти всегда, кроме, пожалуй, бесед с Эдвардом. У Эда как-то получалось говорить понятно. Может, специально? Сейчас я слышала его голос, но разбирала далеко не всё.

Но суть уловила: ночное самоубийство выбило из колеи всех, но порадовало разве что некроманта. Дерик восклицал что-то про чудесное заклинание, которое никто не решался попробовать, а тут р-р-раз — и наглядный результат.

Экспериментатор чёртов.

Адриану возмущало, что колдовство произошло у неё под носом, а она ничего не почувствовала. Ведьма требовала отправить Проклятых за какими-то там книгами, дабы посмотреть в первоисточниках способы защиты от подобных... казусов.

И буфер в виде Эда пытался направлять беседу в нужное русло, а именно: что делать дальше?

К единому выводу они так и не пришли. Но я поняла, что во всех грехах подозревают магов де Лашете. В конце концов, кому ещё это выгодно? Впрочем, на этот вопрос у Адрианы нашлось около десятка ответов, но некромант, снова наклюкавшийся вдрызг, от них отмахнулся. И захрапел прямо за столом. "Совет" был окончен.

Ночью полил холодный осенний дождь, и быстро выяснилось, что трактир вовсе не так хорош, как казалось. Наша комната — под крышей, вообще-то — протекала аж в семи местах, и четыре из них находились над кроватью. Ощущение великолепное. Зато понятно, зачем им балдахины...

Эд, кажется, не спавший всю ночь, постоянно меня укутывал, трогательно следя, чтобы я не простыла. Я, сама боявшаяся спать, задремала уже после хвалитны, и весь сон меня преследовал шум дождя, ненавистный теперь, наверное, на всю жизнь.

Ничего страшного, впрочем, так и не случилось. Утром мы попрощались с гостеприимными (а главное — живыми) хозяевами и поехали к третьему "переходу": колдуну вздумалось отправиться в столицу не верхом, а магически.

Я уже начинала привыкать к подобным перемещениям. Живот, правда, крутило по-прежнему, и воздух в лёгких кончался так, что казалось, задыхаешься. Но, в целом, терпимо.

А, ну и выбросить может, где угодно.

Действительно, где угодно.

Я два раза зажмурилась, но картинка не пропала. Обрыв, поле с пожухлой травой и ни следа нашего "отряда". Ни следа Эдварда.

Та-а-ак... А люди-то здесь вообще есть?

— Госпожа! — тут же раздался странно знакомый голос. — Вставайте, госпожа. Как вы себя чувствуете?

Я обернулась... и до крови прикусила губу.

Передо мной стоял, дружелюбно улыбаясь и протягивая руку, Жиль — мальчишка-маг лорда де Лашете.

— Т-т-ты? — всё, на что меня хватило.

Мальчик улыбнулся ещё шире и, наклонившись, взял меня за руку.

— Вы были добры ко мне, госпожа. Я решил отплатить добром, — произнёс он, ставя меня на ноги. — Я изменил место прибытия. Здесь безопасно.

— Безопасно? — повторила я, чувствуя, как кружится голова и подкашиваются колени. — Что значит, безопасно?

Мальчишка с сомнением покосился на обрыв.

— Думаю, вы можете подойти... Сейчас начнётся, и там должно быть хорошо видно... Только остро...

Не дослушав, я бросилась к обрыву. Но добежать не успела — землю тряхнуло. Раз, другой. Я упала на колени, путаясь в платье, подкатилась к краю обрыва и тут же почувствовала, что меня держат за плечо.

Жиль сидел на корточках рядом, спокойно глядя куда-то вниз.

— Здесь только отголоски, внизу намного сильнее, — непонятно произнёс он, и я послушно уставилась вниз.

Твою...!

Внизу земля гуляла, превратившись, в нечто наподобие зыбучих песков, засасывая людей наравне с Проклятыми. С сотню демонов у меня на глазах как корова языком слизнула. И земля на том участке долго не успокаивалась...

Я судорожно схватилась за клочок сухой травы, найдя в этом аду золотую макушку.

— Эдвард!

Фигурка хваталась за камни, карабкалась, соскальзывала, снова карабкалась...

— Не беспокойтесь, госпожа, — радостно объявил Жиль. — Мы вовсе не хотим, чтобы Его Высочество поги... что он делает?!

Эд, всё-таки выкарабкавшись на более-менее устойчивый участок, кинулся к самому центру хаоса.

Мы с Жилем на пару опасно свесились над обрывом.

Что он творит?!

— Что он творит?! — в унисон моим мыслям закричал мальчишка. — Зачем?!

Ответ стал ясен спустя буквально минуту: золотоволосая фигурка пыталась выбраться из очередной зыбучей ямы, таща другую фигурку, неподвижную, в которой я с трудом, но опознала Дерика.

— Зачем?! — прокричал Жиль, с силой ударяя рукой о землю. — Он же сам говорил, что боится его! Он же его ненавидит! Зачем спасает?!

У меня в голове крутился тот же вопрос, правда, я была больше занята тем, что звала Эда, замирала, когда он соскальзывал, вопила от страха и громко радовалась, когда он всё-таки выбрался.

Скорчившийся рядом мальчишка застонал, как раненый зверь, и вдруг растаял в воздухе. Тут же, словно по команде, земля внизу успокоилась, и я бросилась искать спуск.

А перед глазами стояла хрупкая фигурка юноши, рисковавшего жизнью ради человека, который хотел его убить и превратил само его существование в ад.

Действительно, почему?

Люди, до этого стоявшие на коленях и молившиеся, поднимались, отступали в сторону, раздаваясь, словно волны, освобождая дорогу окружающим меня Проклятым.

Я мало что видела за фигурами демонов, но причитания и плач слышала хорошо.

Они боялись, что их король умрёт. Они молились, желая ему выздоровления.

Хорошее заклинание придумал этот некромант, когда решил заделаться богом. Очень хорошее.

Перед королевскими апартаментами Проклятые, как обычно, остановились, пропуская меня вперёд.

Эдвард сидел у окна, опустив голову и молитвенно сжав руки. Ещё один. И ведь не заколдован. Или..?

— Катрин?

— Как ты? — тихо произнесла я, стараясь не смотреть в сторону задёрнутого балдахина.

Эд опустил руки и улыбнулся.

— Ты единственная, кто мог бы задать такой вопрос, зайдя сюда. Всё хорошо.

Я подошла к окну. Внизу, на площади перед дворцом люди по-прежнему стояли на коленях и молились, молились, молились...

— Ты не обедал, — вздохнула я. — Кого нужно позвать, чтобы тебе принесли поесть?

— Не хочу, — отмахнулся Эд, снова сжимая кулаки и глядя в сторону кровати. — Катрин, тебе, наверное, лучше уйти.

— Это тебе, наверное, лучше уйти, — повторила я. — А ещё лучше: нам. Скажи, когда, он умрёт, заклинания перестанут действовать?

— Катрин, не говори так, — хрипло произнёс Эд, закрыв глаза.

— Почему? — вскинула подбородок я. — Я просто хочу знать, зачем мы торчим здесь, когда можем прихватить Проклятых — они тебе ведь всё ещё подчиняются? — и отправиться обратно в Азвонию. Или ещё куда. С такой армией нам везде будут рады.

Эдвард повернулся ко мне, долго, пристально смотрел, потом грустно улыбнулся.

— Катрин, ты не понимаешь. Иди. Тебе лучше отдохнуть...

— Я отдыхаю уже три дня с тех пор, как мы добрались до столицы! — отчеканила я. — Может, хватит? Эдвард, скажи честно, какого чёрта ты спас этого... колдуна, если отлично знаешь, что, очнувшись, он снова будет мечтать принести тебя в жертву во время очередного ритуала! Он же маньяк конченный, и к тому же алкоголик. Для него ничего святого нет! Он людьми играет, как пешками! Да он...

— Катрин, не бойшься, что "этот колдун" сейчас тебя слышит? — перебил Эд.

Я замерла на полуслове, а Эдвард неожиданно улыбнулся и взял меня за руки.

— Катрин, милая, ты совершенно не разбираешься в политике, ничего не понимаешь, да и не должна. А сейчас иди. Тебе, правда, лучше отдохнуть. Погуляй по саду. Здесь когда-то был чудесный сад...

Угу. Вариация на тему "молчи, женщина". Вот уж не думала от него услышать!

— Эдвард, скажи, пожалуйста, зачем ты его спас? — не особенно надеясь на ответ, спросила я.

Эд красивым, грациозным жестом поцеловал мои пальцы — как это в исторических фильмах лорды делают. И неожиданно серьёзно произнёс:

— Потому что если он умрёт, здесь всё отправится в тартарары. И мы с тобой в том числе.

Наверное, я действительно глупая, но логику в этом увидеть так и не смогла.

— Удивительно, как Дерик не боится держать сына рядом?

Я вздрогнула, подняла голову. Рядом, присев на бортик фонтана, Адриана один за другим обрывала листья у кувшинок.

— А в чём дело? — буркнула я, глядя в сторону. Проклятые на месте, но захоти ведьма меня заколдовать, они вряд ли помогут.

— Яблочко от яблоньки недалеко падает, — фыркнула леди. — Слыхала?

Я, хмурясь, уставилась на неё.

Адриана выдрала очередную заросль кувшинок и трянула ей, обдав меня брызгами.

— Что, неужели не знаешь, как Дерик к власти пришёл?

Я помотала головой и леди фыркнула. Отбросила истерзанное растение и потянулась за новым.

— Родители хотели отослать его к патриарху — очистить от скверны, — леди покосилась на меня и вздохнула. — Ты вообще что-нибудь знаешь, девочка? Сожгли бы принца. Король с королевой считали, что дар наследника не даёт им иметь детей: все младшие братья и сёстры Дерики рождались мёртвыми. Думали, отдадут сына церкви и будут жить долго, — ведьма с силой оторвала очередной лист, — и счастливо. Вместо этого сплясали танец смерти по столице: новому королю показалось, что это будет смешно. Вот только кроме него никто не смеялся.

— И причём тут Эдвард? — не выдержала я. — Он вообще-то спас, а не убил.

— Пока, — фыркнула Адриана. — Хороший способ втереться в доверие. Вот увидишь: сработает. Или я ничего не понимаю в человеческих душах. Хотя зачем я тебе-то объясняю! Скажи-ка, милочка, тебе де Лашете сколько платит? И чем?

— Что? — только и выдохнула я. — О чём вы?

— Просто интересно, что он тебе такое предложил, что ты никак его предать не можешь. А я-то думала, почему ты так сопротивляешься — не желаешь на мою сторону переходить. Думала, влюбилась, голову потеряла. А у тебя, оказывается, уже есть господин.

— Леди Адриана..!

— Оставь, девочка, — махнула рукой ведьма. — Я тебя насквозь вижу. Да и сама посуди: почему тебя выбросило из "перехода" отдельно от других? С метаморфом ты несколько месяцев общалась — и жива. Да, и ну-ка вспомним, кто тебя от костра спас?

Я резко встала.

— Леди... по-моему, вы не в себе.

— Просто будь осторожней, милочка! — засмеялась мне вслед ведьма. — Когда Дерик очнётся и сопоставит два и два... Он предательницу к сыну не подпустит.

Большого бреда я за всю жизнь не слышала!

Я проводила долгим взглядом очередную чопорную, поджигающую губы служанку и со вздохом опустила в кресло. Если бы не приказ Эдварда, мне в этом дворце не нашлось бы места. И если бы не Проклятые, Эда самого бы никто не стал слушать...

Я смотрела на толпу за окном и вдруг поймала себя на мысли, что так же, как они, молитвенно сжимаю руки. И, когда на закате внизу радостно закричали, поднимаясь с колен, я не выдержала и, уткнувшись лбом в сцепленные руки, зарыдала. Горько, для себя, лишь бы выплакаться.

В Азвонии меня называли шлюхой, здесь в похожей комнате я ждала казни... Что-нибудь случится снова. Я не знала, что, но предчувствовала. И сможет ли Эдвард меня защитить?

И станет ли?

Я до крови прикусила губу.

Где он сейчас? Вместе с отцом, который его ни в грош не ставит?

А говорил, что любит меня... Любит... Ха!

Я так и заснула в кресле, дожидаясь, пока Эд придёт ко мне. Он всегда заглядывал, хотя бы спокойной ночи пожелать. А сейчас не пришёл...

Меня разбудила флейта. Снаружи шёл тихий дождик, и мелодия так гармонично в него вплеталась... Медленная, но радостная... Жизнеутверждающая, что ли?

Я подняла голову и, шурясь, огляделась.

Эдвард обнаружился у окна — бледный, усталый, но довольный. Ну конечно, вряд ли толпа внизу вопила бы так радостно, скончайся у них король. Даже некромант.

Ещё минуту мелодия лилась, успокаивая, расслабляя, унося все тревоги прочь... Потом Эдвард опустил флейту и, изучающе глядя на меня, подошёл ближе.

— Ты плакала, Катрин. Кто тебя обидел?

Хм. Ты. Твой отец. Адриана. Жизнь.

Я неопределённо пожала плечами, не отводя взгляд.

Эд улыбнулся — гораздо радостнее, чем сегодня днём — и, обойдя кресло, прислонился к его спинке, обнимая меня.

— Ты не должна плакать, Катрин, моя леди. Ведь я люблю тебя, — шепнул он, волнуясь касаясь губами мочки уха.

Я фыркнула.

— Катрин? — его дыхание ласкало мне шею. — О чём ты думаешь?

— О щенке, — откликнулась я. — У меня был в детстве.

Лёгкий поцелуй в щёку...

— Расскажи.

Я вздохнула.

— Я его тоже любила, пока он не превратился в здоровенную овчарку и не стал кидаться на соседей. Серьёзно любила. Знаешь: бантик на ушко, лучший ошейник, прогулка три раза в день, лакомства-подарки, — я невольно покрутила кольцо-венчик. — Эдвард, почему мне кажется, что я для тебя такой же щенок?

Поцелуи прекратились. Вместо этого Эд снова обошёл кресло и встал передо мной на колени, держа мои руки в своих.

— Катрин, милая, что заставляет тебя так думать?

Я закрыла глаза. А внутренний голос шептал: "Ничего...". Наверное, если бы я ответила так, он бы продолжил... Продолжил меня целовать?..

— Сегодня Адриана сказала, что я предательница и служу лорду де Лашете. Ты в это веришь?

Зелёные глаза изумлённо распахнулись.

— Конечно, нет! — выдохнул Эд, целуя мне пальцы. — Ты невинна, как утренняя роса, Катрин. Кто думает иначе, тебя просто не знает.

— А ты знаешь? — усмехнулась я.

Вместо ответа Эд подался вперёд и легко, очень осторожно коснулся моих губ своими.

— Конечно. Ты же моя леди, — и, помолчав, добавил. — Всё изменилось, Катрин. Когда-то ты действительно была для меня забавным Котёнком. Сейчас, — он снова коснулся моих губ, — я люблю тебя.

Но поцелуи всё равно после этого закончились. Эд, правда, ещё долго играл на флейте: якобы, колыбельные. Но я чувствовала: он просто радовался. И отнюдь не мне.

А на следующий день, точнее утро, на нас напали. Наверное, глупо было бы ждать, что маги де Лашете, да и лорды дадут своему королю отлежаться и потом благородно станут сражаться.

А началось всё со снега — для меня первого в этом году.

Похолодало ещё с ночи: я, проснувшись, поняла, что укрыта аж тремя одеялами. Эд, как обычно, исчез — наверняка снова ушёл на рассвете и, конечно, не выспался...

Первый снег всегда событие. Само по себе волшебство, чудо... по крайней мере, для меня, причём с детства.

Так что первым делом я, закутавшись в одно из одеял, подбежала к окну.

Снежинки ложились на крыши, маленькими звёздочками сверкали в воздухе — пушистые льдинки, алмазины, искорки...

Я приникла к окну, с изумлением вглядываясь в падающий снег.

Крупные "звёздочки" сверкали зелёным, голубым и даже фиолетовым, а, падая, тихонько звенели — мелодично, точно натянутая струна. Дзынь... Дзынь...

Что это?

Зачарованная, я схватилась за оконную решётку, просунула руку между прутьями, ловя странную снежинку. Крошечная звёздочка легко легла на ладонь. Я смотрела, как она сияет, и всё ждала, когда же превратится в бесформенную каплю. Но снежинка мерцала у меня на ладони и исчезать не собиралась.

Зачарованная, я сжала руку и тут же охнула: по пальцам потекла тоненькая струйка крови.

Да что происходит?!

Тряхнув ладонью, я отпрянула от окна. И в этот же момент где-то вдалеке, за крышами сверкнуло. Ярко высветились кресты ближайшей церкви, флюгер, флаги...

Громко, отчаянно зазвонили колокола.

Я бросилась к двери, но на страже, как обычно стояли Проклятые.

— Вам не велено выходить, госпожа, — объявил один из "истуканов".

Кричать было бы бесполезно.

Я метнулась к окну и ещё увидела, как маршируют внизу, по неправильному разноцветному снегу мертвецы.

И всё это при утреннем солнечном свете под вспышки, отдалённый грохот и колокольный звон.

Декорации для триллера.

Подвинув кресло к окну и закутавшись в тёплую шаль, я пыталась высмотреть золотую макушку. Но Эдварда внизу не было.

Странно, но паникующей толпы тоже не было. Пустой двор, хвост мертвой армии, — и всё. Чинно, возвышенно... страшно.

Руки привычно сложились в молитвенном жесте, пока я смотрела на зеленовато-голубое зарево за крышами. Чем-то оно напоминало феерверк — когда сами "цветы" скрыты за домами. Но вряд ли там что-то праздновали.

Колокол спустя какое-то время умолк.

А зарево исчезло только к полудню, когда тёмно-серое покрывало облаков прорезал яркий солнечный луч.

Я выдохнула, опустила руки и принялась вышагивать по комнате. Пока не заметила

марширующих внизу мертвецов. Они спокойненько шли обратно во дворец — значит, колдун жив. Среди магов де Лашете вроде бы некромантов нет.

Наверное, мы победили.

Дворец очнулся только к вечеру: ко мне заглянули служанки, наконец-то принесли ужин, новую одежду и горячую воду.

А Эдвард явился, как обычно, за полночь. Довольный и с перевязанным запястьем.

О политике мы обычно не говорили. Ещё с Азвонии, наверное. Да и раньше Эд не стремился посвящать меня в тайны дворов, а я не настаивала. Так что и сейчас он говорил о чём угодно, но не о том, что хотелось бы услышать мне.

— Какой сегодня снег был интересный, — закинула первую удочку я.

Эд блаженно кивнул, с какой-то болезненной сосредоточенностью глядя на меня. Да, кажется, теперь я точно знаю значение "раздевать взглядом". И почему бы по-настоящему не раздеть? Я не против.

— Разноцветный, — начиная злиться, продолжила я.

— Излишки магической энергии, — откликнулся Эд, моргая, но взгляд не отводя. — Обычно влияют на погоду. Котёнок, иди ко мне...

Я мысленно зарычала, но к кровати подошла.

— Это тебе отец рассказал?

— Угу, — промурчал Эд, притягивая меня к себе и заставляя сесть. — Мне так жаль, что я не знал его раньше. Мы могли бы договориться... У меня могла бы быть семья...

Он, что, выпил? Что он несёт?

— А сейчас вы договорились? — не удержавшись, я положила руку на мягкие золотистые кудри. Какие же красивые...

— Да, — жмурясь, отозвался Эд.

— И он больше не грозитя тебя убить?

— Нет, — Эд ткнулся лбом мне в ладонь и тут же, извернувшись, поцеловал запястье.

— То есть он теперь хороший? — медленно закипая, уточнила я.

— Он всегда был хороший, — огорошил меня Эд. — Только я его не знал. Катрин, продолжай, пожалуйста, — простонал он, когда я машинально стала массировать его макушку. — Голова с утра болит...

Хороший. Значит, хороший? Этот маньяк меня чуть не сжёт — и хороший?!

— Странно, — задумчиво произнесла я. — Ещё несколько дней назад мне казалось, ему просто нужна твоя кровь.

Эд улыбнулся, и я впервые стала сомневаться в его адекватности — потому что он тут же произнёс:

— Он мой отец, Катрин. Нам просто нужно было поговорить, чтобы мы поняли друг друга. Раньше... раньше это было невозможно.

Во как! Раньше, когда один удирал, а другой хотел его убить — они поговорить, оказывается, не могли!

— Катрин, ты ведь не понимаешь, — вздохнул Эд, снова целую мне руку. — Давай не будем...

— А давай будем! — перебила я. — Он тебе не сказал, кого в жертву принёс, чтобы Проклятых вызвать? Или чью душу предложил? Нет?

— Катрин! — простонал Эдвард, хватая меня за руку. — Ну, прошу тебя! Ты просто не

понимаешь: когда можно спасти народ, жертва нескольких людей...

Я отпрянула.

— И это ты мне говоришь?! Ещё несколько дней назад ты мог оказаться среди этих нескольких!

— И с радостью бы оказался, — голос юноши резко посерьёзшел. — Если бы знал, что это во благо, я бы...

— На меч насадился? В петлю полез? — прошипела я. — Когда ты так говоришь, мне кажется, что ты такой же сумасшедший, как твой папочка.

Вырвалось, да. Не надо было говорить. Не сдержалась — и тут же пожалела: лицо Эдварда стало пустым-пустым, ничего не выражающим, точно маска.

Юноша медленно встал и, не глядя на меня, прошёл к двери.

— Эдвард, — дрожащим голосом произнесла я. — Постой, я...

— Спокойной ночи, моя леди, — поклонившись, холодно произнёс... принц. И, не дожидаясь ответа, скрылся за дверью.

Я упала на кровать и глухо застонала.

Что, Катя, хотела принца? Ну вот, получай.

Результат "разговора" колдуна и Эдварда я увидела буквально на следующее утро: Эда короновали как принца-наследника.

Красивая церемония при большом скоплении народа. У всех на виду, на площади перед дворцом. Потом пир закатили со столами "на весь мир". В смысле, на той же площади.

Я тоже присутствовала. Эд вёл себя как ни в чём ни бывало, но чувствовалось: он очень рад. И всё ещё злится — слишком был официальным. Да, мы танцевали после пира, но за столом я больше не сидела рядом с принцем. И ещё он больше не называл меня "Катрин", а только "моя леди".

И не пришёл ко мне вечером. И на следующий день тоже. И на следующий.

А на третий день я узнала, что принцу-наследнику подыскивают невесту.

Слуги, конечно, болтали. Но они постоянно болтают... и вообще, бубнят что-то под нос, потом смотрят, ждут реакцию и хихикают. А я, может, ни слова не поняла. Я вообще их язык слегка того... не знаю. Но это, конечно, даже в голову никому не пришло.

Так что чётко и внятно мне эту новость озвучил колдун. Проблем с женщинами для него не существовало, и Его Величество не стал ходить вокруг да около. И смягчать он тоже ничего не стал.

— Вот, что девочка, — заявил колдун, вломившись в мою спальню — естественно без спроса. — Мой сын женится. Не на тебе.

Я медленно опустилась в кресло, шёпотом повторяя эту фразу, надеясь, что просто напутала что-то с переводом, бывает же, ну не может ведь Эд меня бросить...

— Ты же прекрасно понимаешь, что принц не возьмёт в жёны простолюдинку, — добавил колдун, подходя к окну и останавливаясь в опасной близости от моего кресла. — И, хоть, мы оба знаем, что он тебя любит... Правда, я абсолютно не понимаю, что он нашёл в такой вздорной идиотке, но Эдвард хочет, чтобы ты осталась во дворце как его мистрис.

Мистрис. Официальная любовница. Круто.

— К-к-когда я смогу его увидеть? — выдохнула я. В голове крутилось множество ругательств вроде "мерзавец", "изменник", "гад", но вырвалось почему-то именно это.

— Когда он захочет тебя увидеть, милочка, — бросил колдун. И вдруг шагнув к моему креслу, схватил меня за подбородок. — Ты ещё девственница, а девочка?

Я тупо уставилась на него, потеряв дар речи.

— Девственница, — кивнул колдун. — Отлично. Так вот, девочка, запомни: если ты доставишь Эдварду хоть какие-то неприятности... Ну, там, начнёшь ныть, рыдать, надоедать — я знаю сотни заклинаний, для которых нужна жизнь невинной девы. Так что не надейся: костром ты не отделаешься. Будешь умирать долго и мучительно, пока я не получу от тебя всё, что захочу. Ты поняла?

— Э-э-э, — пискнула я.

Колдун усмехнулся и наконец-то отпустил мой подбородок.

— Ты здесь никто без моего сына. Даже такая дура, как ты, должна это понимать, — заявил он напоследок. — А значит, он может делать с тобой, что ему в голову взбредёт. И мечтай, чтобы его интерес к тебе продлился подольше. Потому что когда он к тебе охладет, — колдун оглядел меня с ног до головы и ласково закончил, — ты умрёшь. Слишком много слышала, девочка.

Король давно ушёл, когда я, наконец, отмерла и кинулась к двери.

Проклятых там уже не было. Вместо них стояли мертвецы. И они, естественно, не стали со мной даже разговаривать. Они вообще на меня внимания не обратили. Только, словно заводные куклы, швырнули обратно в комнату и закрыли дверь.

Я медленно встала, привела волосы в порядок и, как замороженная, подошла к камину.

И что теперь со мной будет?!

Будущая королева Фрэсны была красива. Да, даже на мой субъективный взгляд: хрупкая брюнетка с огромными глазами, маленьким носиком и чувственным ртом. Белое ей удивительно шло: она казалась снежинкой в нём — стройненькая, сверкающая жемчугами и бриллиантами девушка.

С открытой галереи я наблюдала, как её вели в церковь. И как позже она шла рука об руку с Эдвардом. Они оба казались очень счастливыми, когда садились в открытую коляску, которая должна была провезти будущего короля и королеву Фрэсны по столице.

Они улыбались и приветливо махали ликующей толпе. Их осыпали лепестками роз, им желали счастливой жизни и радости.

Я до крови вцепилась в заледеневшие перильца, когда коляску прокатили по двору и, вслед за свитой (в которой, удивительно, мертвецов не было), вывезли за ворота.

Только один раз Эдвард, подняв голову, случайно поймал мой взгляд. Я точно это поняла, потому что его улыбка увяла, а рука дрогнула, сжимаясь в кулак. Но мгновение спустя он отвернулся, а я отпрянула от перил.

А вечером был пир и даже фейерверк.

Ну а я сидела на постели одна-одинёшенька и думала, как так получилась, что моя сказка досталась другой.

— Привет, Катюша!

Я протёрла глаза, сядя на кровати. И тут же уткнулась взглядом в демона.

— Я пришёл к тебе с приветом! — объявил Чёрный, жизнерадостно улыбаясь. — Рассказать, что солнце встало!

— Да ладно, — буркнула я, мельком глянув на окно. — Ещё даже не рассвело. Что тебе

надо?

— А как ты думаешь, затворница? — рассмеялся демон. — Пришёл напомнить о кое-каком обещании.

Я сжала пальцами виски.

— А...А-а-а! Слушай, а тебе случайно моя душа ещё не нужна? Домой хочу.

Демон бухнулся рядом со мной на подушки и панибратски приобнял за плечи.

— Я так и знал! Надо было со сделкой подождать... Извини, дорогуша, но не могу заключать два договора с одним человеком одновременно. Вот обещание исполнишь, кровью распишешься и вуаля тебе дом. Ну-ну, не смотри так грустно. Я, собственно, к тебе с поручением.

— Скажи, что ты хочешь, чтобы я убила будущую королеву Фрэсны, — пробурчала я, укутываясь в одеяло: комната за ночь ужасно выстыла.

— Зачем? — изумился демон. — Милая же девушка. Очень. И потом: твоя душа уже не будет такой невинной, а я этого не хочу. Нет, Катенька, мне просто надо, чтобы ты передала кое-что одному человеку.

— Что? И кому? — чувствуя подвох, спросила я.

— А это тебе знать необязательно, — усмехнулся демон, протягивая мне увесистый бархатный мешочек. — Смотри, ты сейчас оденешься, выйдешь за ворота дворца, пройдёшь к кладбищу, увидишь там человека в плаще и просто отдашь ему это.

Я подёргала завязки мешочка. Но мне они поддаваться не собирались.

— И как я выйду? Меня даже из комнаты не выпускают.

— А, всё просто! — отмахнулся демон. — Никто тебя не заметит. А дальше пойдёшь за огоньком. Не заблудишься.

— А обратно я как пройду? — нахмурилась я.

— Тебя проведут, — уклончиво ответил демон. — Давай, Катюш, ты хочешь домой?

А то! Меня здесь больше ничто не держит.

— Хочу, — отчеканила я. — Ладно, поработаю курьером. А если на этом кладбище будет много людей в плащах?

— В такое время? — фыркнул Чёрный. — Не будет.

Демон оказался прав: мне действительно удалось беспрепятственно выйти из дворца (хотя я три раза запуталась в переходах) и потом дойти до кладбища вслед за ядовито-зелёным огоньком. Правда, там у могил пришлось побродить, а это страшненько, вообще-то. Но недолго.

— Катрин? — удивлённо произнёс странно знакомый голос.

Я резко обернулась, увидела закутанную в плащ фигуру и быстро протянула мешочек.

— Э-э-э, здравствуйте. Вот, это вам.

А фигуре — мужчине, голос-то мужской был — завязки поддались. Внутри мешочка оказался медальон, ярко засиявший при лунном свете.

Я отпрянула, разглядев лицо мужчины.

— Лорд де Лашете?!

— Да, я тоже не ожидал тебя здесь увидеть, Катрин, — улыбнулся мужчина. И исчез вместе с медальоном ещё до того, как из темноты вдруг появились мертвецы и кинулись к нам.

А у ближайшей могилы, полускрытые надгробным камнем, стояли ещё две не замеченные мной фигуры. Когда одна из них шагнула вперёд, и я рассмотрела, кто это...

силы исчезли, голова закружилась, и я осела на руки ближайшему мертвецу.

Накинув обратно капюшон, Эдвард резко отвернулся и быстрым шагом направился в сторону ворот.

— Милочка, — раздался рядом голос короля-колдуна. — А ведь я тебя предупреждал.

Глава 21

Это со мной раньше ещё хорошо обращались. Всё познаётся в сравнении, ага.

Вот сижу я в сырой холодной комнате с зарешёченным окошком, скрипящей кроватью, допотопным столом, разваливающимся стулом и сравниваю...

Служанки (или тюремщицы, фиг разберёшь, уж очень высокомерные) говорили, что меня вроде как будут судить за предательство короне, ложь принцу-наследнику и прочее, и прочее, и прочее. И ждёт меня смертная казнь. По поводу последнего я и не сомневалась: зная отца Эдварда...

Но я, как дура, ждала, что Эд, мой прекрасный принц, явится и меня спасёт. Всегда же спасал. И он же говорил, что не верит, что я не способна предать. Что изменилось?

Может, это его папочка, решив заполучить девственницу в жертвы, специально запудрил Эду мозги? С него станется: маньяк, он и в Фрэсне маньяк. Для него очередное заклинание сотворить — жизни дороже. Чужой, конечно.

Так или иначе, но Эдвард не появлялся. Я виделась только со стражниками и служанками — тюремщиками и тюремщицами. А, ну и из окна смотрела, как караул меняют.

И всё никак не могла поверить, что умру. В голове не укладывалась. Да я сидела уже так и ждала казни! И что? Меня спасли. И сейчас спасут. Кто-нибудь... что-нибудь.

Я в это твёрдо верила вплоть до рассказа одной из служанок, что меня уже обвинили и казнь будет дня через два. Какая-то особенная. Особенная, ха! На жертвеннике. Что, я фильмы не смотрела — как в жертву приносят знаю.

К вечеру того дня я открыла для себя молитвы. А что ещё делать, как не к богу обращаться на пороге смерти? Не то, чтобы я очень верила... Вру. Верила. Серьёзно, я, продвинутая атеистка, отлично понимающая серьёзность науки и всё такое прочее, дико боялась умирать и потому молилась, молилась, молилась. Сразу вспомнила все азвонские уроки — мы там и молитвы заучивали, чтобы кардинала поразить. Вот, пригодилось.

Как ни странно, помогало.

Казнить меня должны были ночью (а когда ж ещё ритуалы проводить, как не в полночь?). Я счёт дням уже давно потеряла, да и служанки меня беспокоили всё меньше. Кому какая разница, как жертва выглядит?

Так что, услышав совсем рядом голос, я удивилась донельзя.

— Ненавижу таких, как ты.

Я медленно повернула голову, не вполне понимая: это моё больное воображение или рябой мальчишка-маг и впрямь сидит на моём столе?

— Ой-ой-ой, я бедная-несчастливая, меня все бросили и даже принц спасать не едет, — засюсюкал Жиль. — Ах, теперь я лягу на жертвенник и умру, а им потом всем станет стыдно. Так?

Я изумлённо таращилась на него и молчала.

— Ты такое ничтожество, Катрин, — вздохнул мальчишка. — Даже не понимаю, как ты вообще во всё это ввязалась.

— Это вы, — хрипло произнесла я и закашлялась. — Вы меня втянули. И как только с демонами договорились?

— Дура, — бросил мальчик. — С демонами уже договорился король Дерик. Они не заключают повторных сделок. Если обещали победу одному, на сторону другого не переметнутся — даже если им пообещать хоть все души на свете. А тебе следовало бы знать, что Проклятые никогда не несут добро и свет. Ты же почему-то решила, что раз сохранила душу, значит, спаслась. Дура... Вот и предстанешь со своей душой перед Создателем.

— У тебя, я смотрю, пунтик на демонов, — буркнула я. По-старофранцузски это, конечно, по-другому звучало, но не важно.

Мальчишка оскалился.

— Угадала. Но это не твоё дело, Катри-и-ин. Вообще-то мне хотелось рассказать, что тебя ждёт. Точнее, твоего драгоценного принца. Милый Эдвард определился со стороной, нашим он уже не будет никогда. Жаль, хотя я это предвидела. Но чума этого ублюдка почему-то не взяла, а граф так желал сделать принца нашим союзником... Зря, к тому же, с Эдвардом слишком сложно — умный больно. А вот Дерик потеряет сильный козырь с его смертью. Что же нам делать?

Я мрачно смотрела на мальчишку. Что-то в его облике настораживало. И даже не просто недетская злость, а... Тень!

— Ты наверняка решила, что мы хотели убить тебя, милая? Или демон, с которым ты договорилась, договорился и с нами? Зря, очень. Так вот, милая моя, на короля Дерика ночью нападут. Просто отвлекут, чтобы не мешался. Убьют, если получится, но вряд ли. Конечно, у него уже нет защиты Госпожи-между-двумя-мирами. Жаль, она есть у принца, но Госпожу надо вызвать, а мы ему это не дадим. Да, милая Катрин, ты нам совершенно не нужна. Но принц собирается выкрасть тебя из-под носа у отца и неминуемо будет находиться рядом с жертвенником в полночь. Догадываешься, кого мы принесём в жертву? Кровь некроманта... куда твоей невинности до неё!

Я задрожала, молитвенно сжав руки.

Мальчишка с наслаждением оглядел меня с ног до головы и вдруг произнёс:

— Дурочка... Такой, как ты, нигде не будет места. Посмотри, ты в конце-концов всем приносишь несчастье. Потому что слишком глупа, чтобы хотя бы попытаться быть добродетелью, а не грехом. А тебе даже в голову не приходит что-то с этим сделать. Ах, Катрин-Катрин...

— Что с твоей тенью? — прошептала я, глядя, как странно меняется, удлиняется, расширяется, волнуется силуэт за спиной мальчишки.

Жиль хохотнул.

— Хочешь фокус покажу? — задорно бросил он. — Гляди.

Его черты знакомо потекли, фигура вытянулась, волосы удлинились...

Через мгновение мне улыбалась Аглая.

— Ну што, госпоша, вы впешатляться?

Я закрыла глаза, пытаюсь унять дрожь.

— Ладно, пойду я, — произнёс другой незнакомый женский голос.

Я открыла глаза: Аглая превратилась в красавицу-принцессу, будущую королеву Фрэсны.

— Пожелай своему любимому покоиться с миром, — улыбнулась принцесса. — Прощай, Катрин. Ты была забавной. Точнее, твоя глупость.

— Зачем это тебе? — слабо произнесла я.

Силуэт принцессы снова "потёк".

Жиль пожал плечами.

— Я хочу править королевством магов. Для начала нам нужна земля — место, где Святой Престол нас не достанет. Фрэсна отлично подходит. Дерик сделал львиную долю работы. Молодец.

— Де Лашете, конечно, не знает, — усмехнулась я.

— Подозревает, — улыбнулся мальчишка. — И хочет меня убить, как только наденет корону. Но я буду быстрее.

Я бесцельно металась по камере, а за окном слишком быстро уплывало за горизонт солнце, отсчитывая последние минуты... мои... Эдварда.

Я дура. Жиль прав, я абсолютная дура, и из-за меня одни неприятности. И знала же раньше! А теперь? Сама помру, так и Эдварда в гроб загоню?

Как бы я на него ни злилась раньше, смерти я ему не желала. Нет. Никогда.

Но что, чёрт возьми, я могу сделать, запертая в тюрьме?!

Я пыталась барабанить в дверь и звать тюремщиков, крича, что мне нужно увидаться с принцем, что это срочно и важно.

Без толку.

Солнце село, время шло, а, я выдохшись, упала на склизкий холодный пол, обняла колени и, конечно, зарыдала. Моё универсальное решение для всех проблем. Жаль, сейчас не поможет!

Думай, Катя, думай. Если бы ты была свободна, если бы мог кто-то помочь... помочь...

Жиль что-то говорил про какую-то госпожу. Она помогала некроманту... если помогала — значит, она связана со смертью?

Решение было глупым, как и, наверное, всё у меня. Да и не решением вовсе: меня просто вдруг как подбросила, а в голове молнией пронеслось: а вдруг сработает?!

Я схватила с подноса, на котором мне принесли обед, тупой нож и, приставив к шее (знакомо — раньше мне это делали, теперь я... жизнь — странная штука), громко произнесла: "Госпожа-между двумя мирами, прошу, появись". В фильмах и книгах что-то подобное так делается. Конечно, сейчас не сработает, но...

— Ну наконец-то, — вздохнул в темноте старушечий голос. — Догадалась!

Нож упал на пол, а я тупо уставилась на... матушку Ганз.

— Ладно, этот благородный... кстати, где он? — матушка заозиралась. — Девочка, ну-ка рассказывай, где Эдвард?

Я моргнула. И выпалила:

— А вы точно ему помочь хотите? Ему, не себе?

Ведьма хмыкнула.

— Девочка, по-моему, раньше ты не была такой недоверчивой. Хорошо: я ведьма смерти, поэтому своих детей у меня не будет, а Эдвард мне как сын. Как думаешь, мать поможет своему ребёнку? Рассказывай!

Сбивчиво, перескакивая и поглядывая на темноту за окном, я пересказала всё, что знала: про лорда де Лашете, Жилья, Эдварда...

— Всё? — мрачно спросила матушка, когда я замолчала. А, дождавшись моего кивка, отчеканила. — Дура!

И, постучав, по полу клюкой скрылась в сверкающем круге переноса.

Круг медленно гас, когда я, опомнившись с криком: "Подождите меня!" бросилась в портал.

Выбросило меня где-то совершенно не там: посреди пустого тёмного двора. Хотя почему тёмного? Ало-зелёные вспышки отлично его освещали.

Кашляя, на подгибающихся коленях я бросилась к "сверкающему" дому. Забавно, но у меня и мысли не возникло бежать — освободилась же. Где-то там мог быть Эдвард. И он там был из-за меня.

Да, в конце концов, я ему стольким обязана!

В доме тоже оказалось пусто — на такие мелочи, как трупы стражников я просто не обратила внимания. Этому быстро учишься, когда живёшь с некромантом. Не встаёт труп и ладно.

Я почти ожидала встретиться нос к носу со злющим Дериком и связанными магами де Лашете. Король-колдун хитрый, он всегда побеждает. (Это из раздела "Всё всегда будет хорошо", "со мной никогда ничего не случится" и "я никогда не умру" — полная ложь, короче).

Вместо этого засверкало-загрохотало совсем рядом — ало-зелёные молнии слепили глаза, но самое главное я всё-таки увидела: широкий плоский камень посреди залы, чудом уцелевший во всей этой вакханалии.

И самое страшное: кто-то на нём лежал.

Принц-наследник Фрэсны сломанной куклой раскинулся на алтаре, а мне отчего-то мерещилось, что он просто спит. Конечно, если забыть про промокший от крови ворот, стекающую по щеке алую струйку, смотрящие в никуда глаза...

Я рухнула рядом на колени.

Господи... Ущипните меня кто-нибудь. Это же не может быть правдой. Не может. Не может, не может, не может...

— Эдвард...

Сейчас он встанет. Улыбнётся и встанет. Он же всегда умел сбегать, он же... всегда... побеждал...

Я схватила его за руки.

— Эдвард!

По телу юноши прошла судорога. Взгляд на мгновение стал осмысленным, губы шевельнулись — и изо рта плеснула кровь. Рука схватила меня за плечо, сжала.

Я замерла, цепenea от ужаса.

Воздух словно сгустился, на мгновение стало жутко жарко... Очередная вспышка — по каменному полу ни с того ни с сего поползли струйки огня, подбираясь к жертвеннику. Не размышляя, я схватила Эда за руку и умудрилась стащить с камня, прежде чем он запылал. А потом огонь был впереди, позади и сбоку. Где-то за завесой пламени всё ещё сражались — я слышала проклятья и звон клинков. Но важным было добраться до проёма двери. Эд ещё жив — если я смогу его вытащить, ему помогут. Он не может умереть! Просто не может.

Очередная струйка огня протекла совсем рядом и вспыхнула рычащим пламенем, пытаясь лизнуть мне лицо. Я отшатнулась, но чудом удержалась на ногах и удержала Эда. Ну же! Ещё чуть-чуть. Три шага... три струйки... Плевать, что кашель не даёт вздохнуть, а одежда тлеет. Эдвард ещё дышит — надо идти. Но, господи, какой же он тяжёлый!

Не всё же тебе меня спасать, Ваше Высочество!

От двери дохнуло желанной прохладой. Ещё шаг и... Стена, не пускающая нас за порог. Чёртово местное колдовство!

— Кат...рин? — шепнули на ухо.

А огонь всё ближе...

Я рухнула на колени от усталости и аккуратно опустила на пол Эда.

— Тс-с!.. Потерпи ещё немного, я тебя вытащу.

Я смогу. Я должна.

Юноша слабо улыбнулся.

— Я думал... брежу... — и, знакомо потянувшись к моему лицу пальцами, выдохнул. —

Кат...рин... ты... правда... де... Лашете... служи...ла?

— Нет! — выкрикнула я, пытаюсь справиться с надсадным кашлем. — Никогда!

Эд снова улыбнулся. Его грудь тоже содрогалась от кашля — и каждый раз немного крови вытекало из уголка губ.

Я снова с силой кулаком ударила невидимую преграду. Та и не думала исчезать.

Чёртова магия! Пусти! Выпусти нас!

— Кат...рин, — дрожащие пальцы нежно погладили мне щёку. — Прости. Я... поверил... Я люблю тебя...

— Да, Эдвард, я тебя тоже, — зашептала я, чтобы не стонать от отчаяния. — Но нам надо как-то выбраться... Я сейчас... сейчас придумаю... Я не дам тебе умереть... Эд, что ты делаешь?!

Не слушая меня, юноша вдруг рывком сел и, заходясь в кашле, с неожиданной силой толкнул меня в проход. Я ахнуть не успела, как выкатилась за дверь, и никакая преграда на этот раз не помешала!

Обрадовавшись, я бросилась обратно к Эду... и упала в двух шагах от него — невидимая преграда снова появилась. И теперь не давала подойти к моему принцу.

— Эдвард!

— Беги... котё...нок, — выдохнул юноша.

Стена огня придвинулась ближе...

Я била и била невидимую преграду, пока жар с той стороны не стал невыносимым. И тогда, захлёбываясь рыданиями, упала на пол. И плакала, и плакала, против воли ожидая, что Эд сейчас выйдет, придёт ко мне, и снова всё станет, как раньше.

Огонь погас под утро — забрезжил серый рассвет и будто смыл алые всполохи.

Я равнодушно наблюдала, как королевские мертвецы ворвались в превратившийся за ночь в руины дом. Смутно слышала, как совсем рядом странно сиплым голосом отдаёт приказы король. Проводила взглядом вынырнувших из чёрного провала мертвецов, положивших перед колдуном ту самую ведьму-метаморфа. Король едва взглянул на неё. А я смотрела. И думала, что сейчас она похожа на Камиллу: такой же мёртвый взгляд, никто ей глаза закрыть не догадался. Изучала серебряный медальон, висящий на шее ведьмы — тот самый, что я принесла лорду де Лашете. И думала, что надо по ней прочитать успокоительную, даже пыталась вспомнить слова — Эдвард же тогда читал...

Король глухо вскрикнул и бросился к чёрному проёму двери, заставив меня отвести взгляд от мёртвой ведьмы.

Эдвард, тоже нетронутый огнём, лежал на коленях вздрагивающего от рыданий отца и тоже смотрел в серое небо невидящим взглядом.

— Requiem, — забормотала я непослушными губами. — Domine...

И всё-таки потеряла сознание.

Спустя сутки... а, может, двое или трое меня навестил король-колдун.

Да, меня вернули обратно в камеру. Как именно — не помню, кажется, я долго валялась в глубоком обмороке, и всё, что помню: как поливала слезами пол. И с ужасом понимала: Эд действительно мёртв, и это навсегда.

После я впала в ступор: что-то где-то происходило, может, даже рядом, но меня это совершенно не касалось.

Но визит отца Эдварда проигнорировать не получилось.

Я ожидала, что он снова начнёт зубоскалить и угрожать. Но в камеру вошёл человек, слабо напоминавший короля Дерика. Постаревший на несколько лет колдун с трясущимися руками и стойким запахом перегара.

— Эдвард не хотел, чтобы ты умирала, — произнёс он, сев рядом. — Он погиб из-за тебя, девчонка. Если моё проклятье хоть куда-то дойдёт, я тебя проклинаю.

Я думала, что слёзы кончились. Нет: щёки снова стали мокрыми. Я сглотнула дерущий горло комок.

Что ж, заслужила.

— Я не буду приносить тебя в жертву, девочка, — тихо добавил колдун. — Да и не зачем. С де Лашете я расправился. Его маги мертвы. Можно было бы использовать твою жизнь на Азвонию — герцог де Сиета отравил короля и захватил трон. Адриана сбежала к нему и вместе, если договорятся, они возродят и гильдию магов, и армию... Но я не хочу. Я снова закрою страну, — колдун судорожно вздохнул, и я с изумлением поняла: он тоже плачет. — У меня только-только появился сын, девчонка, а ты отобрала его, — добавил он, вставая. — Тебя казнят. Отрубят голову. Вслед за де Лашете и парочкой его приспешников. Ты виновна в смерти наследника, и тебе полагается более жестокая казнь. Но в память о моём сыне я смягчил приговор. Завтра. Поверь, если бы не Эдвард, я бы разорвал тебя голыми руками, "поднял" и заставил плясать на улицах столицы. Будь ты проклята.

Я судорожно вздохнула.

— Эдвард говорил, будто ты считаешь, что ты из другого мира, — вдруг произнёс Дерик, берясь за дверную ручку. — Если это так... Я понимаю, почему умер мой сын. Он в любом случае бы погиб: я видел на нем печать смерти, я же некромант. Ему просто не было здесь места. Но ты... тебе бы наш мир прекрасно подошёл. Именно такой, как ты, его и создавал.

Колдун давно ушёл, а его голос всё ещё звенел у меня в ушах.

Подошёл? Да? Катя, посмотри на себя, в кого ты превратилась? Невинная? Ха! Может, поэтому Чёрному моя душа на самом деле нафиг не нужна. Нашёл невинную деву! То, что я ни с кем не спала, не делает меня монашкой.

Я даже убила единственного человека, которому было не всё равно, что со мной станет.

— Я бы не сказал, что твоя душа так уж сильно проиграла в цене, Котёнок, — произнёс знакомый голос. — Кстати, тебе привет от Госпожи-между-двумя-мирами. Кажется, повезло, что тебя намерен убить король, потому что когда эта ведьма придёт в себя, то обязательно отомстит тебе за смерть своего...хм... названного "сына".

Я вздрогнула, просыпаясь. Камера плавала в сером мареве рассвета. Сегодня. Сегодня

меня...

— Нет, если ты всё-таки отдашь мне душу, — ухмыльнулся Чёрный, стоя у зарешеченного окна.

"Убейся" застряло в горле.

— Зачем она тебе? — выдохнула я.

Демон — снова в образе человека — обернулся.

— Ну что ты, девочка. Я же говорил: в следующий раз ты не отделаешься желанием.

Ясно. Что-то вроде спорта, наверное. Я облапошила его в прошлый раз, и он решил поглумиться сейчас.

— Вали в свой ад и оставь меня в покое.

— Катя! — изумился демон. — Тебя сегодня казнят, не забыла? Хочешь, я верну тебя домой прямо сейчас, — и, не дождавшись моего ответа, махнул рукой. — Смотри.

Я смотрела. На переулочек у моего универа. На застывшую толпу журналистов. На белую Ломбарджини...

— Или, — тёк голос Чёрного, — я могу вернуть твоего любимого, Эдварда. Вот только тогда ты умрёшь. М-м-м, мне это нравится. Ты в любом случае отдашь мне душу и в любом случае будешь страдать — умирая или же вернувшись домой, зная, что твой Эдвард погиб из-за тебя...

— Замолчи!

— Как знаешь, милая, — улыбнулся демон и кивнул на дверь. — Вон, за тобой уже идут. Позови меня, когда решишься, Катя-котёнок. Но помни: времени у тебя осталось мало.

На казнь — тут же, во дворе замка-тюрьмы — меня почти тащили: ватные ноги не шли. Я вообще, кажется, сходила с ума: крики зевак доносились будто издалека, помост я разглядела лишь когда меня на него швырнули, а шевелиться сама практически не могла.

А люди вопили. Помнится, раньше они кидали камни — сейчас нет. Наверное, потому что моя казнь была уже которая там по счёту. Но крики, пусть и словно сквозь вату, я слышала.

"Шлюха".

Теперь это ровным счётом ничего уже не значило.

Под крики толпы, заглушающие мерный голос клирика, читающего молитву, мне грубо отрезали и так короткие волосы. Я даже отстранённо подумала, что сказал бы Эд, увидев сейчас эти откромсанные пряди.

У самого помоста, в мешанине лиц, улыбался Чёрный. Думаю, его никто не замечал, кроме меня.

Я обернулась и палач, уже потянувшийся за спрятанным мечом, вздрогнул.

Забавно, Его Величество и впрямь оказал мне честь. Мечом здесь казнили только знатных особ, королевской крови, например...

Голос клирика зазвучал громче, перекрыв толпу. Я смотрела на палача, понимая, что если сейчас отвлекусь, он вытащит меч и... Потому что это считается милосердным, когда заключённый не видит.

— Катя, время, — шепнул голос демона.

Я вздохнула.

Я очень хочу жить. Но не так. Не без него. И зная, что виновата я, я одна.

Я отвернулась от палача.

— Верни его. И сделай так, чтобы он был счастлив.

Демон у помоста хмыкнул. И исчез.

А я слушала молитву и смотрела на толпу. Сплошная мешанина лиц. Гомон слившихся воедино голосов.

А потом взгляд вдруг зацепился за золотые вьющиеся волосы, зелёные глаза, знакомые мягкие черты...

Пока глаза не застили слёзы, я смотрела на стоящего перед помостом Эдварда. Его не могло быть здесь, но он был. И улыбался. И протягивал ко мне руки.

Демон уже исполнил моё желание?

Свистнул рассекающий воздух клинок...

Что-то взревело, рядом кто-то выругался, чем-то зашелестели. Меня схватили за плечи.

Вспышка. Ещё одна. Ещё.

Голова гудела, отчаянно болела шея.

Король-колдун как-то говорил, что я умру "в видениях". Это они? Но почему тогда так болит шея? Я же не должна была даже почувствовать боли.

Шея считала иначе.

Я непонимающе заозиралась. Меня фотографировали. Снимали на камеру. Пытались поднять — те, кто держал за плечи. И все эти люди — громадная толпа, как мне казалось, — говорили на каком-то странном языке, который я не сразу узнала как... русский?!

Волосы упали на лицо (как?! мне же их остригли!), когда я в очередной раз попыталась — неловко — повернуть голову. Господи, что на мне? Почему я... раздета... точнее, одета в какую-то сорочку?! Ох, нет, это же моё платье, в котором я когда-то... когда-то я...

Нет, демон же должен был вернуть Эдварда!

Руки, державшие меня за плечи, неожиданно исчезли.

Ты же должен был вернуть Эда, мерзкий демон, ты снова меня обманул! Ты должен был вернуть! Ты должен был...

— Mademoiselle!

Рука, обтянутая тёмно-бордовой перчаткой с золотистыми узорами по краям у запястья и замысловатой вышивкой из геральдических лилий и единорогов. И эта рука была у меня перед глазами, безумно напоминая...

— Катя! — звала Таня, высунувшись из окна на втором этаже.

Я подняла голову. У капота белого Ломбарджини стоял... стоял...

— Эдвард? — выдохнула я, не веря глазам.

Как?!

Юноша — знакомый и незнакомый одновременно — опустился передо мной на колени. Нахмурился, точно прислушиваясь... или вспоминая.

Камеры защёлкали, как сумасшедшие и, кажется, все журналисты заговорили разом.

Но даже в этом гаме я услышала самое важное:

— Катрин?

Trick or treat!

Аннотация:

Небольшая сайд-стори по "Там тебя никто не ждёт". Катрин рассказывает Эдварду про Хэллоуин.

Тыква была большой, аппетитно-оранжевой и с забавным хвостиком. Я примерилась к ней столовым ножом, но взрезать кожицу оказалось не так-то просто. В общем, когда Эдвард — как обычно вечером — зашёл пожелать мне спокойной ночи, я чувствовала себя тыквоубийцей: с азартом кромсала твёрдую кожуру, вынимала внутренности...

— Катрин, что ты делаешь? — вместо приветствия, ошеломлённо прошептал Эд.

— Рисую... рожицу, — выплёвывая тыквенную мякоть, пропыхтела я.

— Зачем?!

— Я сделаю... ей... гримасу... и вставлю свечку! — я закончила с левым глазом и отодвинулась оценить результат.

Мда... теперь тыква косила. Но очень злобно.

— Это у вас обычай такой? — осторожно осведомился Эд, аккуратно забирая у меня нож.

— Да, — буркнула я. — Хэллоуин. Только он не у нас и, наверное, уже кончился...

Эдвард задумчиво повторил название и внимательно посмотрел на меня.

— Звучит как День Всех Святых на одном из наречий Альбиона.

— Ну, у нас он как-то так и переводится, — я со вздохом отвернулась от тыквы. Всё равно ничего не получится... Слуг, что ли, позвать? Или Проклятых? Те мигом эту оранжевую крепость разделают и свечи навставляют.

Эд сел на кровать, с интересом глядя на меня.

— Расскажи.

Я, потеряв к тыкве, а следовательно и к Хэллоуину, интерес, вяло откликнулась:

— Ну, там вот тыквы с рожицами... И ещё одеваются в костюмы ведьм, привидений, — ужасиков всяких, ходят по домам и требуют: "Trick or treat". Типа, дай сладости, а то мы тут ка-а-ак насвинячим!

Эд, прищурившись, смотрел куда-то мимо меня.

— А потом делятся "награбленным" и съедают много конфет, — подытожила я.

Эд вскочил и, ни слова не говоря, исчез за дверью. Я проводила его недоумённым взглядом и от нечего делать снова взялась за тыкву.

И получившаяся мерзкая рожа наверняка будет преследовать меня по ночам! Причём без всяких свечей...

Ближе к хвалитне — т. е. глубокой ночью — в дверь постучали.

Я изумлённо вскинулась — обычно открывали слуги, и уж никак не я... но любопытство победило. Я решительно взялась за ручку.

— Trick or treat! — заорала на ломанном английском помесь Эдварда и упоротого вампира (это мне потом сказали, что тут смерть так изображают. А ещё думала, начерта он косой размахивает...)

— Эд... ты чего? — выпалила я, глядя на эту страхолюдину.

"Вампир" стянул капюшон, став напоминать Эда чуть больше.

И протянул мне простыню.

— Катрин, ты будешь привидением. Заворачивайся и идём.

— Куда?!

— Сладости требовать, — спокойно объявил Эдвард, будто мы на соколиную охоту

собирались.

Спорить было бесполезно. Я кое-как (поверьте, поверх блио это жутко неудобно) завернулась в белую простыню, пару раз в ней запуталась, потом наступила на край... Наверное, проклинаящее всех и вся привидение — это сильно. В общем, я составила Эду достойную пару.

А для вящей убедительности мы взяли парочку мёртвых и одного Проклятого. Так что даже не знаю, кто пугал больше...

Тактика Эда была проста. Красноречиво потряхивая мешком, он стучался в жилые покои фрэнсийского дворца — методично, не пропуская ни одной двери. И о-о-очень громко кричал: "Trick or treat!". Думаю открывающие (когда приходили в себя) путали это с "Кошелёк или жизнь!". И вместо сладостей звенели монетами. Довольный Эд благодарил и шёл дальше, в промежутках между дверями что-то методично записывая на клочке бумаги.

Правда, иногда нам открывали рыцари. Обычно голые, но с мечом. И тогда в дело вступали мертвецы и Проклятый. Они очень доходчиво объясняли незадачливым воякам смысл "Trick or treat!". Монеты нам давали и тут.

Очень скоро мешок Эда ощутимо потяжелел, а я охрипла (мне полагалось в нужных местах кричать: "У-у-у-у!". Правда, я больше материлась, ругая чёртову длинную простынь. И тогда нам монет давали больше).

Обойдя дворец и не пропустив ни одной комнаты или дома, занятых лордами, Эд повернул к королевским апартаментам. Я уже с ужасом представляла, какотреагирует король-некромант на "Trick or treat!". Реальность превзошла ожидания.

— Ну что? — с энтузиазмом поинтересовался Дерик, открывая на дверь. — Много собрали?

Эд тряхнул мешком и протянул отцу клочок бумаги.

— Неплохо-неплохо... А, Эрекс — жмот, зажил... И Валдекс... Ага... и ещё пять... десять лордов... Графы... Хорошо, Эдвард, — поднимая глаза от списка, улыбнулся король. — Отлично. Теперь будет чем расплатиться с торговцами с островов, — и снова покосившись на список, вдруг выдохнул. — Нет, ну жмоты же... А пойду-ка я их напугаю!

Глядя, как чеканят шаг мертвецы вслед за колдуном, одетым как си-и-ильно упоротый вампир, я с трудом сдерживала смех.

— Trick or treat! — ухмыльнулся Эд, помогая мне снять простыню и целуя в щёку. — Ты молодец, Катрин. А то мы не знали, как у двора деньги вытрясти.

— Очень... оригинально, — выдавила я.

Эд улыбнулся и потянулся к моим губам.

Больше книг на сайте — Knigolub.net